

Андрей Ливадный

Контрольный выброс

Annotation

Если ты один раз попал в Зону Отчуждения, она не отпустит тебя уже никогда. Вот и бывший сталкер Штопор, давно покинувший окрестности Чернобыля, решает вернуться, чтобы забрать из тайника на Кордоне оставленный когда-то хабар. Многое изменилось в Зоне за время его отсутствия, поэтому Штопор нанимает в проводники двух опытных сталкеров – Инока и Гурона. Они еще не знают, что подписались на смертельно опасное предприятие, в котором противостоять им будут спецслужбы, военные и легендарная сталкерская группировка «Монолит». А у самого Штопора имеется тяжелая и мрачная тайна, которая опаснее, чем все мутанты и коварные ловушки Зоны...

Андрей Ливадный Контрольный выброс

Пролог

Высокий мужчина плотного телосложения, одетый в потертые джинсы и черную кожаную куртку, появился на окраине населенного пункта N незадолго до наступления комендантского часа.

На дворе стояла ранняя осень, в прозрачном стылом воздухе парили невесомые паутинки, и солнцезащитные очки незнакомца, скрадывающие черты лица, смотрелись несколько неуместно. Впрочем, он ненадолго задержался на улице, проделав короткий путь от автобусной остановки до придорожного кафе энергичным, размашистым шагом, не вызвав интереса у редких прохожих, также спешивших по своим делам.

Завидев появившийся у ближайшего перекрестка военный патруль, он быстро поднялся по ступеням обшарпанного крыльца, над которым красовалась выцветшая вывеска с нечитаемым названием. Войдя внутрь, он огляделся, прошел к стойке бара, с минуту терпеливо ждал, пока бармен соизволит выйти из подсобки, затем перекинулся с ним парой слов, заказал пиво и, сразу же расплатившись, направился к единственному занятому столику, за которым ужинали двое сталкеров.

Безошибочный вывод незнакомца относительно рода их занятий основывался на нескольких простых наблюдениях. Во-первых, несмотря на пустой зал, эти двое заняли самый дальний столик – с таким расчетом, чтобы за спиной оказалась глухая стена, а витринные окна и вход в кафе постоянно находились в поле зрения. Во-вторых, скупые жесты и внимательные, цепкие взгляды выдавали их постоянную внутреннюю готовность к немедленному действию, свидетельствуя, что большую часть времени они проводят среди смертельно опасных пространств Зоны Отчуждения.

«Сталкеры-одиночки», – мысленно поправился незнакомец, нарочито медленно пересекая зал. Интересный типаж. Внешне – полная противоположность друг другу. Щека одного рассечена глубоким шрамом. Темные волосы зачесаны назад, нос прямой, глаза карие, черты лица грубоватые, подбородок массивный. Ясно, что в деле он чаще работает на рефлексах, полностью доверяя чутью.

Второй сталкер резко отличается от своего товарища, по крайней мере внешне. Короткие светлые волосы, глаза с холодным, серо-зеленоватым отливом зрачков, черты лица тонкие, аристократичные, выбрит на удивление гладко, в бою наверняка лидер, просчитывающий ситуацию на

ход вперед.

– Не помешаю? – Незнакомец остановился, снял темные очки, что следовало расценивать как жест доброй воли, и, не дожидаясь приглашения, передвинул стул, устроившись сбоку от столика, чтобы не блокировать обзор.

– Ничего не попутал? – Один из сталкеров, тот, что со шрамом, хмуро, без интереса посмотрел на незнакомца.

– Мне нужен проводник.

– Туристов не водим, – спокойно, но категорично отрезал светловолосый.

– А я не турист. Два года в Зоне не был. Решил вернуться, но тут, говорят, все сильно изменилось.

Сталкеры молча переглянулись, затем один из них достал из внутреннего кармана куртки свой ПДА.

– Говори.

– Штопор, – представился незнакомец, прекрасно понимая, о чем идет речь. Его личность могла быть проверена только через локальную сталкерскую сеть, причем при положительном результате все вопросы к нему автоматически снимались – он мог рассчитывать на помощь, в разумных пределах и за разумную плату, разумеется

Тускло осветился миниатюрный дисплей.

– Штопор, значит? – Светловолосый сталкер внимательно сравнил полученный из сети архивный снимок с сидящим подле него оригиналом, при этом на его лице не отразилось никаких эмоций. – Когда в последний раз был в Зоне?

– В июле десятого года.

– Ходят слухи, что в ту пору группа сталкеров искала тропу, ведущую к Припяти, в обход Радара. Это так?

Штопор кивнул.

– Кто еще ходил с тобой?

– Брокер, Карась и Глобус. Они погибли.

Сталкер ввел запрос, сверился с поступившими данными, затем выключил ПДА и произнес:

– Будем считать, что знакомство состоялось. Я – Инок.

– Гурон, – без особого энтузиазма представился второй.

– Так что? – Штопор чуть подался вперед. – До Кордона проведете?

– Мы собирались выйти через час. – Инок сцепил пальцы рук в замок, исподлобья взглянул на Гурона, уловил сомнение в его ответном взгляде и добавил: – Экипироваться не успеешь.

– Не проблема, – ответил Штопор. – У меня тайник на Кордоне.

– Давно ты в Зону не ходил, – Инок усмехнулся. – Это раньше периметр как решето был. Теперь плотно закрыли. Без специальной экипировки уже не пройдешь. – Он на секунду задумался, потом кивнул: – Ладно. Есть у нас третий комплект снаряжения. Только предупреждаю сразу: идем без оружия, рубеж военных проходим тихо, в указанном мной месте. Никакой стрельбы. С тебя – полное подчинение, пока не окажемся на Кордоне, и десять штук за комплект спецэкипировки.

Штопор кивнул, практически не задумываясь. Похоже, что деньги его в данный момент не очень-то интересовали.

– Почему без оружия? – все же напрягся он.

– Меньше риска. У нас правило такое: если военные взяли – не брыкаемся, косим под «туристов». Денек подержат – отпустят. А ствол при тебе найдут – шлепнут на месте.

– Серьезно? Вот так все круто теперь? – искренне удивился Штопор.

– Полгода назад ввели жесткую блокаду отчужденных территорий, – пояснил Инок. – У группировок свои коридоры, а вольным сталкерам приходится туго.

– Значит, без оружия… – Штопор выглядел озадачено. – А в Зоне как? А на мутантов нарвемся? Или на бандитов?

– Сразу за рубежом у нас тайники, – успокоил его Инок. – Поделимся с тобой из личных запасов. Голым не оставим.

– Из уважения к старшим? – сощурился Штопор.

– В память о погибших, – внезапно помрачнев, ответил Гурон, не проронивший до этого момента ни слова.

Инок удивленно покосился на товарища, но комментировать его реплику не стал. Лишь мысленно взял на заметку: спросить при случае, с чего вдруг такая реакция.

– Если согласен с поставленными условиями, то пошли, – произнес он, обращаясь к Штопору. – Задерживаться нельзя, скоро темнеть начнет.

Часть первая Хаос

Глава 1 Двойной прорыв

Граница Зоны Отчуждения. Тридцать четвертый сектор

Свежая вырубка в лучах предзакатного солнца выглядела вполне безобидно: пни, зеленый ковер мха, кое-где – порыжевшие листья, опавшая хвоя, веточки брусники с неспелыми ягодами, потемневшие прошлогодние еловые шишки.

Идиллия. Будто не тут начинается ЗОНА. Хотя, если быть честным, две недели назад периметр проходил не здесь, а километрах в двух от просеки…

– Смотри, как обосновались… – с нотками раздражения произнес Гурон, плотнее прижимаясь к земле. Ни один мускул не дрогнул на располосованном шрамом лице, лишь взгляд сталкера медленно скользил вдоль вырубки, подмечая детали. – Инок, ты знал о новом рубеже?

– Знал, – лаконично ответил второй сталкер. – Пройдем, не дергайся, – добавил он, аккуратно натянув на голову капюшон маскхалата. Тонкая ткань, прошитая металлизированными нитями, на самом деле являлась сложным маскирующим комплексом, созданным на основе нанотехнологий. Экипировка экранировала тепло человеческого тела, вводила в заблуждение детекторы движения и емкостные датчики. Для Зоны она, конечно, не годилась, но преодолеть рубеж периметра, оборудованный средствами электронного обнаружения, не имея адекватной защиты – попросту нереально.

– С виду обычная противопожарная вырубка, – шепотом сообщил свое мнение Штопор.

– Помолчи, – тихо посоветовал ему Инок. – Наблюдай.

Штопор обиженно засопел. Надо сказать, его неуживчивый характер начал проявляться еще на подступах к границе Зоны. Он заметно нервничал, тщетно пытаясь сохранить имидж знающего себе цену ветерана.

Солнце багряной каплей коснулось горизонта.

– Прилипли, блин, к земле… – вновь подал голос удачливый сталкер, промотавший добытое несколько лет назад состояние и решивший вернуться туда, откуда начинал. – Чего ждем?..

– Я же сказал тебе – порядки изменились, – не поворачивая головы, терпеливо, без раздражения пояснил Инок. – Теперь табличек типа: «Стой!

Огонь открывается без предупреждения!» уже не ставят. Сначала очередь в голову, потом все остальное. Смотри правее кривой сосны.

Штопор сощурился.

– Сожри меня Зона!.. – хрипло выругался он. Все же после долгого перерыва, проведенного на заслуженном отдыхе, его взгляд стал не таким острым, как прежде, да и не устанавливали в его времена подобных заграждений.

В направлении, куда указал Инок, смутно, сливаясь с хвоей, едва приметно просматривался контур караульной вышки, накрытой маскировочной сетью, от нее вдоль края вырубки тянулись выкрашенные специальной краской, распущенные спиралью нити колючей проволоки с лезвиями вместо шипов, чуть ниже в траве притаились неприметные растяжки, связанные с взрывателями сигнальных и противопехотных мин.

– Немцы. Аккуратный народ, – не найдя прохода в сплошном заграждении, с досадой произнес Гурон.

– Не понял? – Штопор озадаченно почесал переносицу. – А немчуру сюда каким ветром занесло?

– Международным, – неохотно ответил сталкер, продолжая визуальный поиск несуществующей лазейки. – Ты что, забыл, какие деньги вращаются в торговле артефактами? Каждому охота свой кусок урвать. Вот и думай, почему периметр теперь стерегут коалиционные силы. Внешне все благопристойно: мировое сообщество на страже цивилизации. – Он сплюнул в траву. – А на самом деле проплаченные коридоры для своих. Бизнес…

Ветеран некоторое время молчал, затем не вытерпел, спросил шепотом:

– А зачем через немецкий сектор ответственности идем? Неужели с братьями-славянами не договорились бы?

Инок хотел было цыкнуть на разговорчивого попутчика, но все же пояснил:

– Немцы бдительны, но предсказуемы. А братья-славяне всегда что-нибудь да отмочат. Например, я с начальником караула договорюсь, он коридор обозначит. Ночью по тропе ползешь – а там дембеля на троих соображают. Не спится им. Что же – убивать? Я так уже пару раз нарывался.

Солнце скрылось за деревьями. Сумерки начали сгущаться, но против ожидания прожектора не зажглись, мрак постепенно поглощал пространство леса, дополнительно маскируя и без того надежно скрытый от посторонних глаз сектор периметра Зоны Отчуждения.

Заметно похолодало. Ветер усилился, небо начало затягивать тучами.

– Ну, что лежим? – вновь занервничал Штопор. Сиплый шепот бывалого сталкера прозвучал в сумеречной тишине неожиданной, явно чуждой нотой, совсем не похожей на шелест травы, шум ветра или невнятный шорох древесных крон.

Гурон неодобрительно покосился на него, но от замечаний воздержался.

«Будет выкореживаться – пошлем вперед. Пусть отомкнет нам периметр, раз такой умный и суетливый».

Инок несколько раз глубоко вдохнул, затем тихо, едва шевельнув губами, произнес:

– Озоном пахнет. Не к добру…

Гурон молча кивнул. У самого вот уже минуту как мурашки вдоль спины ползают. Что-то надвигалось из глубины Зоны.

Даже Штопор притих, словно прочитал мысли относительно своего ближайшего будущего.

В сумраке тускло вспыхнул экран ПДА. Инок прикрыл его ладонью, некоторое время смотрел на отобразившуюся схему, затем указал направление:

– Пять метров правее кривой сосны. Ложбинка. Там укроемся…

Штопор хотел спросить, как все же преодолевать рубеж, но, подумав, воздержался. Тревожно на душе. Мутно. Особенно напрягало отсутствие оружия. В таком состоянии лучше довериться проводникам.

Они поползли через вырубку. В сгущающейся тьме от немедленного обнаружения их спасала лишь нарочитая медлительность движений да особая ткань маскхалатов, блокирующая работу приборов ночного видения. Жуть накатывала волнами, мрак казался липким, тишина – зловещей, но до заветной ложбинки, обозначенной Иноком, доползли без потерь.

– Все. Затихли. Дальше мины. Ждем.

Гурон отполз чуть правее, знаком указав Штопору на левый фланг.

Оказывается, вырубка – лишь внешняя, видимая часть периметра. За растянутой сквозь кустарниковый подлесок спиралью Бруно меж деревьев было немного светлее. Там виднелись армейские палатки, чуть дальше начиналась накатанная проселочная дорога, из-за укрепления, выложенного мешками с песком, в ночной мрак смотрел ствол MG-36.

Штопор рискнул приподнять голову, вытянул шею и увидел Зону – почти сразу за границами лагеря растительность резко сходила на нет, будто кто-то специально обработал землю отравляющими веществами. Там, среди корявых, высохших древесных стволов и голых, сбросивших

листву кустарников вилась ухабистая проселочная дорога. Рассмотреть фрагмент окрестностей Штопору позволил мечущийся отсвет фар приближающейся машины.

Больше он ничего увидеть не успел. Твердая рука Гурона непочтительно уткнула ветерана носом в землю.

Штопор притих, лишь в глазах его блеснул бешеный огонек. «Зона большая, сочтемся», – мысль во взгляде читалась недвусмысленная, вот только Гурон уже отвернулся, исподлобья наблюдая за происходящим.

Военные засуетились. Коммуникационный комплекс, установленный в штабной палатке, оказался включен на громкую связь, и сталкеры, затаившиеся у минного заграждения, услышали искаженный помехами голос:

– Сектор тридцать четыре, к вам движется проверяющий. Повторяю: проверяющий офицер из штаба коалиционных сил.

– Твоя работа? – усмехнулся Гурон.

Инок лишь пожал плечами, продолжая наблюдать. На риторические вопросы он не отвечал.

Через минуту на небольшую площадку перед укреплениями лихо вкатился «UAZ-PATRIOT» усиленного армейского образца. Водитель резко притормозил, чудо постсоветского автопрома вальяжно качнулось на подвесках, затем фары погасли, громко хлопнула расхлябанная дверца, а спустя пару секунд из сгустившегося сумрака внезапно появилась зловещая тень.

– Stehe! Wer geht?! [1] – Нервно выкрикнул один из бойцов, красноречиво поведя стволом MG-36.

Тень бесстрашно шагнула на пулемет, подозрительно покачнулась, но затем в ослепительном свете включившихся на вышках прожекторов, скрестивших лучи на припозднившемся визитере, стало ясно: это не мутант и не призрак, а всего лишь подвыпивший полковник из штаба объединенных международных сил.

– Проверка! – зычно рявкнул он. – Почему подпускаете машины к рубежу?! Пулеметом в меня не тычь, салага!

Из-за палаток появился лейтенант. Завидев полковника Огурцова, с которым ему частенько приходилось встречаться в штабе группировки, он непроизвольно вытянулся в струнку, затем, видимо, поняв, что проверяющий изрядно пьян, решил блеснуть знанием языка:

– Извините, господин полковник. Мои люди с трудом узнавать вас. Как это говорится в пословица? Ночью вся кошка серая?

Огурцов смерил лейтенанта презрительным взглядом, затем ухмыльнулся:

– Ночью в Зоне все кошки – зомби… – Покачнувшись, полковник икнул и вдруг сорвался на крик: – Лейтенант, мать вашу, почему подпускаете подозрительный объект к рубежу?!

Инок чуть приподнял голову, затем, пользуясь моментом, пока внимание часовых сосредоточилось на орущем полковнике, ужом скользнул до ближайшей растяжки, быстро обезвредил ее и подал рукой знак – «за мной».

Гурон и Штопор ползком преодолели дезактивированный участок минного заграждения, оказавшись рядом с Иноком, который под зычный бас полковника, отчитывающего нерадивого лейтенанта коалиционных сил, уже успел сделать подкоп под свитой в спираль «колючкой».

– Куда дальше? – шепотом спросил Гурон.

– Под вышку, – тихо выдохнул Инок.

Прижимаясь к земле, они по одному миновали лаз, оказавшись по другую сторону заграждения. Под вышкой, на которую указал сталкер, росла высокая трава. Затаившись, они продолжали наблюдать, как Огурцов, вдоволь наоравшись, направился назад, к машине.

Лучи прожекторов скрестились на внедорожнике, выхватывая из тьмы столь необходимые сейчас подробности. От Зоны участок периметра отсекала линия надолбов, по которым были протянуты спирали «колючки», дальше, среди высохших деревьев, наверняка располагалось еще одно минное поле. Разрыв в сплошном рубеже просматривался лишь один – грунтовая дорога, которую контролировали укрепленные огневые точки.

Пользуясь моментом, пока взревевший двигатель надежно глушил все иные звуки, Инок наметил дальнейший план действий:

– Метрах в двадцати, левее вышки – ложбина, по ней ручей течет. Там ограждение проходит сантиметрах в семидесяти над руслом. Мин и датчиков нет.

– Это тебе полковник нашептал? Сколько отстегнул ему за концерт? – одобрительно просипел Штопор.

– Ящик водки. – Инок как всегда был лаконичен.

* * *

Машина полковника Огурцова скрылась в непроглядной ночи, охрана периметра, потревоженная неурочным визитом «проверяющего», понемногу успокоилась, свободная смена разбрелась по палаткам, погасли прожектора на вышках. Часовые, экипированные по последнему слову

техники, снова уставились на мониторы мобильных тактических комплексов.

На окраине Зоны обычно царило относительное спокойствие. Здесь не сбоила связь, нормально работали электронные приборы, не возникали аномалии, мутанты не забредали сюда в поисках поживы, разве что грезились в кошмарных снах. В итоге личный состав гарнизонов имел весьма смутное представление о происходящих внутри отчужденного пространства событиях. До солдат и младших офицеров доходили лишь сильно искаженные слухи, источником которых являлись промышляющие по закрайкам Зоны бандиты – отморозки всех мастей и национальностей, сбивающиеся в стаи, но предпочитающие не конфликтовать с военными.

Иное дело – наемники, военные сталкеры и подразделения спецназа: они часто совершали глубокие рейды, Зону знали не понаслышке, но разбрасываться информацией не любили…

Инок усмехнулся своим мыслям.

Полковник – чудило. Брякнул же о кошках-зомби. Вот теперь очередной слух поползет, как пить дать, может, даже ученые заинтересуются, выставят в местной сети заказ на энное количество мутировавших представителей семейства кошачьих. Инок отлично знал, что нет в Зоне кошек, иначе разве плодились бы крысы да крысиные волки в таких невероятных количествах? Нет. Умные животные ушли с зараженных радиацией территорий еще после первой аварии.

Мысли Инока нарушило сопение Штопора.

Обламывается ветеран. Сопит, но терпит, с глупыми вопросами больше не лезет. Почувствовал знакомый ветерок, вспомнил былое.

Инок внезапно насторожился.

Ветер…

Он чуть приподнял голову, вглядываясь в сумрак. Чистое небо затянуло облаками. В свете вспыхнувшего вновь прожектора, медленно кружа, летели листья.

Летели против ветра…

Гурон тоже ощутил напряжение, медленно повернул голову, взглядом спросил: «Что»?

– Ищем укрытие!.. Быстро!.. – Инок привык доверять интуиции, она ни разу не подводила его. Видно, на изуродованных аномальной энергией, полных смертельных опасностей территориях просыпалось что-то древнее, подсознательное.

– Прорыв отменяется? – нервно спросил Штопор.

– Повременим. – Инок повернул голову, встретился взглядом с

ветераном и все же пояснил: – Воздух тревожный. Что-то грядет…

* * *

Укрытие нашлось неподалеку.

Метрах в пятнадцати от вышки, за палатками, в землю вросло несколько нагроможденных друг на друга железобетонных плит. Откуда они взялись в лесу, догадаться было несложно: раньше тут проходила проселочная дорога, вон и рама грузовика ржавеет среди пожухлого кустарника… Видать, еще со времен первой катастрофы.

Инок указал на узкий, неприметный лаз, уводящий под землю. Незамысловатый схрон, замаскированный порыжевшим дерном и кучей подгнившего валежника – явление вполне заурядное. Пройти мимо бетонных плит, и не воспользоваться ими, полениться и не выкопать себе убежище, где можно переждать не только непогоду, но и выброс, для нормального сталкера немыслимо. Многие называют такое поведение синдромом Зоны. А вот для военных наличие под замшелыми плитами скрытого пространства вовсе не очевидно. Они даже не удосужились проверить углубление, приняв его за старую звериную нору.

Мимо, метрах в двух от сталкеров, медленно прошел часовой.

Они вжались в землю, сливаясь с пожухлыми листьями. Шаги постепенно отдалились. Инок приподнял голову, осмотрелся, затем взглянул на небо и невольно вздрогнул. По серому подбрюшью низких, давящих облаков метались беззвучные, пока еще бледные, но уже отливающие зловещим багрянцем сполохи – верный признак приближающегося выброса.

– Гурон, проверь лаз.

Штопор, которому пришлось сжать зубы, уткнуться лицом в прелую землю, чтобы побороть рефлекторное желание броситься на проходившего мимо часового, приподнял голову, проследил за напряженным взглядом Инока, заметил отсветы и вдруг хищно оскалился, будто на мгновенье превратился в зверя.

Справившись с секундным наваждением, он сипло выдохнул:

– Где-то за Припятью…

Гурон уже убрал сухие ветки, расширил лаз и протиснулся внутрь скрытого под плитами пространства.

Часовой развернулся и неторопливо пошел назад, к палаткам.

Инок и Штопор вновь вжались в землю, невольно считая мягкие, вкрадчивые шаги. Вот они прошелестели мимо, затем начали удаляться.

«Пронесло…» – рука Инока отпустила рукоять ножа.

В напряженной тишине раздался шорох.

– Порядок… – Шепот Гурона показался Штопору громче выстрела. – Спускайтесь.

– Ты первый. – Инок взглядом указал на лаз.

Под плитами оказалась вполне просторная землянка, в центре даже был установлен подпирающий столб, а на уровне почвы проделано несколько оплывших, заросших травой амбразур.

Инок задержался в узком лазе. С трудом развернувшись, он вытянул руки, сдвигая на место сухие ветки, маскирующие схрон.

– Ну что, попали мы, да? – Штопора слегка трясло.

Гурон включил ПДА. Тусклый свет дисплея разогнал царящий вокруг мрак, скупо подсветил бледные лица сталкеров.

– Не понимаю. – Он несколько раз переключил режимы, заблаговременно убрав звук сигнального устройства. – Уровень аномальной энергии растет! Сеть отрубилась. Но ведь до выброса еще пять суток! – громким шепотом сообщил он.

– Ты небо видел? – Штопор присел на корточки. – Куда теперь? – Он посмотрел на Гурона, затем на Инока. – Военных надо валить! Возьмем оружие, экипировку, а то сидим как голые в этом тряпье! – Он начал стягивать с себя маскхалат.

– Амбразуру им заткни, – посоветовал Инок. – И не дергайся. Внеплановый выброс – еще не конец света. Сюда только слабое эхо докатится. Переждем, пока все уляжется, потом дальше двинем. До тайников рукой подать, с полкилометра, не больше. Все. Конопатим щели. – Он скинул капюшон маскхалата.

– Водки бы сейчас… – Гурон подошел к импровизированной амбразуре и начал затыкать ее свернутой в жгут, прошитой металлизированными нитями тканью.

– Ага, – поддержал его Штопор. – Грамм двести, чтоб согреться.

– Мне не холодно. – Инок скомкал свой маскхалат. – Это тебя от нервов трясет.

Прежде чем заткнуть амбразуру, он выглянул через заросшую травой щель.

Угрюмые, давящие облака, макушки голых деревьев, стаи вездесущего воронья, – все как обычно, если бы не цвет неба… Над окраиной оно отливало матово-алым, ближе к центру Зоны облачность начинала клубиться, опускаясь все ниже, будто там образовался готовый вот-вот лопнуть исполинский нарыв. Смертельно опасные метаморфозы – явные предвестники близящегося выброса набирали силу с пугающей

стремительностью, распространяя необычайно сильное аномальное воздействие, сравнимое с внезапным, сокрушительным ударом, до самых дальних границ Зоны Отчуждения.

Инок вдруг застыл, словно зачарованный, не замечая, как световой индикатор уровня аномальной энергии на экране его ПДА пересек красную черту. Где-то в глубине внезапно парализованного сознания еще билась в истерике паническая мысль: уходи, беги, прячься!.. Но он уже не слышал голос рассудка…

Отсветы масштабной катастрофы стали ярче, пронзительнее, облака над Чернобыльской АЭС пришли в движение, – теперь они стремительно неслись по кругу, образуя воронку, выстреливая по сторонам клубящие вихри, отчетливо различимые даже отсюда…

Экран ПДА вспыхнул и погас.

В наступившей тьме глохли все мысли. Сознание порождало жутковатые тени, слышался протяжный скрип, чьи-то глухие вздохи, затем вдруг вернулся фрагмент реальности: ветер снаружи стих, не шевелилась ни одна травинка, землю окутал зловещий саван тишины, потом он с треском лопнул…

– Auswurf! [2] – Звук чужой речи вспорол удушливый, загустевший воздух, и, вторя вскрику насмерть перепуганного военного, где-то за Припятью в небо устремился призрачный поток аномальной энергии, полыхнув от горизонта до горизонта мертвенным светом. По облакам от эпицентра начавшегося катаклизма рванула расширяющаяся кольцевая волна искажений, небо из багряного вдруг стало изумрудно-зеленым, с черными прожилками, затем вновь потемнело…

Штопор со стоном рухнул на колени, обхватив голову руками. Он что-то нечленораздельно мычал, судорожно пытаясь встать на ноги, но незримая сила, коверкающая сознание, не давала подняться, на губах сталкера внезапно выступила пена, и он грузно повалился набок, сотрясаясь в конвульсиях.

Инок, у которого все двоилось, плыло перед глазами, продолжал смотреть, не в силах оторвать взгляд от взорвавшихся небес.

Сзади раздалось чье-то тяжелое, прерывистое дыхание, в сумеречном свете, сочащемся через щель, он увидел лицо, но не узнал Гурона, который в неимоверном усилии схватил Инока за плечи, отшвырнул вглубь схрона, затем, хрипя, заткнул последнюю амбразуру скомканным маскхалатом, а сам медленно ополз на пол, царапая податливую стену землянки растопыренными пальцами…

* * *

Сознание вернулось тугой вспышкой боли.

Голова разламывалась. Инок с трудом поднялся на ноги, все еще плохо соображая, где находится, не узнавая Штопора и Гурона, – на миг ему пригрезилось, что на земляном полу схрона распластались уродливые тела порожденных Зоной монстров, рука машинально рванулась к поясу, но вместо привычной рукояти оружия схватила пустоту…

Внезапное ощущение беззащитности потонуло в оглушительном раскате грома, над головой вздрогнули потрескавшиеся бетонные плиты, а вниз через щели в перекрытии хлынули ручейки песка.

Инок отцепился от подпирающего свод подгнившего деревянного столба, но не удержался на ногах, ударился плечом о какой-то выступ, развернулся, потеряв ориентацию в пространстве, и снова рухнул на колени, зажимая ладонями пульсирующие виски.

Воздух… Как хочется жить, но как трудно дышать…

Тоскливая мысль отдавала тленом обреченности, клаустрофобическое пространство схрона душило рассудок, сталкер жадно ловил воздух перекошенным ртом, но не мог вдохнуть.

«Наверх… Наружу…» – бился в сознании рефлекторный призыв к действию.

Инок пополз. Тьма подземелья не отпускала, липла к телу горячей испариной, он рвал ее сведенными судорогой пальцами, отбивался ногами в отчаянном порыве, пока в лицо вдруг не дохнуло терпкой ночной прохладой.

Согнувшись, хрипя и кашляя, он повалился набок.

Мир перевернулся.

Темное небо Зоны смотрело в его глаза, ураганный ветер, минуту назад валивший деревья, внезапно стих, шепот вечности струился над землей, в нем слышались миллионы невнятных голосов… и вдруг, разрывая чудовищное наваждение, ударил нестерпимо-яркий разряд молнии, снова грянул гром и хлынул проливной дождь.

Он ловил потрескавшимися губами драгоценную влагу, блаженно ощущая, как ливень хлещет по рукам, лицу, его знобило, одежда быстро промокла, но иссушающий звон, едва не уничтоживший рассудок, звучал все отдаленнее, глуше, – через минуту или две Инок, обдирая пальцы о шероховатый бетон, сумел подняться на ноги и оглядеться вокруг.

Ветер вновь ударил в лицо ураганным порывом, упругие струи дождя разметало влажной моросью, открывая действительность.

На вышках горели прожектора. Неподвижные столбы света вспарывали мрак, отдавая взгляду страшные последствия необычайно мощного выброса, ударившего в неурочный день и час, сломавшего статистику многолетних наблюдений и выведенных на их основе закономерностей.

Дождь прекратился.

Превозмогая слабость и вновь подкатившую к горлу дурноту, Инок медленно повернулся.

Метрах в десяти от него трое военных бестолково пытались подняться на ноги, постоянно оскальзываясь, словно их движениями больше не руководил разум; еще один сидел, бессмысленно, монотонно раскачиваясь из стороны в сторону, словно жестяная вывеска под напором ветра…

Инок, как и любой сталкер, отлично знал: чудовищные выбросы энергии, периодически происходящие в центре Зоны, не убивают вмиг – сначала они искажают сознание, уничтожают рассудок, оставляя тем, кто не успел вовремя укрыться в надежном убежище лишь ошметья порванной личности. Обычно воздействие выброса слабело пропорционально расстоянию до эпицентра – мало кто видел и знал, что происходит в такие моменты подле Чернобыля или Припяти, но сегодня случилось нечто непоправимое.

Рубеж *вымер*, несмотря на копошащиеся повсюду тела.

Земля под ногами превратилась в коварную, скользкую, липкую грязь, высохшие деревья почернели, их накренило в одну сторону, некоторые выворотило с корнем, укрепления, сложенные из мешков с песком, разметало, будто тут прокатилась тугая ударная волна от близкого взрыва.

За спиной внезапно возникло движение, ледяная дрожь резанула по нервам, сталкер стремительно обернулся, выхватив нож, и… едва не всадил его по самую рукоять в грудь Штопора, появившегося из тьмы.

Не обращая внимания на Инока, который чудом успел остановить роковой удар, Штопор словно сомнамбула прошел мимо, споткнулся о поваленный ствол дерева, упал и затих. Инок метнулся к нему, перевернул на спину, схватил за ворот измазанной в грязи кожаной куртки и несколько раз встряхнул, заглядывая в полубезумные глаза.

Вдали послышался протяжный, заунывный вой.

«Оружие…»

Инок отпустил Штопора, оставив того сидеть на земле, возле поваленного дерева, еще раз огляделся, заметил в столбе прожекторного света несколько разбитых в щепу ящиков, непонятно как уцелевший стол с громоздящейся на нем аппаратурой связи, распластанные в грязи

полотнища палаток, россыпь снаряженных патронами прозрачных пластиковых магазинов, и принялся подбирать автоматные рожки.

– Мне дай… – Из мрака внезапно появился Штопор. Его пошатывало, будто пьяного, но в глазах уже читалось осмысленное выражение.

– Очнулся? – Инок сунул ему собранные боеприпасы, затем метнулся к потерявшим рассудок военным.

Ему пришлось перешагнуть через распластанное в грязи, мелко подрагивающее тело, жуть опять всколыхнулась в груди, когда он встретился взглядом с пустыми, мертвыми глазами сидящего на корточках, монотонно раскачивающегося солдата, но вновь прозвучавший в отдалении леденящий душу вой заставил отбросить неуместные эмоции.

Из липкой жижи торчал приклад и часть рукоятки со встроенным коллиматорным прицелом.

Немецкая G-36!

– Держи! – Он поднял оружие, передал его Штопору. – От грязи очисть! К схрону возвращайся! Я сейчас!

Штопор промычал что-то нечленораздельное, вцепился в G-36, едва не уронив собранные магазины.

– Бегом давай! – прикрикнул на него Инок, выламывая из рук военного еще один автомат. – И посмотри, что с Гуроном!

В наступившей гнетущей тишине внезапно раздался треск помех, затем со стороны комплекса связи, оставшегося на месте штабной палатки, долетел искаженный, прерываемый шипением голос:

– База вызывает… сектор тридцать четыре…

Инок застыл, прислушиваясь.

– …пять машин… крупная банда… – Снова накатили помехи, но смысл полученной информации был вполне понятен. К этому участку периметра полным ходом приближались проблемы.

* * *

Через минуту, отыскав еще один автомат, Инок вернулся к бетонным плитам.

– Где Гурон?

– Внизу… Вылезать отказался. – Штопор изъяснялся с трудом, но оружие держал крепко, в глазах ветерана метался лихорадочный блеск.

– Гурон! – Инок присел на корточки.

– Чего тебе? – раздался из-под земли глухой голос.

– Выбирайся к нам. Уходить надо.

Ответа Инок не расслышал.

Внезапно поблизости сверкнула яркая вспышка, раздался оглушительный треск, и меж вяло шевелящимися телами военных возникла электра – одна из наиболее распространенных в Зоне аномалий.

Штопор лишь охнул, непроизвольно отступив на шаг.

Электра извивалась, мгновенно осатанев в жутком танце ветвящихся разрядов, человеческие тела, пронзенные аномалией, подбросило вверх; в бледном свете было отчетливо видно, как дымится камуфляж, глаза несчастных вылезают из орбит, раскрытые рты перекашивает в немом крике.

Инок обреченно зажмурился.

Появление аномалии у границ периметра означало лишь одно – сбылся самый невероятный из всех пессимистических прогнозов: Зона вновь начала расширяться.

Зона действительно расширялась.

Багрово-черные облака закручивало исполинскими воронками, давило к земле, беззвучные ветвистые молнии рвали ночь, на миг превращая ее в ослепительный день.

Рубеж ожил. Потерявшие рассудок солдаты, словно получив команду к действию, метались меж разбитых укреплений, шарахались от внезапно возникающих аномалий. Откуда-то появился офицер, разговаривавший накануне выброса с полковником Огурцовым – он медленно брел меж накрененных деревьев, пока не наткнулся на уцелевший пулемет. Некоторое время он стоял, покачиваясь, тупо глядя на исправное оружие, затем присел, монотонно, навсхлип твердя одну и ту же фразу, смысл которой невозможно было разобрать.

Вал незримой аномальной энергии выброса накрыл новые, захваченные Зоной пространства, порождая явления, способные свести с ума неподготовленного наблюдателя: языки кромешной тьмы, словно анаконды, распластавшиеся в молниеносном прыжке, гасили прожектора, и никакая сила уже не могла заставить те зажечься вновь; ограждение из колючей проволоки на секунду тускло блеснуло металлом и тут же начало темнеть, на покосившихся вышках внезапно зашелушилась краска, из-под нее проступили бурые пятна ржавчины.

– Гурон, вылезай!..

В глубине схрона послышался шорох, затем в узком отверстии лаза показались голова и плечи сталкера. Мутный взгляд Гурона скользнул по окрестностям.

Метрах в пятнадцати от укрытия, освещая позиции сметенного Зоной

рубежа, потрескивала электра, легкий ветерок относил в сторону едкий дым, вдали внезапно зачастили звуки автоматной стрельбы, затем на минуту все стихло. Гурон, которому совершенно не понравилось увиденное, попытался вновь ускользнуть в спасительный мрак подземелья, но Инок ухватил его за плечи.

– Штопор, помогай!

Вместе они все же вытащили Гурона из лаза. Он сопротивлялся, активно отбиваясь, по-прежнему балансируя на зыбкой грани между миром уничтожающих разум грез и реальностью, которая недалеко ушла от воображаемых кошмаров.

– Придержи его! – Инок заметил, что взгляд товарища тускнеет, на губах выступила пена, плечи ссутулились.

– Хана… – вынес вердикт ветеран.

– Руки ему держи!

Штопор нехотя подчинился, навалившись на Гурона, пока Инок на ощупь искал во внутреннем кармане его порванной одежды единственный имевшийся у них шприц-тюбик с противошоковым препаратом.

– Все, отпускай!

Инъекция подействовала быстро: тело сталкера сначала выгнулось дугой, затем вдруг обмякло.

– Что ты ему вколол?

– Названия не знаю. Купили у ученых на Янтаре.

– Ну, а дальше-то как? Уходить надо.

– Надо – иди, – отрезал Инок.

Штопор затравленно огляделся. Все самое страшное вроде бы позади. Тихо поскуливал офицер, в сгустившейся тьме медленно передвигались смутные тени. Ветер снова усилился, напряженно потрескивала электра, где-то поблизости постанывал изъеденный коррозией металл вышки, вдалеке на проселке показался мечущийся свет фар.

– Кто-то едет.

– Вижу, – отозвался Инок. – Бандиты, – скупо добавил он. – Я слышал, как о них по связи предупреждали.

– Вот неправильный ты. – Штопор покосился на бессознательное тело Гурона. – Ладно, оставайся. Я пошел.

* * *

Штопор скрылся в темноте. Немецкая штурмовая винтовка, два запасных магазина в карманах куртки – негусто, но на первый случай сойдет. Угрызения совести его не мучили. У сталкера ее попросту нет.

Здесь Зона, и каждый выживает, как может. Без вариантов. Альтруизм Инока – чистое самоубийство. Гурона не спасет, а сам загнется. Бандиты мимо рубежа не проскочат. Они ведь не из любопытства из своих нор вылезли. Им сегодняшняя ночь – что манна небесная. Шакалам поживы хватит. Добьют вояк, оружие соберут, экипировку.

«Нет, ну садануло-то не по-детски», – озираясь по сторонам, подумал он.

Под выброс Штопор попадал лишь однажды, в Припяти. Тогда ему удалось выжить и сохранить рассудок. Удар был гораздо слабее сегодняшнего, да и пережидал он его глубоко под землей, в подвале одного из многоэтажных зданий бывшего города энергетиков, так, зацепило малость, однако полученных впечатлений вполне хватило, чтобы решить: «Все, хватит. Хорошего понемногу. Завязываю».

И вот он снова тут. Вопреки здравому смыслу, вопреки страху.

Продираясь через кустарник, Штопор уже не думал об Иноке и Гуроне. Своих забот хватало. Он без особых приключений отмахал почти километр, когда левее и сзади внезапно полыхнула ярчайшая вспышка, глухо, упруго ударил мощный взрыв, затем хлестнули россыпи автоматического огня.

Он все-таки остановился, посмотрев в сторону уничтоженного Зоной рубежа.

Свет фар уже не метался по проселку, возле укреплений полыхал подбитый внедорожник, а на фоне оранжево-черных, рвущихся ввысь языков пламени метались, дико подвывая, необычайно крупные силуэты чернобыльских псов.

Штопор отвернулся и ускорил шаг.

Нужно выбираться на Кордон к тайнику. Без серьезной защиты до Припяти не дойти. Тропа, которую теперь знал только он, шла по гиблым местам, огибая Радар с его Выжигателем Мозгов. Что за устройство скрыто в бункерах под бывшим комплексом загоризонтного обнаружения «Чернобыль-2», Штопор понятия не имел, да и не стремился узнать. Ему хватало свидетельств очевидцев. Любой сталкер, вне зависимости от типа защищающей его экипировки, попав под излучение таинственного генератора, не просто лишался рассудка: он превращался в зомби, либо еще хуже – становился подконтролен таинственному Монолиту.

А в Припять попасть необходимо, иначе никак. Штопор не строил иллюзий: прижали его крепко. Скрываться бесполезно. Даже тут достанут, если что.

Стрельба позади понемногу стихла.

Он взобрался на очередной холм, глянул вниз и мгновенно напрягся, отступив на шаг, машинально сдвинув вариатор темпа стрельбы в положение «автомат».

Он увидел знакомую, покрытую растрескавшимся асфальтом дорогу, контрольно-пропускной пункт, где раньше располагался блокпост военных. Дальше, километрах в пяти от КПП, в заброшенной деревне находилась своеобразная база для новичков. Все сталкеры-одиночки когда-то начинали знакомство с Зоной именно тут… Однако картина, открывшаяся взору Штопора, резко отличалась от той, что многие годы хранила его память.

Сейчас пропускной пункт представлял собой груду дымящихся руин. Крыши приземистых одноэтажных казарм провалились внутрь, языки пламени периодически вырывались из закопченных развалин, бросая на потеху порывистому ветру снопы искр.

Штопор присел.

Кто напал на блокпост?

Впрочем, какая разница? Его проблема заключалась в ином: левее разрушенных зданий, метрах в двухстах, под вросшими в землю гранитными валунами находился тайник со снаряжением.

Проклятая Зона…

Вокруг схрона плотно группировались новорожденные аномалии. Даже без бинокля Штопор различил, как в призрачном сиянии дюжины электр воздух струится холодным маревом, искажая контуры предметов. Камни и близко растущие к ним деревья как будто мерцали в ночи.

О том, что после выброса происходит перемещение очагов аномальной активности, он, конечно, знал, но легче от этого не становилось.

Сплюнув с досады, Штопор начал спускаться по склону холма, стараясь держаться подальше от превратившегося в руины блокпоста. Судьба военных его абсолютно не интересовала.

Мутантов он по старой памяти особо не опасался, Кордон в сравнении с другими пространствами Зоны считай что курорт. Здесь, кроме пары кабанов да дюжины псевдособак, по жизни ничего более крупного не водилось. Вообще в пограничных секторах в основном следовало остерегаться зверей двуногих. Давняя неприязнь Штопора к военным уходила корнями в прошлое, когда он в числе молодых сталкеров проходил суровую школу молодого бойца, горбатясь на Сидоровича – местного торговца, за бесценок скупавшего артефакты, оружие, поношенное снаряжение, – все, что тащили к нему молодые, еще неопытные сталкеры-одиночки.

С военными у Штопора отношения сразу же не сложились. Виной всему был первый, добытый им артефакт, в общем-то грошовый грави, за который у Сидоровича можно было получить от силы пачку патронов к пистолету Макарова. Он нашел его на месте исчезнувшей аномалии, как раз неподалеку от тех самых камней. Блокпост находился совсем близко, по дороге в пределах одного-двух километров ходили патрули, но по кустарниковым зарослям и по коварным, непредсказуемым в плане аномальной активности ложбинкам солдаты обычно не лазили, а тут на тебе – стоило лишь молодому сталкеру подобрать артефакт, а офицер и двое солдат уже рядом.

В общем, отобрали они у Штопора первый честно добытый хабар, да еще избили «при попытке к сопротивлению». По меркам Зоны – ничего страшного или выходящего из ряда вон, но обида осталась на многие годы, даже сейчас при взгляде на дымящиеся руины блокпоста он вновь почувствовал ее – горькую, удушливую, требующую обязательной жестокой мести.

Штопор тряхнул головой, отгоняя назойливое воспоминание.

Как подступиться к тайнику, не имея ни детектора аномалий, ни элементарного мешочка с болтами? А все Гурон с Иноком. Десять штук за какой-то липовый камуфляж содрали, глазом не моргнув, а элементарного прибора с собой не дали.

Подумав, Штопор все же свернул к разгромленному блокпосту.

Видимо, отсюда предупреждали по рации о приближении группы бандитов. Ну а кто еще мог разнести по кирпичикам несколько зданий? Только бандиты, больше некому. Сталкеры-одиночки с военными связываться бы не стали.

Он остановился, прислушиваясь.

Тихо. Только ветер подвывает.

Нервы напряжены, палец ноет на спусковом крючке, взгляд цепко следит за малейшим движением.

Вроде чисто…

Лучше бы кто-то дернулся, закричал или выстрелил на худой конец. Неопределенность хуже всего на свете. Когда идешь и не знаешь, из-за какого угла ждать проблем.

Сразу за погнутой трубой перегораживающего дорогу шлагбаума на глаза попалось первое тело. Признать, что на забрызганном кровью асфальте лежит кто-то из военных, можно было лишь с большой натяжкой, труп изуродовали вечно голодные псевдособаки. Обойдя его стороной, Штопор, хорошо знакомый с планировкой блокпоста, свернул на

небольшой плац, где обычно стояла техника, и вот тут ему вольно или невольно пришлось призадуматься над случившимся.

Взрыв, разнесший КПП и повредивший два примыкающих к нему здания, произошел именно тут. На воздух взлетела машина с боеприпасами. Повсюду отчетливо виднелись отметины от пуль, закопченная, почерневшая кабина грузовика тоже оказалась изрешечена. Сначала он подумал, что весь этот бардак – лишь следствие шального разлета рвущихся боеприпасов, но, присмотревшись, понял: все намного сложнее и хуже. Куда ни глянь, выщербины на покрытых копотью стенах белеют группами, разбегаются строчками, значит, стреляли длинными очередями, в панике, навскидку, практически не целясь.

В кого? Кто так напугал солдат, что те, отстреливаясь, умудрились подорвать собственный грузовик?

Штопору вдруг расхотелось идти дальше. Он знал несколько видов исчадий Зоны, валить которых приходится именно так: пока не выпустишь половину магазина, желательно в голову, не сдохнет. Например, кровосос. Тварь быстрая, к тому же обладающая способностью к мимикрии, которую неопытные сталкеры часто именуют «частичной невидимостью». Ничего подобного. Штопору однажды пришлось пересечься на территории группировки «Свобода» с одним из яйцеголовых (так за глаза называли ученых), и в завязавшемся разговоре тот пояснил, что в результате мутаций кожные покровы кровососов обрели способность мимикрировать под любой фон окружающей среды. Множество сенсоров, расположенных по всему телу мутанта, ежесекундно снимают круговую панораму и передают данные для текстурирования кожных покровов. Оттого и создается впечатление, будто кровосос прозрачен, а сквозь его тело видны находящиеся сзади предметы. Ученый объяснял еще что-то относительно невозможности придать невидимость внутренним органам, мышцам и особенно мозгу, но Штопор его тогда не больно-то и слушал. Усвоил главное, и ладно. Перегружаться лишней информацией тоже ни к чему.

Мысли вихрем пронеслись в его голове, оставив лишь тревожное, сосущее предчувствие беды.

Думать о контролерах он себе запретил. Как говорится, не буди лихо, пусть себе спит тихо.

Заметив еще несколько разорванных на куски, обглоданных псевдособаками тел, он боком протиснулся в дверной проем, готовый открыть огонь по любой тени.

Единственное уцелевшее здание блокпоста не обмануло надежд Штопора. Здесь располагалось караульное помещение, стояла старенькая

радиостанция, рядом со стулом лежал нетронутый собаками труп в камуфляже с капитанскими знаками различия. Склонившись над ним, Штопор перевернул тело офицера, чтобы расстегнуть портупею и снять кобуру с пистолетом.

Все бы ничего, вот только лицо военного было белее мела, кожа сморщилась, будто высохла.

«Кровосос…» – бухнула паническая мысль.

Он резко оглянулся, но в помещении стояла стылая, неподвижная тишина. По крайней мере, так казалось. В сумраке не двигались тени, но спину вмиг обдало ледяным потом. Одной рукой удерживая автомат, Штопор на ощупь нашел ПДА офицера и, подхватив портупею с пистолетом, бегом кинулся прочь.

У каждого сталкера есть свой предел. Та планка, выше которой не прыгнуть. Многие погибают, так и не узнав, на что они способны, иные напротив, быстро и болезненно осознают уровень собственных возможностей и не углубляются далеко в Зону. Штопор знал немало нормальных с виду парней, кто не ходил дальше Свалки или никогда не совал свой нос на Дикие Территории, не бывал в районе озера Янтарь или в Темной Долине. О Радаре, Припяти и Саркофаге Четвертого энергоблока Чернобыльской АЭС и говорить нечего. Те территории плотно закрыты непроходимым излучениям Выжигателя и тщательно блокированы монолитовцами.

Мысли не мешали Штопору уносить ноги.

Уж лучше аномалии, чем одно из жутких исчадий Зоны. О том, что кровососов может оказаться несколько, Штопор даже не подумал.

Выскочив из караульного помещения, он включил трофейный ПДА и бросился на тусклый свет потрескивающих невдалеке электр.

С детектором аномалий жить стало немного веселее. Прибор попискивал, пока что не переходя на суматошный визг, расположение электр просматривалось хорошо, а вот змеящийся между ними воздух здорово напрягал. Визуально прохода к камням не существовало вообще, однако на дисплее ПДА пятна аномальной активности располагались вовсе не так плотно: между ними пролегала узкая, коварная, извилистая тропа, пройти по которой мог разве что акробат или человек с железными нервами.

Штопор акробатикой не увлекался, да и нервишки в последнее время пошаливали.

Как же добраться до тайника?

На здравую мысль его натолкнул вид нескольких близко растущих

деревьев, накрененных бушевавшим недавно ураганом. Крона одного из них склонялась над заветным нагромождением валунов. Ни одна аномалия на покачивание веток деревьев не реагировала.

«Рискну», – решил Штопор.

Забросив оружие за спину, он застегнул портупею с кобурой поверх измазанной грязью, порванной в нескольких местах куртки и начал осторожно взбираться по накрененному стволу дерева.

Ветки сильно мешали продвижению, само дерево скрипело и покачивалось, если его вдруг выворотит с корнем, то жить останется пару секунд, не больше.

На полпути, взглянув вниз, Штопор с замиранием сердца обнаружил, что под ним взвилась аномалия трамплин. По бокам темнели два характерных пятна, выдавая присутствие воронок. Эти аномалии имели гравитационную природу, но обладали разными свойствами и способами воздействия на жертву. Трамплин разряжался кольцевыми волнами, нанося гравитационные удары в плоскости, на высоте полуметра от земли, – не опасно, учитывая, что Штопор находился достаточно высоко над ним, а вот если пойдет цепная реакция и вдруг активизируются воронки, беды не миновать, они затягивают внутрь и с неимоверной силой прессуют все предметы, находящиеся в радиусе десяти метров.

Штопор никогда не задумывался, действуют ли эти аномалии в вертикальной плоскости. Карусель – да, а вот воронки – неизвестно. И стать горе-экспериментатором ему вовсе не улыбалось.

Он почти не дышал, перелезая через очередной толстенный сук, а когда вниз посыпались сухие веточки и, медленно кружа, полетели листья, – рванулся, что было сил.

Как оказалось, вовремя. Штопор почувствовал, как дерево охватила дрожь, и, продравшись сквозь крону, даже не прыгнул, а просто рухнул на заветные камни.

Сзади началось светопреставление.

Веточки, потревожившие одну из воронок, разрядили аномалию: ствол дерева вдруг начал с треском изгибаться, клонясь к земле, потом переломился; в свете беснующихся под самыми камнями электр было отчетливо видно, как древесину ломает и плющит, сворачивая в плотно спрессованный продолговатый брикет.

Штопор, сытый впечатлениями, отполз к центру скопления каменных глыб.

Вот и заветное углубление. Он лег на камни, просунул руку в щель и сразу же наткнулся на лямку увесистого рюкзака.

Ну, хоть тут повезло. Он вытащил припрятанное два года назад добро, зная, что если рюкзак до сих пор лежит на месте, то все его содержимое в сохранности. Прежде чем прятать, он заботливо упаковал все в непроницаемые для влаги пакеты, а оружие для надежности обернул промасленной ветошью.

Открыв рюкзак, он начал осмотр.

Разобранный автомат Калашникова, триста патронов к нему, снаряженные в магазины, добротная обувь, комбинезон сталкера, усиленный вставками из кевлара, личный ПДА, пара гранат «Ф-1», мешочек с болтами, но главное… Он коснулся миниатюрного кейса, выполненного из ударо– и жаростойкого пластика, но открывать не стал, сунул обратно в заметно похудевший рюкзак.

Так, что тут еще? Дыхательная маска, с десяток антирадиационных инъекций в шприц-тюбиках, автоматическая аптечка военного образца… В общем все, что необходимо сталкеру, собирающемуся проделать долгий нелегкий путь, в конце которого маячит круглая сумма с шестью нулями.

Нормально. Теперь нормально.

Быстро переодевшись, собрав автомат, он рассовал запасные магазины по нагрудным и набедренным карманам. Куда девать трофейное оружие, он решил сразу: в тайник его, до лучших времен.

Штопор огляделся и вдруг понял: а выбраться-то будет не в пример труднее. По дереву уже не проползешь – нет его больше, спрессовала аномалия.

Он присел на камень, оперся спиной о выступ. Взгляд скользил по окрестностям, не узнавая их в призрачном свете дюжины электр. Что-то случилось с Зоной. Она изменилась, причем радикально. И дело, пожалуй, не в событиях этой ночи. Штопор хоть и дергался, вел себя неподобающим ветерану образом, но его нервозность имела объяснение: проведя два года вне отчужденных, изолированных от остального мира территорий, он попросту отвык от ежесекундного предельного напряжения моральных и физических сил. «Пройдет день, два – и втянусь», – размышлял он, позволив себе немного расслабиться под защитой аномалий, плотно окруживших его временное убежище.

«Втянешься, если выживешь», – подленько шепнул внутренний голос.

Штопор разозлился. Ни минуты нельзя посидеть спокойно.

От мыслей его отвлекла неясная тень, промелькнувшая в свете электрических разрядов.

Старый добрый «АКМ» калибра 7,62 мгновенно оказался в руках. Штопор все отчетливее понимал – времени на адаптацию и раскачку у него

нет и не будет.

Интуиция не подвела. Чувство опасности, реальное, не надуманное, внезапно материализовалось по ту сторону защищающей сталкера преграды: в неровном свете, источаемом аномалиями, неожиданно появились три ссутуленные фигуры, лишь отдаленно напоминающие человеческие.

Кровососы!..

Нервная дрожь, ударившая по мышцам, пробежавшая по телу, будто внезапный разряд тока, заставила его вскинуть оружие. От выброса адреналина в голове слегка помутилось, во рту появился неприятный привкус, но все же рефлексы не подвели, он плавно выбрал люфт и потянул спуск.

Оглушительная короткая очередь вспорола обманчивую тишину, одна пуля впилась в грудь ближайшей к Штопору твари, еще две ударили в голову, но кровосос лишь покачнулся, не думая умирать. Толстые щупальца, обрамляющие нижнюю часть его морды, зашевелились в поисках жертвы, силуэт жуткого исчадия Зоны вдруг потускнел, а затем и вовсе растворился в сумраке.

Мимикрирует, зараза…

На этот раз Штопора проняло основательно. Он отчетливо представил, что произошло бы с ним, не встань на пути кровососов стена аномалий. Лежал бы сейчас среди камней, белый, как тот офицер, без кровинки в теле…

Он нервно оглянулся. Так и есть. Три твари уже находились за спиной, они то бросались вперед, то вдруг резко останавливались, отступая, – чувствовали, что на пути, помимо различимых электр, затаились воронки и трамплины.

Минут пять шла изматывающая борьба. Поединок нервов, который рано или поздно должен был завершиться не в пользу человека. Кровососы обладали незаурядной живучестью, поспорить с ними могли только снорки – не менее злобные и опасные существа, по слухам, бывшие когда-то людьми.

Он не зря вспомнил снорков. Сталкиваться с ними во время памятного рейда в Припять приходилось не раз. Однажды, пробираясь по старым коллекторам, группа сталкеров, в которую входил и Штопор, нарвалась сразу на дюжину низкорослых сгорбленных тварей, способных с невероятной скоростью и ловкостью перемещаться не только по земле, но и по потолку и стенам. Отстреливаясь, сталкеры отступили под защиту нескольких пройденных минутой ранее воронок. Аномалии располагались

неплотно, между ними зияли метровые бреши, но снорки, впадая в ярость, атаковали, фактически не различая препятствий, так что идея заманить их под удар была вполне здравой и осуществимой, если б не феноменальная живучесть тварей.

Половина из них прорвались через гравитационные ловушки и бросилась на людей.

Штопор зажмурился.

Если кровососы голодные, они рано или поздно ринутся в атаку. Скорости и выносливости им не занимать. Действовать надо немедленно, но как?

Гранаты.

План созрел мгновенно. Приготовив «эфки», он отложил автомат, перепрыгнул на расположенный ниже валун, привлекая тем самым внимание кровососов. Они отреагировали вполне адекватно: метнулись к границе аномалий. Штопор давно заметил, что неимоверная сила и живучесть монстров в большинстве случаев компенсирована их низкой сообразительностью.

Заметив, что зыбкие силуэты, напоминающие водянистые контуры гротескных человеческих фигур, сгруппировались на границе, очерченной разрядами электры, Штопор одну за другой метнул им за спину две гранты и тут же отпрянул назад, под прикрытие каменной глыбы.

Сдвоенный взрыв ощутимо встряхнул землю, осколки пронеслись сквозь аномалии, словно горсть с силой брошенных болтов. Еще не успело смолкнуть эхо разрывов, как в ночи раздались жуткие, леденящие кровь вопли – это ударная волна швырнула кровососов в зону плотного скопления аномалий.

Штопор вскочил, подхватил автомат и рюкзак, взглянул на экран ПДА, где четко обозначились границы беснующихся очагов аномальной активности, и понял: сейчас или никогда…

В двух шагах синхронно молотило несколько трамплинов. Еще секунда, и они разрядились, не оставив в теле кровососа ни одной целой косточки. Поверженный монстр выглядел как кровоточащий кусок плоти, но Штопору было уже не до него – рванувшись вперед, он прыгнул, с силой оттолкнувшись от валуна, стараясь использовать те секунды, что требовались аномалиями для перезарядки.

Не успел.

Два трамплина остались позади, но третий, самый крайний, все же успел ударить вслед сталкеру расширяющейся кольцевой волной гравитационного искажения.

Штопору показалось, что его ударило в спину бетонной плитой, ноги подкосились, отказываясь держать вес тела, он заорал бы, но щеки тряслись от напряжения, гортань сжало, кровь отхлынула от головы, затем сознание взорвалось радужными искрами и погасло, но только на миг.

Почти сразу же придя в себя, он выгнулся, силясь вдохнуть.

Ребра ныли. В голове стоял протяжный звон, из ушей, как при сильнейшей контузии, сочилась кровь.

Автомат валялся в траве, до него еще ползти и ползти, учитывая невыносимую боль в парализованных мышцах, а из поля беснующихся аномалий внезапно вынырнули два потерявших способность к мимикрии, но все еще живых кровососа.

Ужас поднял Штопора на колени, заставил отползти от бьющегося в бессильной злобе трамплина, он успел схватить автомат и, перевернувшись на спину, встретить оглушенных тварей длинной очередью.

Он отчетливо видел, как пули рвут их плоть, но секунду спустя оба исчадия исчезли, словно их и не было.

Бежать… Бежать…

Штопор, пошатываясь, встал. Сознание тут же поплыло, к горлу подкатила тошнота. Сотрясение мозга и перелом нескольких ребер он точно заработал. Но это мелочи. Автоматическая армейская аптечка, разработанная в одном из номерных институтов бывшего Союза, справится и с головокружением, и с треснувшими ребрами, ему бы только найти укромное место, где можно отлежаться… Хуже другое. Все, произошедшее с ним на Кордоне, плохо укладывалось в рамки былых представлений о Зоне. Если здесь творится полный беспредел, то, в таком случае, что происходит в других, по определению более опасных областях?

Оглянувшись, он заметил смутный силуэт, приближающийся справа, шарахнул по нему короткой очередью, почти не целясь, не попал и, собрав остаток сил, побежал, продираясь через кустарник.

Он чувствовал себя настолько скверно, что практически не разбирал дороги. Сбившись с направления, потеряв из-за контузии ориентацию в пространстве, Штопор не отдавал себе отчета в том, что движется назад, в направлении разгромленного рубежа.

Зато он понимал другое: Зона за время его отсутствия необратимо изменилась. За доказательствами не нужно было далеко ходить. События последних часов говорили сами за себя. Кому-то другому Штопор ни за что бы не признался, что напуган до желудочных колик, но себе-то лгать не имело смысла. Он только чудом остался жив. Проведя в Зоне всего пару часов, он успел попасть под выброс, стать свидетелем катастрофического

расширения аномального пространства, видел сошедших с ума военных, наблюдал последствия атаки мутантов на хорошо защищенный блокпост, сам загнал себя в ловушку, отбивался от кровососов, отведал ту меру ужаса, смертельных опасностей, физической и моральной боли, которой в прошлом хватило бы на год…

Вывод из мятущихся в растерзанном сознании мыслей напрашивался только один: в одиночку ему никогда не добраться до Припяти. Но дороги назад попросту не было. Либо он дойдет до города-призрака, либо сгинет в Зоне. Третьего не дано.

Отбежав на приличное расстояние от места последней схватки с кровососами, он, задыхаясь от непривычных физических усилий, остановился, тяжело дыша, без сил привалился к накрененному стволу засохшего дерева, с трудом достал из рюкзака автоматическую армейскую аптечку, свинтил крышку и прижал головку анализаторов к коже запястья.

Внутри сложного комплекса для поддержания жизни что защелкало, затем аппарат, проведя экспресс-анализ состояния пациента, произвел несколько инъекций.

Гул в голове стал тише, потом исчез вовсе. Резкое улучшение самочувствия не изменило удручающего настроения. Неестественная бодрость пугала. Он знал, что часто пользоваться подобными устройствами опасно для жизни, но что реально он мог противопоставить Зоне? Свой опыт сталкера? Да его чернобыльский пес наплакал. До памятной вылазки в Припять, куда его взяли в качестве обыкновенного носильщика, он дальше Свалки, военных складов, контролируемых группировкой «Свобода», да базы «Долга» носа не совал. В отличие от иных сталкеров Штопор отлично знал свою планку и даже не пытался прыгнуть выше. Да, ему крепко повезло, он выбрался из той передряги живым и с приличным хабаром, но одно дело бахвалиться прошлым перед дорогими валютными проститутками, и совсем иное – вернуться назад, да еще и без обратного билета в нормальную жизнь.

Он не тянул на крутого сталкера. Нечего было трепать языком. Ну да что теперь…

От мрачных мыслей Штопора отвлекли раздавшиеся неподалеку звуки автоматной стрельбы.

Ураганная перестрелка вспыхнула метрах в пятидесяти от накрененного бурей дерева. Он вытянул шею, огляделся по сторонам и вдруг понял, что вернулся туда, откуда начал: перед ним простиралось пространство злополучного тридцать четвертого сектора периметра Зоны Отчуждения.

Судя по направлению трассеров, огонь вели бандиты, им отвечали два автомата, по звуку – немецкие G-36.

Внезапная мысль пришла, как озарение.

Инок и Гурон. Они, судя по всему, сталкерское дело знают туго. И не робкого десятка парни. Их нужно как-то заинтересовать. Штопор даже воспрял духом. «Для начала я их спасу – дело нехитрое. Зайти в спину увлеченным перестрелкой бандитам, шугануть их внезапным огнем с безопасного расстояния, заставить заметаться, вскочить, а остальное Гурон с Иноком доделают сами».

С такими мыслями Штопор плюхнулся на брюхо и пополз, заходя в тыл местной братве.

* * *

Инок и Гурон действительно попали в серьезную передрягу.

Поначалу события на рубеже развивались довольно прогнозируемо. Пока напарник после введенной ему дозы противошокового препарата пребывал в беспамятстве, Инок оттащил его назад в схрон. Устраивать войну с боевиками бандитской группировки – только патроны тратить. На этот счет у Инока была своя философия. Он давно заметил, что Зона реагирует на поступки сталкеров достаточно чутко. Одних одаривает сверх меры, другим не дает и шага пройти.

Давние наблюдения подтвердились через несколько минут после того, как на проселочной дороге появился свет фар нескольких машин.

Расширив амбразуры под бетонными плитами, Инок спокойно наблюдал, как к рубежу приближаются пять внедорожников, за которыми медленно полз бортовой грузовик. Шакалы вышли за легкой добычей. Видно, прослушивали эфир, сидя в своем убежище, быстро сообразили, в каком незавидном положении оказались военные, вот и решили поживиться оружием и экипировкой. Им с их куцыми мозгами не понять, что внезапное расширение границ Зоны – явление уникальное, катастрофическое, не исчерпывающееся необычайно сильным выбросом. Вал аномальной энергии уже схлынул, но остались его скрытые до поры последствия. Думать мышцами всегда чревато крупными неприятностями, в этом Инок смог убедиться всего через пару минут, когда в полукилометре от разбитых укреплений один из внедорожников влетел в аномалию. Жарка, притаившаяся у обочины, разрядилась столбом ревущего пламени, джип подбросило метров на десять, он мгновенно превратился в факел и, падая, взорвался, распадясь оранжево-черными сгустками.

В свете внезапного взрыва стало отчетливо видно, что вслед боевикам

катится лавина мутантов.

На позициях разгромленного рубежа внезапно зашевелись тени. Офицер, бессмысленно возившийся у единственного уцелевшего пулемета, вдруг очнулся от ментального шока. Видимо, открывшееся его полубезумному взгляду зрелище сработало как катализатор рефлекторных навыков – он что-то хрипло проорал, выпуская длинную очередь, хлестнувшую по машинам и лишь частично задевшую стаю чернобыльских псов.

Мутанты, поскуливая, рванулись в стороны, несколько тварей покатились по земле, оглашая окрестности предсмертным воем, с джипов в ответ ударили заполошные автоматные очереди, по мешкам с песком наискось хлестнули пули, офицера коалиционных сил вдруг отшвырнуло от пулемета, и он медленно осел, схватившись за простреленную грудь.

Внезапный огонь со стороны рубежа заставил джипы притормозить: один выпустил облако пара из пробитого радиатора и, чихнув, заглох, три других пошли юзом, а через несколько мгновений позже стая мутантов настигла охотников за легкой наживой.

Лязг раздираемого когтями металла смешался с грохотом одиночных выстрелов и холодящими душу предсмертными воплями, огромную стаю собак закрутило вокруг внедорожников пульсирующими концентрическими окружностями.

Зона, как и предполагал Инок, в состоянии сама решить, кому жить, а кому умирать.

Мистика?

Вряд ли. Скорее вывод, сделанный на основе многолетних наблюдений.

Во тьме дробным звуком рассыпались автоматные очереди. Чернобыльские псы – противник опасный, обычно они не сбиваются в стаи, а охотятся поодиночке либо парами. Также были известны случаи, когда чернобыльцы, обладающие способностью к слабому ментальному воздействию, брали в подчинение слепых псевдособак.

Однако эта ночь ломала многие устоявшиеся стереотипы.

Убить чернобыльского пса непросто. Говорят, что он чувствует, когда в него целятся, и уходит с линии огня за мгновенье до выстрела. Однако в сложившейся ситуации проверенная тактика не работала – мутантов оказалось слишком много, разъяренные выстрелами и близостью добычи, они сбились в плотные группы, почему-то оставив без внимания тащившийся позади колонны грузовик. Мешая друг другу, огромные собаки попадали под беспорядочный автоматный огонь, затем в гущу тел,

захлестнувших внедорожники по самые крыши, с грузовика полетели гранаты.

С десяток разрывов вмиг разметали плотную массу тел, досталось и машинам, но боевиков от разлета осколков спасли усиленные, бронированные кузова изготовленных по спецзаказу джипов. Удивительно, но мутанты, обычно атакующие своих жертв до последнего, внезапно кинулись врассыпную, оставив на дороге десятка три изуродованных тел сородичей.

Ситуация начала принимать скверный оборот. Боевики, конечно, пострадали, но в меньшей степени, чем рассчитывал Инок. Через некоторое время, громко матерясь, они сумели поставить на колеса две перевернутые машины, а сами забрались в грузовик, который вновь медленно пополз к линии укреплений. Теперь на появление мутанта или любую промелькнувшую тень бандиты отвечали плотным автоматным огнем, не жалея патронов.

Старый, видавший виды «Урал», оглушительно завывая двигателем, вполз на пригорок и остановился. Часть боевиков спрыгнула на землю, они разбились на пары и исчезли во мраке, несколько человек остались в кузове грузовика, постоянно держа под прицелом ближайшие подступы к машине.

Чернобыльские псы редко оставляют добычу. Так произошло и на этот раз. В темноте то и дело вспыхивали короткие перестрелки, из мрака доносились яростные крики мародеров и скулеж умирающих мутантов.

Так продолжалось около часа.

Инок без труда проскользнул бы мимо оставленного бандитами охранения, но он не рискнул нести на себе Гурона. Застрелят. Одна шальная пуля, и все. Обидно будет. Проще переждать, тем более что замшелые, вросшие в землю плиты вряд ли привлекут внимание охотников за легкой поживой.

На всякий случай Инок присел у бойницы, выходящей в ту же сторону, что и узкий лаз. Нора, ведущая в схрон, являлась единственным уязвимым местом избранной позиции, но подступы к ней освещала электра, так что внезапного нападения можно было не опасаться.

Прошло еще минут двадцать, и Инок начал понемногу успокаиваться. За это время поисковые группы дважды возвращались к грузовику, сгружая собранное оружие и снаряжение.

Еще немного, и они отвалят.

В темноте раздался слабый стон приходящего в сознание Гурона, но Инок не успел отреагировать на его возвращение в жестокий, полный превратностей мир Зоны, лишь цыкнул:

– Замолчи!

Подле электры, обтекая ее с двух сторон, показались мутанты. С десяток чернобыльских псов приближались к убежищу сталкеров. В отличие от бандитов, которых интересовало лишь оружие, голодные псы сразу же учуяли присутствие людей. Вот один из них напрягся, встал в стойку, тревожно нюхая воздух, и Инок понял: еще секунда, и тварь рванет к лазу.

Короткая очередь, выпущенная из немецкой штурмовой винтовки, разнесла череп мутанта, остальные попятились, не сразу сообразив, где засел стрелок, а когда до них дошло, что люди скрываются под плитами, вся стая бросилась вперед.

Инок встретил их длинной очередью.

Еще несколько псов рухнули на землю, одного отшвырнуло в электру, аномалия тут же взъярилась, распуская ветвистые, изломанные щупальца электрических разрядов, – короче, фейерверк удался на славу.

Тварей удалось отпугнуть, но к месту внезапной схватки уже неслись боевики. Инок лишь выругался, меняя магазин G-36.

Рядом возник смутный силуэт Гурона.

– Оружие есть? – слабым голосом спросил он.

– У меня под ногами! – Инок уже бил короткими очередями по появившимся в поле зрения бандитам. Двое боевиков рухнули, как подкошенные, третий успел отскочить во тьму и скрылся, только зашелестели ломкие ветви сухого кустарника.

– Сколько их? – спросил окончательно пришедший в себя Гурон.

– Человек двадцать.

Напарник молча подобрал трофейное оружие и встал у другой бойницы.

– Сзади и с флангов им не пролезть. Если начнут копать, услышим. Вход держать надо.

Инок промолчал. Какой смысл сотрясать воздух, когда и так все понятно. В бою он обычно был немногословен.

Несколько минут казалось, что их все же оставят в покое, пока из темноты, сгущавшейся метрах в пятнадцати от схрона, не вылетело несколько гранат.

– На пол!

Взрывы плотно легли перед входом. Несколько осколков влетели внутрь, визгливо чиркнув по бетону перекрытия.

Не сговариваясь, Инок и Гурон вскочили.

Перед бойницами курились кисловатым дымом свежие воронки, так и

не угомонившаяся электра смутно прорисовывала тени боевиков, ринувшихся в атаку. Подпустив их метров на пять, сталкеры открыли кинжальный огонь.

Первую атаку они отбили легко, теперь перед схроном валялось уже семь тел, но дальше дело пошло хуже. Обозленные внезапными потерями боевики рассредоточились по кустам, вновь пустив в ход гранаты.

– Долго не продержимся… – прохрипел Гурон, когда после очередного взрыва подпирающий бетонные плиты столб угрожающе затрещал.

– А выхода нет. – Инок тщетно пытался просчитать ситуацию. – Копай! – внезапно приказал он. – Отдай мне запасные магазины и копай!

– Чем?

– Руками, прикладом, чем угодно! Только не тормози!

Гурон метнулся к дальней стене схрона.

Боевики вновь попытались атаковать, но тщетно – Инок, экономя патроны, отогнал их несколькими очередями, и бандиты снова залегли.

Сменив позицию, переместившись ко второй бойнице, сталкер молча наблюдал, как из темноты по осыпающейся амбразуре с разных точек молотят автоматы. Стрелять по вспышкам – не факт что зацепишь, а себя обнаружишь. Нет, лучше подождать.

Мудрое решение.

Сколько времени продолжалось бы противостояние и удалось бы двум сталкерам в конечном итоге выбраться из западни – неизвестно, если б им на помощь вдруг не пришел кто-то третий.

Позади позиции боевиков внезапно заработал родной «калашников».

Атаки с тыла бандиты не ожидали. Выдержки и боевой дисциплины у них отродясь не было, потому они всем скопом, поддавшись внезапной панике, вскочили, дав призрачному свету электры обнаружить себя.

– С тыла бьют, гады! – раздался чей-то истошный крик.

Инок видел их как на ладони.

– Гурон, прикрой! – Он расстрелял магазин длинными очередями, резко присел под прикрытием огня товарища, перезарядился и…

Все стихло. Лишь в той стороне, откуда так вовремя ударил «калаш», внезапно бухнул разрыв гранаты, выпущенной из подствольника.

Несколько бандитов бежали к грузовику. Еще минута, и тот, сдав назад, начал разворачиваться.

Гурон выпустил вслед несколько очередей, но дистанция оказалась слишком велика.

– Ушли, – с досадой произнес он.

– Да и фиг с ними. – Инок устало присел. – Ты как?

– Нормально, – махнул рукой Гурон. – Бывало и хуже. Что делать будем?

– Как минимум надо сходить посмотреть, кто нас так вовремя прикрыл. А там решим.

* * *

Им потребовалось минут пятнадцать, чтобы отыскать таинственного стрелка. Инок запомнил направление на взрыв, но пришлось поплутать в темноте, обходя две новорожденные аномалии, прежде чем они наткнулись на тело в сталкерском комбинезоне.

Рядом, выпав из ослабевших рук, валялся «АКМ».

– Живой вроде… – Инок сначала нащупал пульс и только потом взглянул в лицо. – Во как! – Озадаченно произнес он. – Это же Штопор!

– Точно. А куда он вообще делся? Я много пропустил, да?

– Ушел он. Бросил нас и ушел.

– Ну, видишь, вернулся же. Что с ним? Живой?

– Контужен.

Инок призадумался.

– Ну что, к Сидоровичу пойдем? – наконец спросил он.

– А куда деваться? – ухмыльнулся Гурон. – Штопора ведь надо куда-то пристроить. Вон у него кровь из ушей течет. Да и информация от торговца нам не повредит.

– И то правда, – неожиданно согласился Инок. – Ладно, пошли на Кордон…

Глава 2 Кордон

Зона отчуждения. Лагерь сталкеров на Кордоне

До бункера Сидоровича – торговца, контролировавшего лагерь молодых сталкеров, занимавший небольшую полуразрушенную деревеньку между старым блокпостом и железнодорожной насыпью, – добрались, когда серые краски рассвета позволили отключить приборы ночного видения.

– Аномалий разбросано, как гороха… – кряхтя, пожаловался Гурон. Ему приходилось нелегко. Тащить грузное тело Штопора да еще постоянно следить за показаниями ПДА, предупреждая об опасных очагах, занятия трудно совместимые. Но так было заведено: Инок наблюдает за обстановкой, у него взгляд более цепкий, Гурон работает с ПДА. Нарушать устоявшееся, не раз проверенное на практике распределение обязанностей не было никакого смысла.

– Все, пришли. – Инок огляделся. Подозрительно тихо и безлюдно в деревне. Даже огонь во вкопанной в землю железной бочке вопреки обыкновению не горит. Куда все подевались?

Трупов он не заметил. И то ладно.

– Ну, последний рывок. Сейчас перекусим, расслабимся, узнаем, что тут стряслось в наше отсутствие, – нарочито бодро произнес он.

Деревню пересекли молча. Перед входом в бункер, замаскированный под обыкновенный погреб, остановились, зная, что хозяин не любит, когда к нему вламываются без предупреждения.

Сворки «погреба» были гостеприимно открыты. Хороший знак. Пожалуй, единственное приятное зрелище за истекшую ночь.

– Ну, и что стоим? – раздался ворчливый, искаженный порванным динамиком скрытой системы наблюдения голос. – Спускайтесь.

Инок, пригнувшись, пошел первым. За ним следовал Гурон. Бессознательное тело Штопора он взвалил на плечо.

Торговец сам отомкнул перед ними массивную металлическую дверь. Взглянув на обмякшее тело сталкера, несколько секунд всматривался в черты его лица, затем, причмокнув, неожиданно изрек:

– Вот так подарок вы мне приволокли!

– А что такое? Знаешь его? – удивился Инок.

– Как не знать. Я всех своих должников помню, но этого увидеть,

честно говоря, не чаял. Н-да… неисповедимы пути твои…

– Контузило его крепко. Помощь бы оказать не мешало.

Сидорович строго посмотрел на Инока.

– Я что тебе – Болотный Доктор, всяких тварей выхаживать? Вон в угол его киньте, даст Зона – сам очнется.

– Не пойдет. – Инок был непреклонен. – Загнется. Слушай, Сидорович, с каких пор ты должниками разбрасываешься? Может, сгодится на что? Долг отдаст, к примеру?

Торговец почесал в затылке.

– Твоя правда. На диван положите. Сейчас аптечку принесу.

* * *

Минут через десять, когда Штопору была оказана первая помощь, Сидорович поманил сталкеров за собой, в смежную комнатенку, предварительно закрыв на хитрый засов массивную металлическую дверь.

– Покупателей сегодня явно не будет, – подмигнул он Гурону.

Усевшись на табуреты за столом, куда сердобольный наставник молодых сталкеров уже поставил бутылку водки и нехитрую закуску, они молча выпили.

– Ну, каким ветром вас ко мне занесло?

– Аномальным, – буркнул Гурон. – Ты в курсе, что в Зоне творится?

– Значит, за информацией пришли?

Инок кивнул.

– Две недели нас не было. Под выброс ночью попали, как раз когда периметр проходили, – скупо пояснил он. – Зона расширилась, ты в курсе?

– А как же. – Сидорович налил еще по одной. – Тут такие дела происходят, самого оторопь берет.

– Расскажешь?

– Услуга за услугу? – хитро прищурился торговец.

– Вслепую не договариваемся, – покачал головой Инок. – Сначала информация, а там… решим, в общем.

– Ага, где-то я подобное уже слышал. – Сидорович опрокинул в себя стакан водки, крякнул, потянулся за огурцом. – Утром стулья, вечером деньги? Так говорили классики?

– Ты нас знаешь, – насупился Гурон.

– Ладно. Все равно слухами Зона полнится. А отделять истину от домыслов вам некогда, верно?

– Верно, – поддержал его Инок.

– В общем, разговор долгий. Рад, что ко мне заглянули, дело для вас

есть. Но все по порядку.

В соседней комнате, застонав, пошевелился Штопор.

– Ага, в себя приходит. Тащите-ка его сюда. – Сидорович потер сухие ладони. – Ему тоже не вредно послушать, но сначала я задам гостю пару вопросов. А вы, ребята, не вмешивайтесь. Давние дела.

– Ладно, подождем. Разбирайся. – Инок с полным безразличием потянулся к открытой банке с тушенкой.

На Штопора, когда его привел Гурон, было жалко смотреть. Узнав торговца, ветеран как будто стал ниже ростом.

– Ну, что же ты? – Сидорович укоризненно покачал головой. – Законов наших не знаешь или наплевать на них решил?

– Я сталкерских законов не нарушал, – мрачно буркнул Штопор. – Группа погибла. Я один чудом выжил.

– Вот именно. – В глазах Сидоровича появился злой огонек. – А кто организовал вашу вылазку? Кто снаряжение и оружие в кредит выдал? Или ты не в курсе, что последний выживший обязан если не возместить ущерб, то хотя бы принести отчет заказчику? Жадный ты, Штопор. Жадный и глупый. Думал, я не узнаю ничего?

– Да не в себе я был! – резко, с вызовом ответил сталкер. – Говорю же – под выброс попал! Ничего не помню!

– Ну-ну. – Сидорович подался вперед, навалившись на стол. – А как два артефакта «черный маятник» в баре «Сто рентген» продал, по двести пятьдесят штук за каждый, тоже не помнишь? В невменяемом состоянии торговался? А потом из Зоны улизнул? На райские острова?

– Полмиллиона? – присвистнул Гурон. – Так чего ж ты назад в Зону вернулся, дурья башка? Ностальгия по аномалиям загрызла?

Штопор зло сверкнул на него глазами.

– Так, я тебя слушаю, продолжай, – напомнил о своем присутствии Сидорович.

Штопор сник. Присев на табурет, он глухо ответил:

– Испугался я тогда. Едва живой вышел. Тропа недалеко от базы «Долга» выходит, вот я и рванул, куда ближе. Зона меня за горло взяла, в башке поселилась! Я не думал ни о чем, кроме того, как побыстрее отсюда свалить!

– Допустим. – Сидорович скрестил руки на груди. – А потом, когда очухался на курортах, почто весточку не прислал? Так мол и так, Степан Сидорович, с головой проблемы были, теперь поправился, шлю должок.

– Проиграл я деньги, – скрепя сердце признался Штопор. – В казино все спустил. Будто затмение какое нашло…

– Это тебя Зона за жадность наказала, – веско изрек торговец. – Что теперь-то с тобой прикажешь делать?

– Да отдам я долг! И за себя, и за погибших! – Штопор вскочил. – Клянусь, отдам!

– Ох, сомневаюсь… Ты теперь кругом всем должен. Вон Иноку и Гурону, что не бросили тебя подыхать среди мутантов, мне, за давние грехи. А что у тебя есть? Шкура твоя дырявая? Мозги набекрень перекошенные?

– Я дорогу на Припять знаю! – выдохнул Штопор. – И еще там, в подземельях, тайник остался. В нем еще два «маятника».

– А не врешь опять?

– Да с чего врать-то?

– Ну, где два, там и четыре. Почему все не забрал?

– Страшно было, – признал Штопор. – Там такое под Припятью творится – до сих пор по ночам кошмары мучают. До тайника, где артефакты оставили, нужно было либо два квартала под огнем снайперов «Монолита» пробираться, либо снова в те гиблые подземелья уходить. Не смог я. Назад пошел.

Сидорович задумался. Плеснул себе водки, молча выпил, машинально, по старой привычке стал раскачиваться на табурете, потом вспомнил, что рядом сидят сталкеры, угомонился. В глазах искорки злые, щеку подергивает нервным тиком, но эмоции эмоциями, а дело – оно тонкого подхода требует. Вдумчивого.

– Ладно. Считай, что я поверил тебе. Только просвети уж, что такого в этом артефакте? Может, я тебе больше за него дам? Чтобы снова у тебя память не отшибло и не попутал, к кому идти надо?

– Он от воздействия контролеров защищает.

– О как! – удивился Сидорович. – А то я и думаю, с какого перепуга долговцы на Янтарь к ученым зачастили. Наемникам, что в диких землях обосновались, не слабо навешали, говорят, ученые им какой-то прибор сварганили, защищающий от пси-излучения. Выходит, «маятники», что ты принес, в жертву науке пошли… Зона видели как расширилась? – На лицо Сидоровича набежала тень. – А все твоих рук дело, Штопор!

– Я-то при чем?! – Сталкер чуть с табурета не свалился от неожиданного обвинения.

– При всем. Один «маятник» к ученым попал, другой к Стрелку. Слышал, наверное, о таком сталкере? Он с ним через радар прошел, к Припяти прорвался, а потом, как мне думается, и до Исполнителя Желаний добрался. Мутное дело. Но с него все проблемы, вся нынешняя чехарда в

Зоне и началась. Не знаю, что он приволок с АЭС, но болел долго. Рассудок почти потерял. Его болотный доктор выхаживал, потом пропал Стрелок куда-то. А месяца два назад приволокли мне едва живого сталкера, с разбившегося грузовика смерти. Худющий, в чем только душа держится. На руке странная татуировка S.T.A.L.K.E.R, в кармане КПК, а там одно активное задание: убить Стрелка. Не помнил он ничего. Всю память Зона сожрала. Некоторое время у меня побыл, пока не оклемался, потом ушел. Мы его Меченым прозвали.

– Ты нам зачем сейчас о нем рассказываешь? – удивился Гурон.

– Так вы ж с Иноком хотели знать, что в Зоне происходит? – Сидорович жуть как не любил, когда его перебивали.

– Молчу. Слушаю.

– В общем, так. – Сидорович вновь начал раскачиваться на табурете. – Мы с другими торговцами постоянно связь поддерживаем. Стараемся быть как бы вне политики местных группировок. Нас что по большому счету интересует? Правильно – артефакты. А где их больше всего образуется?

– Ближе к центру Зоны. На севере.

– Именно. Но дорогу туда Выжигатель Мозгов закрывал. Вот мы и искали обходные пути. Чтоб для вольных сталкеров тропку проторить, в обход Радара. Группа Брокера как раз на выполнении такого задания и полегла. – Сидорович снова налил, на этот раз всем, даже Штопору.

Выпили молча.

– Слушайте дальше, – закусив, продолжил Сидорович. – Теперь скрывать уже нечего, – таинственно добавил он. – Знали мы, что Выжигатель Мозгов на Радаре – не аномальное явление Зоны, а творение рук человеческих. Но тут логика простая. Если есть машина, то ее можно сломать либо выключить. Скооперировались мы с учеными, они некоторую информацию по секретным военным лабораториям нам подбросили, согласились даже прототип своего чудесного прибора нашему человеку выделить, с тем условием, что в этот прототип они устройство записи вмонтируют. Чтобы сталкер, которого мы пошлем, сам того не подозревая, для них информацию о недоступных участках Зоны собрал. Мы на это рискованное дело Меченого подписали. Ходил ведь сам не свой, всех, кого ни встретит, валил, разве что сталкеров-одиночек не трогал.

Сидорович на минуту умолк, затем, кряхтя, встал, вышел в подсобку, вернулся оттуда уже с двумя бутылками водки.

– Знать бы, чем все закончится, десять раз бы подумал. – Он протянул бутылки Гурону. – Открывай.

Инок взглядом сделал знак товарищу: мне особо не наливай. Ясно, что

кто-то должен сохранять трезвую голову, когда речь о таких делах зашла.

Штопор, напротив, выпил жадно, залпом, дернул кадыком и притих.

– В общем, Меченый справился, – икнув, продолжил Сидорович. – Отключил он два излучателя, один возле озера Янтарь, другой на Радаре. Открыл путь на север, к Припяти. Нельзя было этого делать. Все в Зоне как с ума посходили. Только ленивый не пошел туда. Все к Исполнителю Желаний начали прорываться.

– А «Монолит»? – осторожно уточнил Инок.

– Что «Монолит»? – безнадежно махнул рукой Сидорович. – Они хоть и того, – он покрутил пальцем у виска, – на всю башку больные, но тоже смертные. Пули их берут не хуже, чем мутантов.

– Так в чем проблема заключается? – Инок, закусывая, внимательно посмотрел на захмелевшего торговца. – Проход к Припяти открыт, артефакты теперь к тебе сплошным потоком пойдут…

– Да где они, артефакты? – Сидорович вскочил, опрокинув табурет, распахнул дверь, ведущую на склад, указал на пустые стеллажи. – Видишь? Не возвращаются оттуда! Экипировки, оружия в долг набрали, ринулись за призрачным счастьем, а вышло все боком. Группировки, что раньше по своим базам сидели, редкими стычками ограничивались, теперь снова войну полномасштабную затеяли. Ведь сошлись как назло нос к носу, в секторе Радара да в Припяти, мимо ведь по пути к Саркофагу не проскочишь! Бьются друг с другом, как очумелые, а там еще снайперы «Монолита», да военные тоже на месте не сидят, намедни подняли вертушки со спецназом и к Чернобыльской АЭС рейд устроили. Что там было… – Торговец зажмурился. – А потом Зона не выдержала. Выброс ударил вне устоявшегося графика. Кто там живой остался – не знаю. Даже думать об этом не хочется.

– Значит, по-твоему, нельзя было сложившийся годами баланс сил нарушать?

– Ой, что толку теперь пить боржоми, когда печень-то уже отвалилась? – зло зыркнул на Инока торговец. – Вон, – Сидорович указал скрюченным дрожащим пальцем на Штопора. – Он два «маятника» приволок. С них все беды и начались. Задним умом мы все горазды. А ты бы на моем месте устоял? Проход к Припяти, горы артефактов. Ну, грешен, захотелось всего и сразу. А Зона по-своему рассудила. Вот сижу теперь, водку глотаю. Сколько убытков…

– Сидорович, тормозни, – хмуро оборвал его Гурон. – Там нашего брата полегло – не сосчитать, Зона расширилась километра на три по всему периметру, а ты о шмотках.

– Так тебе шмотки, а мне, может, смысл жизни!
– Ну да. Кому война, а кому – мать родна?
– А ты не хами!
– Заткнись, Гурон. – Инок плеснул себе в стакан водки. – Позже поговорим. Так что конкретно ты хотел нам предложить? – повернулся он к Сидоровичу.
Тот горестно вздохнул.
– Местная сталкерская сеть накрылась. Изредка появляются обрывочные сообщения, но по ним толком ничего не понять. Утром весточка от военных пришла, есть у меня свой человечек при штабе. Испугались они. Весь мир, кто понимает, ужаснулся расширению Зоны. Есть мнение, не мое, конечно, а оттуда, из-за кордона пришло, – накрыть аномальные территории массированным ударом.
– Сам что думаешь? Накроют?
– Не знаю. У страха глаза велики. Разведывательный рейд необходим. К АЭС не пошлю, там полный кавардак происходит, с утра вон уже четыре вертушки накрылись, да после выброса монолитовцы лютуют. Хотя бы до Припяти. Разведать, что там? Группу сталкеров, вышедших с Кордона, возглавлял Бес. Отыщите его. Он дальше Припяти не полезет. Не тот человек. В общем, не верит он в Исполнитель Желаний. У него ПДА особый, с мудреным маркером. Мне очень важно знать, что с группой приключилось. Ждать их назад или нет? Да заодно, раз такое дело, Штопора до тайника проводите.
– Пусть даст координаты, сами найдем, – ответил Инок.
– Нет, – в первый раз за все время разговора подал голос ветеран. – Я схрон не укажу. Место помню, но смутно. Увижу – узнаю. А объяснить не смогу.
– Ну? – Сидорович протрезвел. – Беретесь?
– А если Выжигатель Мозгов снова заработал?
– Ну, так проверить надо! О чем и речь идет!
– Сам не хочешь попробовать? – поинтересовался Гурон.
– Я ж не сталкер, – развел руками Сидорович. – Ну, не мне же вас учить! Зачем самим под Выжигатель лезть? Отмычку найдете. Только не Штопора! – Торговец перехватил взгляд Гурона. – Он дорогу к схрону указать должен.
– Жадный ты.
– Да, жадный! – снова завелся Сидорович. – Только ты, Гурон, мне не судья! Попробовал бы сам торговать в Зоне. Скольких сталкеров я от смерти на первых порах уберег?! Думаешь, лагерь на Кордоне содержать

просто? Между двух блокпостов военных? Сам подумай!

– Все, хватит. – Инок отодвинул полупустую бутылку, исподлобья посмотрел на Гурона, затем на Штопора. – Я пойду, – внезапно объявил он. – Остальные решают сами. Твое мнение, Гурон?

– Хорошо хоть спросил, – ворчливо отозвался тот.

– Мы с тобой напарники, но, по сути, были и остаемся одиночками. Не нравится – разбежались. Решай сам.

– Да что решать? Не на Кордоне же отираться. Пойду.

– Штопор?

Тот долго молчал, затем кивнул через силу.

– У меня выхода другого нет. Обузой не буду.

Сидорович заметно повеселел, но его радость вновь омрачил Инок:

– Экипировка нужна. Как минимум три бронекостюма с замкнутым циклом жизнеобеспечения. Боеприпасы, медикаменты, спецсредства. Список я сейчас составлю.

– А вы с Гуроном, стало быть, нищие? – по инерции трепыхнулся торговец.

– Ну почему же сразу – нищие? Деньги есть. Но тогда за информацию будешь платить. И за артефакты дашь ту цену, что сами назначим.

– Нет, Инок, погоди, пошутил я!

– А ты не шути, Сидорович. Мы ведь не на прогулку собираемся. Хочешь по-честному, давай договариваться. Пятьдесят процентов за экипировку мы тебе заплатим. Штопору все выделишь в кредит. По возвращении мы тебе отдадим недостающую сумму, только без процентов, договорились?

– Ладно, – заставил себя кивнуть торговец. – Я вам контейнеры для артефактов дам. Бесплатно.

– Лучше вот это добудь, – Инок толкнул к нему листок, исписанный ровным каллиграфическим почерком.

Пробежав глазами представленный список, Сидорович опять скис.

– Почему «калаши»? – встрепенулся он. – И что это за маркировка патронов такая странная?

– Три автомата Калашникова, калибр 7,62, одна «СВД», – Инок был непреклонен. – Никаких натовских штучек. Оружие должно быть надежным и безотказным… как автомат Калашникова. Что касается патронов, не делай вид, что в первый раз видишь маркировку. Модифицированные боеприпасы к «АКМ» двух видов – бронебойные со стальным сердечником, и разрывные – это против мелких монстров. Напомнить, где их в Зоне производят?

– Сам знаю, – окончательно сдался торговец. – Есть у меня небольшой запас.

– Смотри, чтобы его на троих хватило, – предупредил Гурон.

– Погуляйте пока. Или располагайтесь тут, вздремните, пока я все необходимое добуду.

– Здесь останемся. Пара часов сна не повредит. Особенно Штопору. – Инок усмехнулся. – Где у тебя прилечь-то можно?

– А это вот сюда! – Сидорович открыл неприметную дверь, ведущую в небольшую комнату с двухъярусными армейскими кроватями. – Отдыхайте. Будет все готово – разбужу.

* * *

В путь собрались только ближе к вечеру.

Торговец не подвел, предоставил все необходимое, согласно списка, что дал ему Инок. Сталкеры экипировались долго и тщательно, подгоняли бронекостюмы, собрали и разобрали новенькие, ни разу не использованные в бою «АКМ».

– Ба, даже подствольные гранатометы, – скупо удивился Гурон. – Полезное приспособление.

– Особо под пули-то не подставляйтесь. – Сидорович крутился подле сталкеров, внимательно наблюдая за их приготовлениями. – Встроенная в экипировку автоматическая система работает как армейская аптечка, только ресурс у нее побольше, – стал вдруг пояснять он.

– Степан Сидорович, ты сейчас о нас или о бронекостюмах печешься? – беззлобно поддел его Гурон. – Ты лучше за нас переживай. Экипировка своим ходом к тебе ведь назад не придет, верно?

– Да переживаю я за вас! Переживаю!..

– Только много не пей, – поддержал Инок товарища.

– Да ну тебя… – отмахнулся торговец. – Вот куда собрались, на ночь-то глядя?

– Небезопасно тут. Военные нагрянут, тогда что?

– И то верно. – Торговец почесал в затылке.

– Ладно, Сидорович, пора нам закругляться. – Инок встал. – За экипировку рассчитаемся, как договорились. А вот на это, – он протянул торговцу несколько мятых банкнот, – ящик водки, коробку мясных консервов и патронов к «калашникову» до полной суммы.

– Не вопрос. – Толстый палец торговца ткнул в клавишу старенького интеркома. – Болт, сейчас на склад сталкеры зарулят. Отпустишь им товар по списку. Да, бумажку с ними отправляю. Не тупи, там все написано

будет! – Сидорович отпустил клавишу, словно та стала вдруг горячей. – Вот молодежь пошла… Только жрать да стрелять умеют.

Гурон со Штопором переглянусь. Оба не понимали, зачем Иноку вдруг понадобилось столько водки, да и патронов вроде хватало, но от выяснения отношений в присутствии торговца воздержались. И лишь покинув душный, пропитанный неприятными запахами бункер Сидоровича, Гурон осторожно поинтересовался:

– Инок, ты не напутал чего?

– Нет, – ответил тот, подойдя к складу – покосившейся хибаре. Внутри царил сумрак, но под прогнившими половыми досками, сквозь неплотно притворенный квадратный люк из обширного, явно не так давно забетонированного подвала пробивались лучики света, в которых тонкими срезами витиеватых узоров клубилась мелкая пыль.

Присев, Инок постучал кулаком по люку.

– Ну, кто там барабанит? – донесся снизу приглушенный голос.

Через пару секунд под скрип несмазанных петель в открывшемся проеме возникла физиономия Болта – упитанного веснушчатого детины. Инок молча протянул клочок серой оберточной бумаги, на которой торговец криво нацарапал список оплаченного товара.

– Щас. – Голова исчезла, в подвале что-то звякнуло, затем через оставленный открытым люк наверх торжественно поднялся ящик водки.

– Гурон возьми, понесешь. – Инок без дальнейших пояснений легко приподнял ящик и передал в руки ничего не понимающего сталкера. – А это тебе, Штопор. – Коробка с тушенкой перекочевала в руки ветерана. – Тут недалеко, не надорвешься, – успокоил его Инок, рассовывая по кармашкам разгрузки пачки патронов к автомату Калашникова.

Люк в полу с лязгом захлопнулся.

– Вечереет… – Гурон недовольно посмотрел по сторонам. Молодежи из числа начинающих сталкеров он не заметил, лишь у костра, разведенного в ржавой, врытой в землю бочке сидели на корточках два худощавых типа неопределенного возраста, оба в простых дерматиновых куртках, толком не способных защитить даже от дождя, не то что от пули или воздействия аномалии.

«Видно те самые, „ленивые“, о ком толковал Сидорович», – подумал он.

Штопор, шагавший вслед за Иноком, вдруг остановился.

– Нет, так дело не пойдет! – Он поставил на землю картонную коробку с тушенкой. – Во-первых, я тебе в носильщики не нанимался. Во-вторых, куда премся на ночь глядя?

– Я веду вас в безопасное место. Штопор, ты уймись, пока по-хорошему прошу. Сидорович на ночь в своем бункере запрется, но нам в его норе ночевать не с руки. Я же сказал – военные нагрянут, особо разбираться не будут, кто тут хозяин, а кто гость.

– Ну, в лагере бы остались!

– А с кем там ночь коротать? Сам видел, на всю деревню пара молодых сталкеров да Болт со склада. С ними от мутантов отбиваться будешь? Или ты прямо сейчас хочешь выяснить, кто в группе главный?

– Не против, – оскалился Штопор.

– Главных нет. Мы – одиночки. Пока решили держаться вместе, каждый старается для всех, в силу своих способностей. Сегодня я веду вас в безопасное место, завтра, быть может, ты поведешь, это как сложится. Так что бери коробку и пошли, если не хочешь от кровососов всю ночь по подвалам прятаться.

– Да куда идти-то?

– За мной. Объяснять дольше, чем топать. Сам все увидишь. – Инок развернулся и пошел, не оглядываясь, забирая левее железнодорожной насыпи, которая еще просматривалась в нескольких километрах от деревни, несмотря на быстро сгущающиеся сумерки.

Гурон, не принимавший участия в разговоре, молча последовал за Иноком, и Штопору ничего не оставалось, кроме как выругаться, поднять коробку с тушенкой и двигать ногами.

Кордон выглядел странно. Вроде ничего радикально не изменилось за два с небольшим года – вон знакомый вагончик у дренажной трубы, вдалеке, в таком же дренаже, только расположенном под железнодорожной насыпью, искрит электра, в низине, тихо поскуливая, бродят псевдособаки… И все же что-то не так. Не видно лагеря бандитов, располагавшегося в развалинах бывшей агрофермы, темно там, ни огонька, ни голоса… Раньше идешь дорогой, так постоянно озираешься, братки там оборону держали крепко, периодически пощипывая сталкеров, несших хабар к Сидоровичу.

Штопор чувствовал, что снова начинает нервничать.

Тишина напрягала. Словно внезапно вынырнул из Зоны в какое-то другое, тоже аномальное пространство…

Под ногами что-то хрустнуло, он остановился, коснулся сенсора, активирующего встроенный в экипировку ПНВ, и невольно попятился.

Кости. Не человеческие – страшнее.

Череп контролера Штопор видел лишь однажды на базе ученых, у озера Янтарь, но запомнил на всю жизнь. Тут же в траве их белело три

штуки, все начисто обглоданные псевдособаками. Но погибли кошмарные творения Зоны отнюдь не от зубов мутантов – у каждого в массивной, нависающей над пустыми глазницами лобной кости красовалось по аккуратному пулевому отверстию.

Штопор невольно присел.

«Да разорви вас всех аномалия!.. – панически подумал он. – Видал я уже одного снайпера со съехавшей набекрень крышей, был такой на болоте неподалеку от военных складов. Там минное поле по краю трясины, да еще и радиация, просто так не подберешься, сколько крови тот безумец попортил…» Здесь же, глядя в огромные, пустые глазницы контролеров, Штопор вмиг представил стрелка, хладнокровно снявшего трех опаснейших исчадий Зоны, и внутренне содрогнулся. У парня либо вовсе нервов нет, либо он блаженный…

Обойдя от греха подальше жуткие черепа, он быстро нагнал Инока и Гурона, благо те не успели уйти далеко, остановились у подножия холма, густо поросшего кустарником.

На холме, где раньше шныряли кабаны да густо гнездились аномалии, может кто-то теперь и обитал, но обнаружить признаки стоянки или лагеря Штопор не сумел. Даже дымком от костра не тянуло, и сколько он ни вглядывался в густые заросли изуродованного мутациями дикого шиповника, не заметил ни отсвета костра, ни тени. Пусто, тихо, непонятно.

Наверх уводила единственная тропка, настолько узкая, что ее можно было и не заметить, проходя мимо.

– Оставайтесь тут. – Инок пошел по направлению к тропе, насвистывая себе под нос незамысловатый мотивчик сталкерской песни. Штопор не помнил ее слов, но мелодия была хорошо знакома любому обитателю Зоны, если он человек, конечно.

Прелюдия к безопасной ночевке более чем странная.

Гурон поставил ящик на землю, присел на корточки, положив снятый с предохранителя автомат на колени. Штопор сделал то же самое. Нечего маячить. Фигура Инока растворилась во мраке, но вокруг и без того было, на что посмотреть.

У подножия холма в траве темнело с десяток воронок, оставленных разрывами гранат, и Штопор из чистого любопытства переместился на пару шагов, заглянув в одну из них.

Лучше бы он сидел на месте.

В луже скопившейся на дне углубления стоячей воды виднелись тусклые россыпи гильз и валялся, скалясь в черное небо, полуразложившийся труп, в экипировке наемника. Ладно бы бандит, а то

наемник… По спине пробежал холодок. Надо же, кого теперь на Кордоне валят. Не мудрено, что лагерь боевиков стоит пустой, заброшенный. С этой высотки он для снайпера как на ладони. Впрочем, чего удивляться после останков контролеров, виденных неподалеку? Штопор чувствовал, что после двухлетнего перерыва ему придется заново привыкать к Зоне, проходить вторичную ломку, намного более страшную, чем та, что он пережил, отвыкая от сталкерских замашек.

В другие воронки он заглядывать не стал. И без того веко вдруг начало подергиваться, не хватало еще, чтоб кто-нибудь заметил.

Из темноты медленно выдавился силуэт Инока.

– Порядок, договорился, – скупо сообщил он. – Только предупреждаю: в гостях вести себя тихо.

– Веди уж, – буркнул Штопор. – Не маленькие, правила знаем.

* * *

Узкая тропа, проложенная через заросли колючего кустарника, трижды обогнула холм по спирали, прежде чем вывела трех сталкеров к вершине.

Только теперь стало понятно, почему лагерь невозможно обнаружить, находясь у подножия возвышенности. Верхняя часть холма была срезана да еще углублена почти на метр, так что по краю обширной площадки образовалось кольцевое укрепление, на внешней стороне которого как ни в чем не бывало густо разросся шиповник. Стрелковые ячейки, оборудованные по всем правилам военного искусства, врезались в склон через каждые два метра, так что обороняющиеся получали перекрывающие друг друга сектора обстрела, оставаясь при этом под маскирующим прикрытием кустарника.

Брать штурмом такую высотку без поддержки вертолетов и артиллерии – занятие гиблое, но по достоинству оценить линию круговой обороны Штопору и Гурону удалось чуть позже, когда прошел первый шок от визуального знакомства с хозяевами нетрадиционного для Зоны укрепления.

Подле очага, представлявшего собой обложенную плитняком яму, в которой бездымно рдели жаркие угли, сидели либо лежали, устроившись в расслабленных позах, полтора десятка калек.

И видавший всякое Гурон, и вечно чем-то недовольный Штопор попросту онемели, одновременно подумав об одном и том же: Зона никогда никого не отпускает. Убивает – так насмерть, а удачу дарит живым.

Конечно, ходили упорные слухи о Болотном Докторе – этого не

отнять, но тот врачевал раны, поддающиеся усилиям полевой хирургии, а вот покалеченных сталкеров в Зоне никто не встречал.

Гурона проняло не на шутку, дрожь пробила до самых костей, что-то сломалось в привычном, стереотипном восприятии смертельной опасности, подстерегающей на каждом шагу. Жуткая, оборотная сторона ежедневного риска вломилась в рассудок пульсирующей мыслью: не приведи меня господи, чтобы вот так… *не насмерть…*

Багряные отсветы от рдеющих углей бросали кровавые блики на суровые лица, как будто обожженные Зоной… лица тех, кто волей судьбы оказался сильнее смерти, но потом, догорая уже дотла, успел пожалеть, что выжил.

Десятое чувство подсказывало: тут нет слабых или малодушных. У кого-то не хватало руки, кому-то гранатой либо аномалией изувечило ногу, один из сталкеров, одетый в униформу Долга, и вовсе был слеп, но всех сидящих подле жаркого очага объединяло спокойное, уверенное выражение лиц, будто они, пережив страшную милость судьбы, упав на самое дно отчаянья, узнали нечто сокровенное, недоступное для обыденного понимания…

– Ну, что застыли? – Могучий сталкер с порыжевшими обвислыми усами, лишившийся в неведомой передряге обоих ног, неловко подвинулся, освобождая место. – Присаживайтесь к теплу. Инок за вас поручился, отдыхайте, никто не тронет.

– Илья, куда поставить? – спросил у него Инок, взглядом указав на ящик и коробку.

– А под навес пусть отнесут, – отозвался тот.

Гурон и Штопор оглянулись. На их лицах отразилось недоумение. Два приземистых строения, сооруженные из досок и прикрытые сверху непромокаемой тканью, служили приемлемым укрытием от непогоды, но разве они спасут от выброса?

– Ты понимаешь что-нибудь? – тихо спросил Гурон, пока они несли ящик и коробку к ближайшему навесу.

– Нет, – сипло признал Штопор, – других-то укрытий не видно. Как они живут?

– А вы там не перешептывайтесь, – внезапно произнес слепой долговец. – Хотите что спросить – спрашивайте. У меня слух такой, что за полверсты крадущегося кровососа услышу.

Штопор побледнел. Гурон, впрочем, выглядел не лучше.

Кое-как пристроив ящик и коробку, они вернулись к очагу, где Инок, присев на корточки, раздавал пачки с патронами. Никто не отказывался.

Напоследок Инок достал два снаряженных магазина для «СВД» и негромко позвал:

– Адепт!

Из сумрака, сгущающегося в районе стрелковых ячеек, послышалась возня, затем в круг неяркого света ступил… монолитовец!

Руки и ноги у него были на месте, но выражение лица казалось мертвым, лишенным эмоций, словно оболочкой плоти двигала неведомая сила, в то время как рассудок бывшего члена группировки «Монолит» находился где-то далеко, погруженный в мир неведомых простому смертному грез.

«Вот он, блаженный снайпер, уложивший контролеров…» – подумал Штопор, присаживаясь, как выразился Илья, к теплу.

– Расслабься, – посоветовал ему один из сталкеров, протягивая левую руку. – Артур.

– Штопор.

– Гурон.

– Ну, вот и славно. У нас спокойно переночуете. Знаю, сидеть ночью лицом к огню, спиной к Зоне – смерть свою кликать, но тут… все не так. Прикрыты наши спины надежно. Ни одна тварь не подберется.

– Это как? – искренне удивился Гурон, не заметивший среди экипировки сидящих подле очага ни одного ПДА.

– А нам теперь побрякушки разные ни к чему, – перехватив его взгляд, ответил Артур. – Мы сами – аномальное явление. Зона нас искалечила, да не добила, теперь вот тварей разных шлет, да без толку.

– А выбросы? – не удержавшись, спросил Штопор.

На минуту воцарилось молчание, потом Илья негромко произнес:

– С ума сходят те, кого страх изнутри гложет. Зона – она чувствует… А нам чего страшиться? Хлебнули до краев, и ужаса, и равнодушия человеческого, и боли невыносимой. Те сталкеры, которые когда-то артефакты искали, друзей за хабар убивали да выбросам кланялись – сгинули. Это я про нас. Нет больше таких. Да и на родине уже могилки давно насыпали, фамилии да дату смерти нацарапали. Умерли мы. Только имена вот остались.

– Выбросы стороной холм обходят, – видя недоверие на лицах Гурона и Штопора, произнес Инок. – Сам был свидетелем.

– Неужели совсем не страшно?

– Мы о другом думаем, – ответил Илья. – О друзьях, что где-то в Зоне выброс пережидают. О тех, кого помним. Поначалу мы тоже прятались. Потом как-то не успели. Внезапно все произошло. Собрались в круг у

костра, сидели, помнится, молча, не проклинали судьбу, как прежде, а вспоминали в последний раз тех, кто был милосерден к нам.

– И что? – затаив дыхание, спросил Гурон.

– Мимо пронесло. Рядом с холмом аномалии бесновались, ветер едва деревья не валил, а тут – ни ветринки. Так и минул выброс. С тех пор не прячемся. Только знает теперь о нас Зона. Зверье напускает, людишек продажных.

– Снайпер у вас жутковатый, – поежился Гурон.

– Да он вообще-то безобидный. Себя не помнит. Но стрелок действительно классный.

– А из Зоны почему не ушли? Чем живете-то без хабара? – спросил примолкший было Штопор.

– Куда же нам податься? – пожал плечами Илья. – Кто нас, калек, дома ждет? Да и как без Зоны? Там, за кордоном, разве жизнь? Где за лицом души не видать? А хабар нам ни к чему. Загляни под навес, там всего хватает. Молодые сталкеры, кто поумнее, сюда к нам приходят. Мы их учим, как в Зоне выжить, простые примеры приводим, те, кто слушает, потом возвращаются… живыми, ну и несут от Сидоровича – кто патронов, кто консервов… В общем, не бедствуем.

– А Инок? – ляпнул Гурон, заметив, что тот отошел к дальней стрелковой ячейке, понес кому-то последнюю пачку патронов.

– Что Инок? – хитро прищурился Илья.

– Ну, он тоже у вас здесь учился?

– А ты у него сам спроси. Захочет – ответит.

Через некоторое время начал накрапывать дождь.

Сменились часовые в стрелковых ячейках, к очагу подсел жутковатого вида монолитовец – человек без прошлого, без настоящего, забывший себя Адепт странной веры в неколебимое могущество Монолита, в то, что мифический черный параллелепипед действительно исполняет любое желание верящих в него сталкеров.

И Гурон, и Штопор почувствовали себя неуютно.

– Спать пора. – Гурон не выдержал первым. – Завтра чуть свет в дорогу.

– И то дело, – поддержал его Штопор. – Инок, ты где?

– Укладывайтесь. Я сейчас, – раздался из темноты голос сталкера.

– Ну, смотри. Утром носом клевать будешь.

– Да сказал же – иду.

Дождь усилился. Штопор с Гуроном забрались под навес, Инок же

остался с Ильей, которому выпала очередь дежурить.

– Спокойно у вас.

– Ну, это кому как, – усмехнулся Илья. – Вон товарищам твоим, видно, не по себе.

– Спрашивали обо мне?

– А как же. Только мы чужие тайны умеем хранить. Тяжело тебе?

– По-разному, – ответил Инок. – Но Зона ведь не отпустит, сам знаешь.

– Осторожнее с этим Штопором, – внезапно предупредил Илья. – Мутный он. Не хочу, чтобы тебя снова с тремя пулями к нам принесли.

Инок лишь усмехнулся в ответ. Его короткие, выстриженные ежиком, высветленные аномальными осадками волосы влажно блеснули в сумраке.

– За предупреждение спасибо. Как вернемся из рейда, обязательно к вам загляну. Вот, – он вытащил из герметичного клапана разгрузки, надетой поверх кевларового бронежилета, флешку. – Сидорович просил передать. Там последняя информация по событиям в Зоне. Ты смотри, а я спать пойду. Действительно вставать рано, да и путь неблизкий.

– Куда хоть собрались?

– В Припять.

* * *

Утро выдалось хмурым и стылым. Над землей стелился туман, в молочной пелене тонули контуры покосившихся строений, лишь железнодорожный мост как будто висел над дорогой, соединяя высокие насыпи.

– Блокпост все еще на прежнем месте? – Штопор, не выспавшийся и злой, выглядел бодро, акклиматизация, похоже, завершилась, ветеран окончательно втянулся в обстановку, шагая наравне с Гуроном и Иноком.

– Был на месте, – ответил Инок. – Сейчас ближе подойдем, узнаем.

Там, где под железнодорожным мостом проходила автомобильная дорога, в теснине высилось нагромождение ржавой техники, валялись несколько бетонных труб незавершенной дренажной системы, среди кажущегося хаоса удобно и неприметно расположился навес, прикрытый маскировочной сетью.

В утренней тишине внезапно ударило несколько автоматных очередей, в ответ раздались одиночные пистолетные выстрелы.

Инок поднял руку, останавливая движение группы.

Молочно-белый туман скрывал позиции блокпоста, лишь встроенная в бронекостюмы система тепловидения давала некоторое представление о

происходящем.

Сталкер-одиночка затаился под крышей полуразрушенной фермы, метрах в ста от железнодорожной насыпи. Двое военных медленно подбирались к нему, перебегая от дерева к дереву, вдоль дороги.

– Самоубийца он, что ли? – проворчал Штопор.

– Нет. – В глазах Инока промелькнули задорные искорки. – Автомат ему нужен. С пистолетом на блокпост не полезешь, вот и выманивает вояк на себя.

– Валим их? – озаботился Гурон.

– Нет. Сам справится. Штопор, давай на насыпь, бегом! Отсканируй блокпост, пока туман не рассеялся и тепловизоры нормально работают. Мы прикроем. Если военных больше нет, дашь знать, проскочим на ту сторону.

Штопор без возражений выполнил приказ. Едва его сгорбившаяся фигура исчезла в тающей молочной пелене, как у заброшенной фермы начался новый акт затеянного неизвестным сталкером представления.

Двое военных уже подобрались почти вплотную к зданию. Серьезная ошибка с их стороны, мысленно отметил Гурон, с интересом наблюдая за развитием событий. Засевший на чердаке сталкер сумел настолько разозлить вояк, что выманил их на дистанцию эффективного пистолетного выстрела, оставаясь вне досягаемости автоматных очередей, что наглядно и продемонстрировал, на пару секунд показавшись у чердачного окна. Три ударивших подряд выстрела свалили офицера. Ни одна пуля даже не задела бронежилета, все три попадания пришлись в ноги. Сталкер действовал хладнокровно и расчетливо, но ощущался в стремительном развитии ситуации какой-то запредельный, губительный азарт.

Второй военный отпрянул за ствол дерева и шарахнул по чердаку длинной очередью.

– Не трать мои патроны, сука! – раздался оттуда хриплый голос.

– Это почему они твои? – взъярился военный, вновь щедро прошив крышу покосившегося здания автоматным огнем. Вниз полетели куски расколотого шифера, и в воздухе повисли облачка мелкой трухи от простреленных навылет, порядком истлевших деревянных балок.

– Пулю в лоб схлопочешь – будут мои! – раздался ответ сталкера.

Гурон усмехнулся.

– Далеко пойдет мужик.

– Угу… – согласился Инок. – Если Зона его не остановит.

Сухо щелкнул включившийся коммуникатор шлема.

– Чисто, – доложил Штопор.

– Гурон, вперед.

Фигура напарника исчезла в тумане, а через минуту пришел его доклад:

– На позиции. Прикрываю.

Инок побежал в направлении блокпоста. Хотя бег в бронекостюме трудно назвать бегом, скорее это напоминает размашистый быстрый шаг – неизбежная плата за дополнительную защиту.

Сзади грохнуло еще несколько пистолетных выстрелов.

Автоматы молчали. Инок мысленно понадеялся, что сталкер не станет добивать незадачливых вояк – заберет оружие и оставит им хотя бы одну аптечку на двоих.

Глупая, неуместная жалость?

Нет. Инок достаточно повидал жестокости, сам хладнокровно убивал, когда того требовала ситуация. Но в данном случае он поступил бы именно так – оставил им аптечку, забрал оружие, боеприпасы и ушел бы своей дорогой.

Зона – она чувствует каждого. И не приветствует бессмысленных убийств.

* * *

За железнодорожной насыпью сельский, почти пасторальный пейзаж Кордона стал понемногу видоизменяться, как бы предупреждая сталкеров о приближении к границам Свалки – территории, куда после первой Чернобыльской катастрофы вывозили зараженную радиацией технику, сбрасывали сотни тысяч тонн различного радиоактивного хлама.

Ржавая растительность раскинулась редколесьем по пологому склону холма. Воздух меж изуродованных, перекрученных стволов приземистых деревьев местами искажался, выдавая наличие аномалий.

Побитый кислотными дождями, порядком поржавевший гусеничный трактор косо застыл на середине склона. Зачем он пытался вскарабкаться на холм перед тем, как остановиться навеки, уже не узнаешь – скелет водителя так и остался в кабине, привалившись лбом к треснутому в мелкую паутину стеклу.

Низкие, косматые тучи клубились над головой, время от времени роняя хмурую морось дождя. От болотца по ложбине тянулось марево испарений, а ветер, хоть и не сильный, пробирал до костей.

Ветер Зоны… Он ощутим всегда. Поначалу на него не обращаешь внимания, затем, если выжил в первые дни пребывания тут, он становится вечным спутником, постоянным напоминанием – то бросит в лицо шуршащий ворох пожелтевших листьев, то закрутится в опасной близости

мгновенным смерчем, то просто вяло дует в лицо, как от него ни отворачивайся. Вот и сейчас пахнул чем-то терпким, до боли знакомым и одновременно настораживающим – словно принес, бросил запах и, забавляясь, унесся прочь, поднимая по ходу паутину ржавых волос, опутавшую высохшие на корню деревья.

– Свалкой пахнет. – Гурон натянул дыхательную маску, Штопор и Инок молча последовали его примеру.

Корявый лес, полный очагов аномальной активности, они обошли стороной.

Сразу за поворотом дороги открылась панорама высоких, уже оплывших от времени гор мусора, из которых словно изломанные руки торчали бетонные балки, куски арматуры, треснувшие чугунные трубы. Окрестности достаточно сильно фонили, заставляя встроенные в экипировку дозиметры нервно попискивать.

– Звук убрать, – приказал Инок.

Писк тут же смолк.

– Тишина необычная. – Он посмотрел по сторонам и добавил: – Мертвая.

Действительно, звуков на Свалке всегда хватало с избытком. Многие новички справедливо побаивались этого места. Здесь постоянно вспыхивали спонтанные стычки между боевиками бандитских группировок и сталкерами-одиночками, стрельба за редкими исключениями не прекращалась ни днем, ни ночью. Фактически данный регион Зоны Отчуждения не контролировал никто, хотя на севере, перед границей Диких Территорий, существовал стационарный блокпост группировки «Долг». Двигаясь на запад, отсюда можно было попасть в Темную Долину, где прочно обосновались крупные банды, на восток уходила дорога, ведущая к заброшенному комплексу НИИ «Агропром». Таким образом, Свалка являлась своеобразным перевалочным пунктом, развязкой направлений, здесь постоянно кто-то находился, порой десятки сталкеров одновременно направлялись по своим делам, кто-то оставался тут, занимаясь сбором артефактов среди радиоактивных отвалов огромного технокладбища, кто-то следовал транзитом в иные области Зоны, мутанты, как и боевики бандгрупп не оставляли без внимания ни первых, ни вторых, стремясь урвать себе кусок добычи.

Инок некоторое время прислушивался.

Ни одного выстрела, лишь ветер воет в обрывках проводов. Несмотря на пасмурное небо, над скелетами полуразрушенных промышленных зданий повисло похожее на смог марево – это в недрах исполинских

отвалов шли медленные, непрерывные процессы химических реакций, выделяющие не только тепло, но и различные побочные продукты, в большинстве газообразные и токсичные.

– Ну что? – Штопор вел себя достаточно сдержанно, однако необычная тишина угнетала, вызывая ощущение притаившейся где-то рядом смертельной опасности. Все трое давно сняли оружие с предохранителей, сдвинув переводчики огня в положение «автомат». – Как пойдем?

– А что, есть варианты? – вопросом на вопрос ответил Инок, продолжая следить за окрестностями.

– Давай, Штопор, колись. – Гурон поежился. – А то не нравится мне эта тишина.

– За плиты, – отдал скупой приказ Инок. – Там поговорим.

Они, прикрывая друг друга, контролируя взглядом все направления, перебежали под прикрытие сложенных стопками бетонных плит. Здесь, в узких коридорах меж штабелированными стройматериалами, было легко отбиваться от любого противника.

– Ну, так что, Штопор? – Инок занял позицию, контролируя левый проход, Гурон блокировал узкую расселину справа, ветерану достался тыл.

– Тропа, ведущая к Припяти, начинается тут, – глухо проинформировал ветеран.

– Где именно? Что представляет собой? Насколько по ней опасно идти? – Инока раздражало, что приходиться задавать наводящие вопросы. – Штопор, ты не темни, наши жизни теперь одной веревочкой связаны.

– Да я не темню! Тропа начинается неподалеку от блокпоста «Долга».

– И как же она обходит сразу четыре сектора? – Инок имел в виду Дикие Территории, непосредственно базу группировки «Долг», военные склады и пресловутый Радар. Мысленно представив карту Зоны, он не нашел приемлемого окольного пути.

– Тропа на самом деле – тоннель. Он проходит под свалкой и ведет в Припять, – пояснил Штопор.

– Ведет в Припять? Может, ты что-то путаешь? Наверное, тоннель соединяет город с каким-то удаленным объектом? – задал вполне резонный вопрос Гурон.

– Не знаю. Там тупик, обвал. Вход в подземелье случайно обнаружил Брокер. Шел на базу Долга, недалеко от блокпоста на него налетела свора псевдособак. Он отбивался, потом патроны к автомату закончились – побежал. Вломился в радиоактивную зону, а там земля просевшая, поплыла у него под ногами, он и провалился в оползень. Упал с семиметровой

высоты, чуть руку не сломал. Это он позже рассказывал. А тогда двое суток под землей просидел, пока не нашел способ выбраться.

– Тоннель, значит? А что там внизу?

– Да толком не понять. Железнодорожное полотно проложено, как будто метро строили. Тоннель полукруглый в сечении, по стенам кабели протянуты, много боковых ответвлений, большинство мы не исследовали, не до них было. Там аномалий полно, бюреры, снорки, дважды нас атаковали кровососы, один раз под ментальный удар контролера попали.

– А завалы? Много на пути препятствий? – потребовал уточнений Инок.

– Хватает, – признался Штопор. – Кое-где приходилось под самый свод по горам щебня взбираться, узкие лазы расчищать. Там железнодорожные платформы еще в тупиковых ответвлениях стоят, странные такие. Вокруг непонятные детали разбросаны, будто негабаритные контейнеры демонтировали. Еще в тупиках попадались скелеты в истлевшей военной форме советского образца. А один раз на зомби нарвались, едва патронов хватило отбиться.

– А выходы на поверхность есть?

– Нашли мы пару огромных вертикальных шахт. Правда, до них по боковым ответвлениям прилично нужно пройти. Там тоже все демонтировано, даже, что странно, скоб для подъема нет. Мы самодельным арбалетом пользовались, чтобы «кошку» выстреливать.

– И как?

– Незнакомые места. Глухие. Радиация зашкаливает, куда двигаться – непонятно.

– Сам тоннелем бы пошел?

– Нет. Только в крайнем случае. Туда бы огнемет с собой взять.

– Обойдемся. – Инок что-то мысленно прикинул, затем огласил свое решение: – Пойдем по земле. Штопор прав, тоннелем всегда воспользоваться успеем. После последнего выброса он, может, и непроходим вовсе. А нам нужно Выжигатель проверить да посмотреть, что на базах Долга и Свободы происходит. Так что поворачиваем к блокпосту.

Штопор вдруг с облегчением выдохнул. Похоже, что от одной мысли о подземелье, ведущем к Припяти, ему становилось тошно.

* * *

Свалка действительно выглядела вымершей. Обычно путь до блокпоста занимал часа два, но ввиду особых обстоятельств продвигались очень осторожно. Гурон постоянно следил за показаниями детектора

аномалий, Инок и Штопор внимательно смотрели по сторонам. Над горами мусора сгущался смог, казалось, что насыщенные влагой облака льнут к земле, едва ли не цепляя макушки высохших деревьев.

Если верить часам, едва минул полдень, но вокруг царили серые сумерки, периодически срывался дождь, ухудшая и без того скверную видимость. Штопор попытался включить тепловизор, но из-за повышенного радиационного фона картинка на проекционном забрале боевого шлема получилась смазанной и нечеткой, покрытой точечными помехами.

– Впереди аномалии, – предупредил Гурон. Из-за надетой дыхательной маски его голос звучал глухо, словно шел из-под земли. – Справа три метра от обочины – карусель, слева два метра – группа из трех жарок.

«Зона изменилась», – мысленно отметил Инок, знаком указав Штопору: двигаемся колонной вслед за Гуроном. Раньше жарки встречались только в подземельях да ближе к центру, на Диких Территориях. Теперь вот появились тут.

Они миновали опасный участок и остановились на короткий привал. Все же ходьба в бронекостюмах отнимала много сил, к ним еще надо было приспособиться, чтобы не стать медлительной мишенью при первом же боестолкновении.

– Что-то я бандитов не вижу. – В голосе Гурона отчетливо звучало напряжение. – Не поверю, что они вслед за сталкерами к Саркофагу ломанулись.

Штопор промолчал.

Инок, восстанавливая дыхание, не забывал смотреть по сторонам. Справа возвышалось серое здание какого-то заброшенного цеха. В мыслях промелькнула мгновенная аналогия. В свете информации, полученной от Штопора, ассоциативное мышление вытолкнуло иную картинку: если двигаться на восток к заброшенному, постепенно ветшающему комплексу зданий НИИ «Агропром», то, не доходя до условной границы Свалки, обязательно увидишь такой же обветшалый цех вагонного депо, за ним, если не изменяла память, находится небольшая сортировочная развязка железнодорожных путей… упирающаяся в странный тоннель, перекрытый обвалом и множеством аномалий на входе.

Вот, значит, как? А он-то все гадал, за какой надобностью тут депо выстроили. От него только в тоннель пути ведут.

– Штопор, напряги память. Помнишь промышленное здание на востоке?

– Помню. Цех какой-то. Там обычно сталкеры собираются.

– Это вагонное депо. За ним железнодорожные пути, ведущие в тоннель. Попробуй мысленно продолжить направление. Совпадает оно с твоей подземной тропой?

Ветеран на минуту задумался, затем отрицательно покачал головой.

– Нет. Но тоннель, по которому мы шли к Припяти, не прямой. У него есть несколько плавных поворотов.

– Значит, такой же поворот может располагаться между точкой входа группы Брокера и этим зданием?

– Может. Расстояние позволяет, – согласился Штопор.

– Интересная картина получается. – Инок рассуждал вслух. – Вагоноремонтное депо в чистом поле. Рядом холм, в нем начинается тоннель. Если он действительно ведет к Припяти, то назначение подземных коммуникаций становится понятным.

– И что же там было, по-твоему? – спросил Гурон.

– Подземный ракетный комплекс. Стратегическая точка. Вспомни вертикальные шахты. Если под землей ходили спецпоезда, то логично предположить, что на подвижных платформах располагались пусковые установки. А вертикальные шахты в ответвлениях служили для запуска баллистических ракет.

– Может быть… – подумав, согласился Гурон. – Только нам от этого какая польза?

– Никакой. Просто размышляю. Вокруг Чернобыля много странного. Города-призраки, множество подземелий, построенных по принципу охраняемых бункерных зон, опять-таки неподалеку военные склады, Радар, который когда-то функционировал. Здесь под землей можно при желании целую армию спрятать.

– Думаю, все же Зона не зря возникла именно тут, – неожиданно произнес Штопор.

– Очень интересно. И какова твоя версия?

– Лабораторий тут много разных. И тоже в подземельях. Говорят, места совершенно гиблые.

– Считаешь, Зону сами люди создали? Какой-то неудачный эксперимент военных исследователей?

– Ну, возможно… – Штопору внезапно расхотелось поддерживать разговор.

– Что-то ты не договариваешь, – покосился на него Инок.

– А что мне договаривать? – ловко ушел от ответа ветеран. – Слухи ходят разные. Вот только не поймешь, брехня или правда?

– А когда ты в группе Брокера к Припяти шел, что-нибудь похожее на секретные научные комплексы вам встречалось?

– Мы от основного тоннеля не отклонялись. Пару раз вынужденно искали обходные пути, но я уже говорил – подземные ветки оканчиваются вертикальными шахтами.

– А в Припяти? – продолжал настаивать Инок.

– В городе все подвалы домов между собой связаны. Там под землей еще один город. Только мы по нему особо не шатались. Зомби, мутанты, аномалии. контролеров полно.

– И артефактов? – с усмешкой уточнил Гурон.

– Да. Артефактов там хватает. Только платить за них пришлось слишком дорого.

– Интересно было бы взглянуть, – произнес Инок. – Для общего развития.

* * *

Их разговор был прерван внезапным сигналом ПДА Гурона. Его детектор аномалий, соединенный с аналогичным устройством модифицированного армейского бронекостюма, работал в режиме обнаружения любых посторонних сигналов, будь то эманации аномальных энергий, выдающие местоположение созданных Зоной ловушек, или же излучение других ПДА, автоматически ищущих доступные для соединения в локальную сеть приборы.

– Метрах в двухстах от нас, трое неизвестных.

– К остановке! – скомандовал Инок.

На противоположной стороне асфальтированной дороги действительно находилась полуразрушенная автобусная остановка. По количеству выщерблин в стенах и нескольким пробитым на высоте человеческого роста дырам, из которых торчали куски ржавой арматуры, становилось понятно, что неказистая железобетонная коробка частенько служила укрытием при внезапных стычках между сталкерами и бандитами.

Заняв позиции, они затаились, наблюдая.

Гурон предусмотрительно заблокировал передающие устройства ПДА, чтобы те не демаскировали засаду. Режим так называемого «пассивного приема» являлся новой опцией, добавленной к обычным функциям универсального детектора, но сталкеры успели по достоинству оценить нововведение: они продолжали принимать сигналы от ПДА потенциальных противников, оставаясь при этом незамеченными.

Вскоре из кислотного сумрака Свалки медленно проявились три

фигуры.

Боевики шли довольно беспечно. Сразу видно, в Зоне недавно. Один вооружен помповым ружьем, ствол которого небрежно и театрально покоился на плече. Палец молодого отморозка поигрывал собачкой спускового крючка. Из такого положения он мог разве что случайно застрелить идущего сзади.

Двое других, вооруженные «АКСУ», выглядели поопытнее, они, по крайней мере, оглядывались по сторонам и смотрели под ноги.

– Валим? – едва шевельнув губами, спросил Гурон.

Инок отрицательно покачал головой, жестом указывая: следим и слушаем.

Вновь начал накрапывать мелкий дождь, ветер усилился, неподалеку хлопнула разрядившаяся аномалия, раздался короткий, оборвавшийся на полуноте визг, и метрах в десяти над землей, разбрызгивая алое марево мельчайших брызг крови, закрутило труп псевдособаки.

Трое бандитов остановились, тот, что помоложе, испуганно присел.

– Шиза, ты не мандражируй, – долетел до слуха сталкеров насмешливый голос. – Это карусель забавляется. Будешь щелкать хлебалом – тебя тоже, как Белку со Стрелкой, в космос запустит!.. – Раздался гогот.

Молодой несколько раз обернулся. Его движения были дерганными, нервозными, ствол помпы едва не ткнул в живот одному из боевиков.

– Шиза, волыну отверни! И не мельтеши, понял?

– А кто такие Белка и Стрелка? Бабы, что ли? Я уже месяц как баб не видел… А живые они? Или в аномалию угодили? Слышь, Толковый, а еще бабы в Зоне есть?

В ответ раздался сиплый хохот.

– Вот молодежь пошла! Ты в школе-то учился, Шиза? Или два класса и коридор?

– А что такого? Я по малолетке…

– Заткнись и запомни: баб в Зоне нет. И думать забудь. А Белка со Стрелкой – это собачки. Их в космос запускали. Ну, типа проверить, выживут или нет. После них Гагарин полетел, – со знанием дела пояснил Толковый.

– А космос – это что? – не врубился Шиза.

– Тьфу. Неуч. Вот в Долину вернемся, я тебе книжку умную дам. Там все написано.

– На кой мне твоя книжка? – окрысился Шиза. – Косяк я себе и из газеты сверну.

– Все, пасть закрой. Задолбало тебя слушать. Пошли.

– Куда идем-то?

– К блокпосту. Там где долговцы раньше сидели. Братки уже заждались. Сейчас такую веселуху начнем… – Голоса постепенно удалялись. – Базу «Долга» зачищать будем…

Три силуэта скрылись в сгущающемся мареве. Инок опустил «АКМ».

– Слышали?

Гурон кивнул. Штопор озадачено потер переносицу.

– Что происходит на самом-то деле? – Он недоуменно посмотрел на Инока.

– Беспредельщики совсем берега потеряли! – Гурон был зол не на шутку. – Базу «Долга» штурмовать? Они обкурились своей дряни и теперь в глюках бродят?

– Если бы… – Инок отнесся к только что полученной информации со всей серьезностью. Не нравились ему произошедшие вдруг радикальные перемены. Если боевики массово выдвинулись из Темной Долины, значит, чувствуют свою безнаказанность. – Воспринимай все дословно, Гурон. Они сказали не «штурмовать», а «зачищать». Улавливаешь разницу?

– Да сути-то оно не меняет. Оборзели совсем.

– Успокойся. Мозги включи, эмоции выключи. Бандиты штурмовать базу «Долга» никогда не полезли бы. Ни обкуренные, ни обколотые. Они ее собрались *зачищать,*– вновь сделал акцент Инок. – Выходит, что большинство долговцев покинуло базу. Помнишь, что Сидорович говорил? Они к центру Зоны подались, наверняка со «Свободой» и «Монолитом» схлестнулись. Тут логика простая. У «Долга» главная идея – уничтожение Зоны. Они к центру прорываются, чтобы Исполнитель Желаний с лица земли стереть. Не зря ведь говорят, что он генерирует аномальное поле.

– А бандиты решили оставшихся на базе сталкеров перебить. – Замечание Штопора вернуло разговор от глобальных проблем к текущим. – Они как шакалы легкую добычу за версту чуют.

– Ну, тут с какой стороны посмотреть, – возразил Гурон. – База «Долга» хорошо укреплена. Обойти ее сложно, вокруг Дикие Территории, мутантов полно, радиация. Что решаем, Инок?

– Скрытно выдвигаемся к блокпосту. Видимо, долговцы его оставили без охраны. Попробуем обойти боевиков, попытаемся предупредить «Долг» о готовящемся нападении. Нам все одно в ту сторону идти.

– А если не успеем?

– По обстановке сориентируемся. Гурон, переключи свой ПДА. Может, сеть заработала?

– Сейчас.

Сталкер некоторое время колдовал над прибором, затем вдруг широко улыбнулся. Видеть на лице Гурона похожую на оскал улыбку Иноку приходилось не часто.

– Есть коннект… Ба, да мне Юрка-Винторез отвечает!

– Громкую связь включи!

Секундой позже все услышали искаженный помехами голос:

– Винторез на связи. Кто вызывает?

– Юрка, это Гурон. Мы с Иноком сейчас на Свалке. У вашего брошенного блокпоста накапливаются боевики из Темной Долины.

– Что им надо? – Голос Винтореза прозвучал встревожено.

– Базу собираются зачистить.

– Не понял! Какую базу?

– Да вашу базу! «Долга»!

На несколько секунд наступила тишина.

– Гурон, ты, это… ничего не напутал?

– Ты не врубаешься, да? – Гурон разозлился. – Убивать вас идут. Сам прикинь. Сколько бойцов осталось на охране?

– Да нас тут человек десять всего, включая Бармена!

– Короче, Винторез, – вступил в диалог Инок. – Мы к блокпосту на границе Свалки выдвигаемся. Попробуем посчитать братков. А вы им встречу готовьте. Только по уму, сразу не огрызайтесь. Пусть хотя бы ко рву подойдут. Там мутантов немерено. Базу обойти они не смогут, будут прорываться по дороге. Мы их сзади в три ствола прижмем, только и вы не зевайте, иначе на нас развернутся.

– Инок, это ты, бродяга?

– Я, кто же еще? Мысль мою уловил?

– Да, понял все. Спасибо, что предупредили. «Долг» такое не забывает. Поможете отбиться, за нами не заржавеет.

– Поможем. Все, Винторез, до связи. – Инок кивнул Гурону, чтобы тот выключил ПДА, пока бандиты не засекли канал передачи данных. – Все. Погнали.

– Слушай, Инок, а оно нам надо? – попытался подать голос ветеран.

– Штопор, язык прикуси. Еще не понял, что все изменилось? Теперь в Зоне в одиночку не побегаешь, как раньше. Сегодня мы сталкерам поможем, завтра нам кто-нибудь спину прикроет. Привыкай.

* * *

Блокпост, где обычно дежурили бойцы группировки «Долг», фильтруя поток сталкеров, желающих пройти к бару «Сто рентген», и раньше-то

никогда не выглядел безлюдным, а сейчас огороженное невысокими фундаментными блоками пространство походило на потревоженный муравейник.

В бочках горел огонь. Возле вагончика, служившего укрытием от непогоды, стоял уже знакомый грузовик с выщербленными бортами и два джипа, на которых катались бригадиры Борова.

Сам он, похоже, остался в Темной Долине. Не барское это дело – кровь проливать.

У огня толпился народ. Разномастные, одетые и экипированные как попало боевики представляли наглядный срез местного дна. Зона, как любое населенное пространство, фактически являлась социумом, со всеми вытекающими из данного определения последствиями.

Сейчас трое сталкеров, заняв позицию на небольшой высотке, имели возможность наблюдать за пестрым вооруженным сбродом, считающим себя весомой силой.

Кроме явных преступников, скрывающихся в Зоне Отчуждения от преследования властей разных стран, среди бандитов нередко встречались опустившиеся сталкеры, нарушившие уже местные, неписанные законы, и даже бывшие военные из числа дезертиров. Пестрое скопище мало походило на организованную силу. Однако, по самым приблизительным подсчетам, на границе Свалки сейчас скопилось не менее сотни боевиков – практически весь личный состав подчиненных Борову бригад. Даже не имея высоких профессиональных навыков ведения боя, такое количество нападающих без сомнения справилось бы с десятком застигнутых врасплох долговцев.

Но, как гласит древняя мудрость, предупрежден – значит вооружен. После поступившей информации десять бойцов «Долга» превращались из потенциальных жертв в серьезную силу, учитывая, что у них сейчас было время на подготовку позиций.

– Ну? – Штопор, как обычно, не выдержал первым.

– Ждем. – Инок был непреклонен.

– Чего?

– Ждем их действий.

– А обойти блокпост и соединиться с долговцами как – не судьба?

– Штопор, тебя бандиты не достали? Если не сейчас, то хотя бы в прошлом?

– А какая разница?

– Большая. Они обнаглели, факт, но нам это на руку. Вытащить их из Темной Долины таким скопом еще никому не удавалось. Винторез –

сталкер толковый, оборону, по крайней мере, организовать сумеет. А толку? Бандиты как только по зубам получат, серьезное сопротивление почувствуют, так тут же назад побегут. И снова по своим норам попрячутся. Опять будут исподтишка пакостить, сталкеров убивать.

– Инок, ты что задумал? – всерьез встревожился Штопор. – Только не говори, что мы втроем их удержим!

– Бегущая толпа – неплохая мишень, – оскалился Гурон.

– Пока толпа – согласен. А как залягут? Ты ведь головы не поднимешь. У них патронов хватает, в башке сквозняк, обкуренные все. Ты наркомана хоть раз убивал?

Гурон пожал плечами.

– А мне приходилось, – никак не успокаивался Штопор. – В него пулю за пулей вгоняешь, а он идет. И еще улыбается. – Ветерана передернуло. – Почище снорка будет, – добавил он.

– В башку. Разрывными, – мрачно откликнулся Инок.

Завершить начатый спор им не удалось. Из вагончика вышло пятеро бригадиров.

– Ну, все. Начинается. – Гурон опустил прозрачное бронированное забрало боевого шлема, и, включив коммуникатор, добавил, подводя жирную черту: – Сейчас потанцуем…

Глава 3 Долг

Передвигаясь короткими перебежками, сталкеры миновали границу Свалки, обозначенную на западном направлении высоким покосившимся металлическими забором с раздвижными воротами.

Бандиты, вопреки здравому смыслу, не выставили тылового охранения. Два уже знакомых по событиям на рубеже бронированных джипа и армейский грузовик медленно позли по старой асфальтированной дороге, поднимаясь на небольшой взгорок, откуда открывался вид на передовые укрепления основной базы группировки «Долг».

Положение складывалось скверное. В кузове «Урала» и на внедорожниках были установлены крупнокалиберные пулеметы, защищенные с фронта грубо сваренными приспособлениями из металлических листов. Стрелки на джипах использовали штатные люки в крышах, высунувшись в них по пояс.

Инок сделал предупреждающий знак, останавливая продвижение группы, однако, вопреки ожиданию, машины не заняли позицию для обстрела, а медленно покатили дальше.

Поднявшись на возвышенность, сталкеры наконец увидели, что же происходит на подступах к островку промышленных зданий, превращенных группировкой «Долг» в укрепленный район.

Боевики даже не думали останавливаться либо маневрировать. Нестройная толпа вооруженных людей устремилась к узкому проходу через ров, по краю которого тянулись заграждения из колючей проволоки, установленные для защиты от мутантов.

Первыми все же не выдержали защитники базы. Как только авангард атакующих пересек узкие, шаткие мостки, со стороны зданий по ним ударило пять или шесть автоматов.

Несколько боевиков упали в ров, остальные, еще находившиеся по другую сторону проволочных заграждений, тут же залегли, открыв беспорядочный ответный огонь. Вторя им, с грузовика и джипов прицельно ударили крупнокалиберные пулеметы – по стенам зданий, перечеркивая оконные проемы, вышибая рамы, вспарывая бетон и ломая кирпич, побежали строчки разрывов, а через несколько секунд бандиты, проделав проходы в проволочных заграждениях, вновь поднялись в атаку, преодолевая ров. Они карабкались по скользким глинистым склонам, стреляя на ходу, что-то яростно крича, отгоняя собственный страх

ураганным огнем из всех стволов.

Сзади, прикрывая бесноватую атаку непрерывным пулеметным огнем, медленно катили два джипа и грузовик.

Юрка-Винторез мрачно наблюдал, как через ров неумолимо перекатывается волна ринувшихся на штурм боевиков. Снайперка «ВСС» в его огромных мускулистых ручищах казалась игрушкой.

«Сейчас бы „РПГ“, – с обреченной злобой подумал он. Но основная база «Долга», из-за излишней самонадеянности командиров осталась без надлежащей защиты, и, похоже, бандиты отлично понимали выигрышность сложившейся ситуации. Тяжелых вооружений у людей Винтореза попросту не было – по приказу Воронина все силы и средства группировки еще два дня назад бросили в Припять, стремясь во что бы то ни стало прорваться к центру Зоны.

Злость закипала в крови. Резко появившись в оконном проеме, он вскинул «ВСС», вбив три одиночных выстрела в лобовое стекло ближайшего внедорожника, но оно даже не треснуло, зато в ответ ударил установленный на специальном станке крупнокалиберный пулемет – Юрка едва успел отпрянуть, как его позицию щедро осыпали оспины попаданий. Крупнокалиберные пули крошили кирпич, выворачивали фрагменты кладки, помещение тут же затянуло рыжей пылью.

Бригадиры откровенно забавлялись, поливая свинцом редкие огневые точки защитников, откуда в ответ раздавались лишь короткие автоматные очереди.

Положение складывалось хуже некуда.

Инок, Гурон и Штопор заняли позицию на небольшом взгорке, откуда открывалась удручающая картина успешно развивающегося штурма.

– Гурон, сними пулеметчиков! – Инок передал ему «СВД». – Штопор, на левый фланг! Бей из подствольника по джипам!

В этот момент слева от дороги, ведущей к базе группировки «Долг», со стороны Диких Территорий появилась стая псевдособак.

Гурон, поймал в прицел «СВД» пулеметчика, стрелявшего поверх кабины «Урала», и свалил его.

– Инок, мутанты! – выдохнул он в коммуникатор.

Фоновые помехи на несущей частоте сильно осложняли связь. Даже на коротких дистанциях стабильность коммуникационных соединений оставляла желать лучшего.

Пулеметчики, завидев мутантов, перенесли огонь на левый фланг,

выкашивая стаю, но из глубин диких земель, словно ручейки талой воды, прибывали все новые и новые твари: кроме псевдособак, во фланг бандитам неслись крысиные волки, под стенами зданий внезапно показалась группа снорков, вдалеке мелькнул и тут же исчез силуэт кровососа.

Гурона передернуло. Холодок дурного предчувствия ознобом скользнул вдоль спины. Плавно перемещая прицел, он осмотрел дальние подступы и внезапно увидел контролера.

Существо сидело подле покосившегося деревянного креста, отмечающего место захоронения безвестного сталкера. Рядом расположилась его свита – три слепых пса, две псевдоплоти и жуткого вида зомби в изодранной экипировке наемника.

– Инок, Штопор, не открывать огонь! – процедил Гурон. – Вижу контролера! Возле могилы безвестного сталкера!.. Повторяю: не обнаруживайте себя, иначе нам крышка!

На этот раз связь донесла его предупреждение до адресатов.

Штопор посмотрел в указанном направлении, но из-за дальности расстояния сумел различить лишь смутное пятно. Контролеры редко появляются в поле зрения, они предпочитают манипулировать подчиненными существами издалека, прячась в руинах зданий или в других укрытиях, хотя и для них существуют ограничения, накладываемые расстоянием – держать под ментальным воздействием нескольких мутантов контролер способен лишь на дистанции, не превышающей километра.

Взгляд Штопора вновь метнулся к джипам. С них по-прежнему били пулеметы, но теперь огонь велся не по базе «Долга», а по прибывающим мутантам.

– Штопор, затаись! Гурон, вали контролера! – пришел на частоте связи категоричный приказ Инока.

Снайпер невольно вздрогнул. Рассеченное шрамом лицо побледнело. До исчадия Зоны, по непонятной причине взявшегося гнать своры псевдособак, крысиных волков и даже снорков во фланг наступающим боевикам, было метров семьсот. Действия контролера не находили здравого объяснения. Скорее всего, он просто испугался. Шел в окружении свиты по своим, неведомым делам и вдруг увидел массу вооруженных боевиков, на ментальном уровне ощутил исходящую от них агрессию и рефлекторно отреагировал, защищая себя, – в данном случае контролер не брал под непосредственное управление примитивные рассудки множества стекающихся отовсюду мутантов, он лишь послал глобальный сигнал тревоги, мгновенно доведя их до состояния бешенства, а затем погнал в

нужном направлении.

Инок прав. Контролера нужно валить, без вариантов. Неожиданная «помощь» грозила обернуться серьезными проблемами для всех, кто находился сейчас в радиусе ментального воздействия жуткой твари. Схватка между людьми для Гурона внезапно отошла на второй план: если не уничтожить опаснейшее порождение Зоны, то через четверть часа тут не останется никого, ни атакующих, ни обороняющихся.

Подтверждая справедливость его мыслей, свора мутантов, проявляя несвойственное им упорство, невзирая на потери, прорвалась через кинжальный пулеметный огонь и врезалась в нестройные ряды атакующих базу «Долга» бандитов. Поджарые тела псевдособак пластались в смертельных прыжках, крысиные волки мельтешили в пожухлой траве, их рвали автоматные очереди, но, даже подыхая, твари успевали сомкнуть челюсти или вонзить когти в избранную жертву.

Пулеметчики на джипах растерялись. Тела людей и мутантов мгновенно перемешались в дикой, яростной схватке, появившиеся снорки лишь добавили хаоса, без разбора убивая всех, кто оказывался на их пути, будь то человек, псевдособака или крысиный волк.

Через минуту бандиты не выдержали натиска. Десятка два боевиков остались лежать на залитой кровью земле, остальные вдруг начали отступать, но не в сторону Свалки, а к базе «Долга». Они отчаянно защищались, поливая автоматным огнем наседающих тварей, но из глубин Диких Территорий прибывали все новые группы мутантов, которые, мгновенно сатанея от обилия крови, тут же яростно бросались на людей.

– Гурон, стреляй!..

Рядом со снайпером возникла фигура Инока. Сталкер, так и не сумевший произвести выстрел, осоловело смотрел на товарища.

– Очнись! – Инок залег рядом с ним, вырвал из непослушных пальцев Гурона снайперскую винтовку, мгновенно сообразив, что тот попал под неявное воздействие контролера, который, защищаясь, рефлекторно пытался парализовать волю любого, в чьих мыслях присутствовал его образ.

Кровавое наваждение разрасталось, выплескиваясь за границы разумного, – боевики, и без того проявлявшие неадекватную жестокость, озверели не меньше, чем атакующие их мутанты. Уже не помышляя о штурме базы «Долга», они как будто лишились рассудка, утратив элементарный инстинкт самосохранения, – автоматные очереди стихли, в ход пошли дробовики, помповые ружья и даже ножи, в самой гуще сцепившихся в смертельной схватке тел дважды глухо ударили разрывы

гранат…

Гурон попытался вскочить. В его глазах стыл губительный ужас, но Инок схватил его за ногу, рванул назад.

– Лежи! – проорал он, вскинув «СВД», понимая, что теперь все решают секунды.

В его сознании внезапно сформировался неожиданный образ – перед мысленным взором появилось отрешенное лицо Адепта, и вдруг холодное равнодушие, отчуждение от всего сущего коснулось рассудка Инока, расплескавшись прохладой полной непричастности к окружающей действительности.

Этому приему научил его сам монолитовский снайпер. Иногда, в редкие минуты просветления, он говорил о странных вещах и явлениях.

– Нашего мира нет, – учил он Инока. – Представь, что твое сознание прозрачно, как воздух бабьего лета. Все существующее рядом – нереально. Разум чист, как будто только что родился. Нет желаний, нет страха, ненависти, – нет ничего. Ты только смотришь, не проявляя эмоций.

– А как же стрелять? – спросил тогда Инок.

Лицо Адепта исказила жутковатая усмешка.

– Твой палец отреагирует сам. Рефлекторно, без участия мыслей. Когда ты увидишь цель, скользнешь по ней равнодушным взглядом, мышцы сократятся, выполняя нужное движение. Попробуй. Я чувствую – у тебя есть способности. Их нужно развить.

Инок поверил Адепту.

Конечно, постичь всех тонкостей предложенного мировоззрения он не сумел, – сознание бывшего монолитовского снайпера до сих пор оставалось загадкой, однако упорные тренировки не прошли даром: со временем он действительно научился усилием воли входить в отрешенное состояние, воспринимать данность как прозрачный, нереальный мир, словно в такие минуты он находился внутри изолированного пространства, глядя на окружающее с точки зрения равнодушного, не причастного к событиям стороннего наблюдателя.

Вот и сейчас он словно оцепенел.

Ледяное спокойствие стирало и без того неяркие краски действительности, глушило звуки, мир истончался, трансформируясь в полупрозрачное, черно-белое изображение, где предметы и существа обозначены лишь контурами.

В прицеле «СВД» показался нарисованный карандашом могильный холмик, покосившийся крест, рядом проявились силуэты псов, псевдоплотей и застывшего без движения зомби.

Блеклая, ничего не значащая картинка, карандашный набросок, не вызывающий интереса.

Высокий лоб контролера, массивные, нанесенные несколькими скупыми штрихами надбровные дуги, пустые, как пропасть, глаза…

Палец Инока дважды нажал на спуск.

Тонкая наледь отчужденности взорвалась. Хрупкое крошево брызнуло фонтаном крови – одна пуля угодила контролеру в глаз, вторая пробила массивную переносицу.

Реальность вернулась оглушающим сонмищем звуков, блеклые краски полыхнули, возвращая напряжение, боль прострелила рассудок, Инок выронил «СВД», и, тяжело дыша, прохрипел:

– Гаси пулеметчиков!..

Гурон, с глаз которого упала пелена подсознательного внушения, мгновенно понял, что произошло. Схватив снайперскую винтовку, он не стал задавать идиотских вопросов, лишь с дрожью взглянул на товарища, ощущая, что Инок, отдавший все силы двум убийственно точным выстрелам, внушает ему сейчас чувство оторопи…

– СТРЕЛЯЙ… – едва шевельнув губами, прошептал тот.

Гурон вздрогнул, и, отгоняя наваждение, вскинул «СВД».

Отдача от первого выстрела окончательно привела его в чувство. Плавный поворот ствола, и второй пулеметчик судорожно дернулся, конвульсивно взмахнул руками, а затем вдруг начал безвольно сползать внутрь внедорожника, словно ему по затылку сокрушительно ударили бейсбольной битой.

Оба джипа остановились. Находившиеся в них боевики не избежали воздействия контролера: потеряв способность к здравомыслию, ощущая лишь тупую ненависть ко всему окружающему, они попытались выскочить наружу.

Инок дрожащими пальцами потянулся к автомату, но его опередил Штопор, успевший переползти метров на пятьдесят вперед. Он еще находился во власти жуткого наваждения, и потому схватка оказалась короткой и беспощадной. Появившись из-за камней, слева от машин, сталкер открыл огонь фактически в упор, не оставляя бригадирам и их телохранителям никаких шансов. Пули со стальным сердечником пробивали удобные, легкие натовские бронежилеты, отшвыривая боевиков назад, вбивая их в прохладное, кондиционированное нутро внедорожников.

Четверо бригадиров погибли сразу, двое охранников попытались огрызнуться, прикрываясь бронированными корпусами машин, но для Гурона они оставались видны, как на ладони.

Вновь дважды ударила «СВД».

Инок, превозмогая боль и поселившуюся в рассудке пустоту, со стоном приподнялся, окинув взглядом общую панораму боя.

Кровавая вакханалия, спровоцированная ментальным воздействием контролера, достигла своего апогея, но не пошла на убыль, а лишь поменяла знаки: мутанты, освободившиеся от навязанного извне ощущения, заставлявшего их бросаться на яростно отбивающихся бандитов, внезапно начали разбегаться, боевики же напротив, окончательно осатанели. Вид бегущих тварей лишь подстегнул их.

Ошалев от избытка адреналина, они потеряли всякую способность к здравомыслию. Жуткая панорама переполненного телами людей и мутантов рва, трупы, разорванные собаками и снорками, куски плоти, повисшие на порванных заграждениях из колючей проволоки, – все это формировало шоковые ощущения, доводя боевиков до полнейшего исступления, когда страх нужно топить в крови новых и новых жертв.

Убитый Иноком контролер все же сумел свершить свое черное дело. Около тридцати бандитов, не обращая внимания на корчившиеся вокруг тела, внезапно шарахнулись от залитого кровью рва и, преодолев десяток метров, отделяющий их от передовых укреплений, ворвались на территорию базы «Долга». Среди постепенно ветшающих, кое-как обжитых промышленных зданий мгновенно разлились звуки яростной перестрелки.

Инок, Гурон и Штопор испытывали в этот момент схожие чувства. Став свидетелями массового безумия, они понимали: прошлое погибло. Захлестнувшие Зону перемены необратимы, но сейчас нет времени на мысли о глобальном, нужно действовать, иначе озверевшие подонки не просто перебьют немногочисленных защитников базы – они будут рвать их, резать, издеваться над мертвыми.

Не сговариваясь, они ринулись вперед.

* * *

База «Долга» встретила сталкеров гулким, мечущимся меж зданиями эхом беспорядочной стрельбы, то утихающей, то вспыхивающей с новой безумной силой. Огонь велся на коротких дистанциях, порой противников разделяли считанные метры.

Миновав укрепления, они свернули к заброшенному цеху, и тут же по ним с разных сторон ударили выстрелы. Били из пистолетов и помповых ружей. Для облаченных в бронекостюмы сталкеров попадания свинцовой картечи и пистолетных пуль являлись скорее раздражителем, чем

представляли реальную угрозу, но уповать только на защиту было бы непростительной глупостью – ситуация могла измениться в любой момент, рассыпавшиеся меж постройками старой промзоны боевики вели себя неадекватно и были абсолютно непредсказуемы.

– Сюда! – Штопор заметно преобразился, словно ментальное воздействие контролера что-то сместило в сознании ветерана. Его автомат отплевывался короткими очередями, припав на колено, Штопор прикрывал передвижение Инока и Гурона, пока те не заскочили внутрь угловой кирпичной пристройки, окна которой выходили сразу на два направления.

Гурон открыл огонь с хода, заметив бегущих меж цехами боевиков. Очереди из его автомата повалили двоих, еще троим удалось скрыться в сумеречных глубинах промышленного здания.

– Штопор, давай резче! – Инок занял позицию, полоснул из автомата по черным проломам в стене цеха, расположенного на противоположной стороне улицы, по истошным воплям понял, что зацепил как минимум двух бандитов, но, не желая оставлять им никаких шансов, переключился на подствольник, послав в пролом гранату.

Внутри здания бухнул глухой разрыв, оборвавший звериное подвывание раненых боевиков. С крыши цеха внезапно ответили плотным автоматным огнем, пули перерубили ветхую деревянную раму, уходя в визгливый рикошет от пола и стен.

В дверях пристройки появился Штопор. На груди сталкера красовались две глубокие свежие выщерблины.

– Снайпер!.. – прохрипел он, привалившись к стене. – Бьет вдоль цехов!

Гурон выглянул в указанном направлении. Он появился в оконном проеме лишь на миг и едва успел присесть, как кирпич на уровне головы внезапно взорвался мелкой крошкой.

Инок, сообразив в чем дело, включил канал связи:

– Винторез!

Секунда тишины.

– Юрка, по своим бьешь! Это Инок, мы только что вошли на базу! Находимся в кирпичной пристройке между цехов!

Коммуникатор сухо щелкнул.

– Давите их сзади! – раздался искаженный помехами голос Винтореза. – Они уже на подходе к бару! Извинения потом!

– Двое на крыше! – Гурон вскинул автомат, но его упредил сдвоенный, отдающий металлическим эхом звук: это по окнам приземистой постройки кто-то разрядил дробовик.

Инок выскочил в дверной проем, присел, но автоматная очередь лишь вспорола ржавую жесть вытяжной вентиляционной трубы.

– Убегают!

Потерявшие рассудок боевики бежали по крыше, что-то громко выкрикивая, затем один за другим перепрыгнули на примыкающий к цеху ангар.

– За ними!

Сталкеры, прикрывая друг друга, покинули укрытие.

– Гурон, связь! – Инок слышал в коммуникаторе лишь треск помех.

Они миновали узкий проход между зданиями, ориентируясь по усилившимся звукам стрельбы.

– Сеть опять не работает! – проорал Гурон, приподняв прозрачное бронепластиковое забрало боевого шлема, на котором остались небольшие царапины от попадания заряда дроби.

– Винторез говорил, что они прорвались к бару!

Фразу Штопора заглушил грохот автоматных очередей. Били из окон трехэтажной административной постройки. Несколько автоматов работали прямо над головами сталкеров, простреливая единственный проход между зданиями, ведущий в направлении бара «Сто рентген». В ответ неприцельно огрызался кто-то из защитников базы.

– Гранаты в окна!

Инок и Гурон одновременно переключились на подствольные гранатометы, ударив по второму этажу, Штопор, низко пригибаясь, метнулся вдоль фасада, забросив две «эфки» внутрь помещений, откуда секундой ранее били автоматы.

Здание содрогнулось, вниз полетели обломки ветхих деревянных рам, куски штукатурки, фрагменты кирпича, из проемов потянуло кисловатым дымом.

– На лестницу!

Инок первым заскочил в подъезд. В вестибюле уже занялся пожар, горели выброшенные гранатными взрывами обломки старой офисной мебели, едкий дым блокировал обзор.

Прошив двумя очередями задымленное пространство, он рванулся по лестнице.

На втором этаже пол устилало хрусткое крошево стекла. У дверей, ведущих в коридор этажа, лежал изрешеченный труп долговца. Тупая ярость, с которой он был убит, не оставляла сомнений – боевики не отступят, пока не уничтожат все живое в округе.

Инок боком проскользнул в коридор, присел, прикрывая товарищей,

жестом указав на несколько дверей, что еще держались в покосившихся коробках. Гурон и Штопор метнулись вперед, прижимаясь к левой стороне, чтобы не блокировать Иноку сектор обстрела на случай внезапного обострения ситуации. Все офисные помещения, расположенные по правую сторону, выходили окнами в направлении бара, именно из них минуту назад велся наиболее интенсивный автоматный огонь.

Гурон остановился перед закрытой дверью, Штопор без лишних указаний уже держал в руке гранату с вырванной чекой. Молчаливый кивок, удар ногой в район замка, бросок гранаты, и оба вжались в стену по разные стороны проема. Секунда, и изнутри помещения ударил взрыв, раздался нечеловеческий вопль, что-то с грохотом обрушилось на пол, полуоткрытую дверь вынесло в коридор вместе с удерживавшей ее коробкой.

Еще не рассеялась пыль, а Штопор и Гурон уже ворвались в разгромленный офис, прошив пространство перед собой длинными автоматными очередями. Контуженного взрывом боевика, пытавшегося подняться на ноги, перечеркнуло косой строчкой попаданий, он подался назад и, потеряв равновесие, с воплем выпал в оконный проем. Еще два уже бездыханных, разорванных осколками тела лежали на полу. Пыль медленно оседала, покрывая лужицы крови серым налетом.

В коридоре внезапно загрохотал автомат Инока.

– Окна держи! – Гурон метнулся назад, осторожно выглянул, чтобы случайно не попасть под очередь, увидел два трупа в дальнем конце коридора, Инока, менявшего автоматный магазин, а за его спиной – появившиеся на ближней лестничной площадке силуэты.

Он вскинул оружие, открыв огонь поверх головы товарища, благо Инок мгновенно сообразил, что происходит. Один из бандитов мешковато осел и покатился по лестнице, второй огрызнулся в ответ, швырнув гранату.

Инок успел заметить опасность и перекатом ушел в ближайший дверной проем, Гурон отпрянул назад, в коридоре сверкнуло пламя, ударил оглушительный взрыв, посыпались обломки осветительных приборов, затем раздались топот ног, выстрелы. Инока лишь слегка зацепило осколками, но тупая, ноющая боль от ушиба (все же подвижные бронепластины костюма не полностью гасили удар) и последствия легкой контузии чуть замедлили его реакцию, едва не приведя к роковому финалу.

В коридоре показались боевики, спустившиеся с третьего этажа здания на звук выстрелов. Их вид внушал ужас. Забрызганные кровью, в разодранной одежде, озверевшие от длившейся уже минут тридцать непрерывной схватки, они едва стояли на ногах, действуя скорее

рефлекторно, чем осмысленно. Заметив сталкера, двое из них вскинули оружие, но в тесноте задымленного коридора лишь помешали друг другу, дав Иноку драгоценные секунды. Он успел перевернуться на спину, схватить выпавший из рук автомат и всадить в бандитов длинную очередь.

Один из боевиков, падая, все же нажал на спуск «АКСУ». Несколько пуль ударили в пол, две угодили в левое плечо Инока, срикошетив от бронепластин. Боль вспыхнула с новой силой, на этот раз удар отшвырнул его к стене, на миг парализовав сознание.

На помощь пришли Гурон со Штопором. После взрыва гранаты они выскочили в коридор, как раз в тот момент, когда Инок свалил двух противников длинной очередью.

Бой на короткой дистанции скор и страшен. Убитый Иноком бандит еще падал, его автомат беспорядочно плевался огнем, а сквозь оседающую после взрыва пыль уже прорезались силуэты инстинктивно отпрянувших боевиков. Они открыли шквальный огонь; казалось, что в узком коридоре стало тесно от несущихся навстречу друг другу, перекрещивающихся очередей – Гурон со Штопором начали стрелять одновременно с бандитами. Грохот, визг рикошетов, куски выбитой из стен штукатурки, – все сливалось в дикое напряжение момента, и вдруг… наступила оглушительная тишина.

Штопор, кашляя, согнулся пополам, рефлекторно сорвал дыхательную маску, жадно глотая пыльный, прогорклый от дыма воздух. На животе и груди ветерана виднелись свежие отметины от пуль.

Гурон метнулся к Иноку:

– Живой?

Тот, поморщившись, кивнул. Два ромбовидных сегмента бронепластин на его левом плече были выбиты, но рука действовала, значит, кости целы.

– Снайперка где? – Он встал, опираясь на автомат.

– Там, в противоположной комнате.

Они вышли в коридор.

– Бери «СВД», поднимайся на крышу. Оттуда прикроешь наше продвижение к бару. Штопор, ты живой?

– Дышать больно… – прохрипел ветеран.

– Поднимайся. Некогда. – Инок помог ему встать. – Хватай автомат и за мной.

* * *

Зачищенное сталкерами здание истекало дымом.

– Гурон? – проверяя связь, произнес Инок.
– На позиции. Человек десять бандитов обложили вход в бар.
– Видишь их?
– Как на ладони.
– Работай. Не дай им бросать гранаты! Штопор, поднажмем!
Сверху щелкнул сухой, отчетливый выстрел «СВД».

Они побежали, расходуя последние силы. Все же бронекостюмы спасли им жизнь, и сетовать на непривычную физическую нагрузку уже как-то не хотелось.

Снова ударила снайперская винтовка Гурона. Инок со Штопором под аккомпанемент хриплой ругани боевиков, доносящейся прямо из-за ближайшей стены, пробежали сквозь проходное здание, свернули и затаились.

Восемь бандитов жались к стенам. Попав под снайперский огонь, они уже не рисковали соваться ко входу в бар. Два трупа валялись на вымощенной бетонными плитами дорожке, выше красовалась посеченная пулями вывеска «Сто рентген».

Инок жестом указал Штопору: присядь.
Тот подчинился.
«Работаем?» – спрашивал взгляд ветерана.
Они одновременно показались из-за угла, открыв огонь.

Четверо боевиков сразу же повалились на землю, остальные, ошалев от неожиданности, вдруг бросились бежать, но уйти им не дали – двоих настигли выстрелы «СВД», остальных срезал очередью Штопор.

Внезапная тишина навалилась запредельной, безмерной усталостью. Не хотелось ни о чем думать, но Инок, превозмогая ощущения моральной и физической опустошенности, поднял забрало боевого шлема и крикнул:

– Кто живой – выходите!

Некоторое время ему казалось, что никто не откликнется, настолько тяжелой, гнетущей была воцарившаяся тишь, затем снизу раздался звук нетвердых шагов, и на лестнице, ведущей в бар, показался Юрка Винторез.

Он присел на бетонный поребрик. Левая рука, простреленная в двух местах, висела плетью, на щеке красовалось несколько глубоких порезов.

– Отбились? – хрипло спросил он.
Инок присел рядом.
– Зона помогла…

– Кому как. – Винторез с болью посмотрел в глаза сталкера. – Трое нас оставалось. Я, Бармен и Сашка Гвоздь.

– И что?

– Гранатой его разорвало. Внизу лежит.

– А Бармен?

– Контузило сильно. Сейчас оклемается – выползет. Видишь, как оно повернулось… Наши ушли Зону добить, а она нас добила. После выброса, думаешь, кто-то выжил в Припяти?

– Не знаю, – честно ответил Инок.

– Вот и выходит, что Бармен да я… Все, что осталось от «Долга». Понимаешь?

* * *

База группировки «Долг»

В баре царил полный разгром. Несколько гранат, разорвавшихся в основном помещении, разнесли в щепки и без того скудную, непритязательную меблировку.

Гурон со Штопором, сняв бронекостюмы, навели относительный порядок: отыскали и поставили в центре зала чудом уцелевший стол, обломки сгребли в одну кучу, принесли из подсобки пустые ящики.

В дверях своей каморки показался Бармен.

Никто не знал его настоящего имени. Бармен – и точка. Как и когда он появился в Зоне, что привело его сюда, оставалось полной загадкой. Судя по крепкому телосложению, крутому нраву и обширным связям, владелец бара «Сто рентген» сам когда-то был сталкером.

Инок только что извлек пулю из предплечья Винтореза и, обработав раны, накладывал повязку.

Бармен, едва пришедший в себя после контузии, обвел помещение мутным, налитым кровью взглядом, затем отыскал за стойкой бутылку водки, молча откупорил ее, несколькими глотками опустошил на треть и только затем, переведя дух, произнес:

– Спасибо, мужики.

Инок лишь молча кивнул, продолжая бинтовать руку Винтореза. Гурон, чувствовавший себя не лучшим образом, тоже промолчал, – слова сейчас казались лишними, неуместными. Лишь Штопор натянуто усмехнулся в ответ:

– Все свои. Сочтемся.

Бармен грузно облокотился о посеченную осколками стойку.

– Штопор? – Он выглядел удивленным, даже озадаченным. – Ты ли это? Или у меня галлюцинации после контузии?

– Ну я. Что с того? Не рад видеть?

– Почему же не рад? Вы нам жизнь спасли. Вот только непонятно, зачем ты вернулся?

– Деньги проиграл. Скучно стало.

– А… Ну теперь-то весело? – Бармен скрылся в подсобке и вернулся с нехитрым набором продуктов. – На стол поставь.

В полукилометре от бара, над местом недавней ожесточенной схватки дрожал и змеился воздух.

Сотни тел людей и мутантов перемешались там, где их настигла смерть.

Вязкая тишина словно тягостный саван укутала землю. Звуки глохли, ветер затих, вечно гонимые по небу облака остановились, темнея, опускаясь ниже.

Внезапно хлынул проливной дождь. Он падал стеной, омывая землю, но влага не несла жизни, она лишь смывала кровь с еще теплых, податливых тел, сбегая в ров и во впадины воронок мутно-красными ручейками.

Подле трупа контролера на корточках сидел зомби. Псы и псевдоплоти давно убежали, а он остался – без воздействия направляющей силы ему некуда было идти.

Ливень усиливался. Небо из свинцово-серого стало черным, рваные космы облаков опускались все ниже, пока не коснулись земли.

Дождь прекратился так же внезапно, как и начался. Пепельная хмарь накрыла подступы к базе «Долга», в облачности потонуло все, включая граничащие с дикими землями постройки. Мертвый туман лениво тек по улицам старой промзоны, просачивался в цеха, пока не достиг трехэтажной административной постройки – той самой, где сталкеры и боевики сошлись в кровавой схватке.

Недвижимый воздух, напоенный непонятным напряжением, вновь змеился искажениями, туман начало закручивать множеством воронок, он медленно вращался, будто кто-то снял на видео сотни смерчей, а теперь включил замедленное воспроизведение…

Неожиданно глухую тишину нарушил невнятный хлопок, затем еще, и еще один, пока все вокруг не зарокотало, передавая по земле дрожь вибраций.

Затем ударила беззвучная молния, и началось…

В баре тускло светила единственная лампочка.

По просьбе Бармена Гурон запер двойные бронированные двери,

теперь бункер был полностью изолирован от внешнего мира.

– Не задохнемся? – спросил он, возвращаясь к столу.

– Нет. – Винторез поморщился от дергающей боли в руке. – Тут система принудительной вентиляции установлена. С фильтрами, все как положено.

– Так что ж сразу не заперлись? – спросил Штопор. – Пересидели бы.

– Бандитов не пересидишь, – мрачно отозвался Бармен. – Мы не крысы. – Он поднял стакан. – Давайте.

Выпили молча.

Инок чувствовал, что находится на пределе. Последние сутки вобрали в себя слишком много событий. Сначала выброс, последствия которого не прошли даром для психики, теперь вот ментальный поединок с контролером и дикая, даже по меркам Зоны, бойня… Водка не брала его, лишь немного сняла моральное напряжение, позволив ощутить сосущее чувство голода.

– Что теперь о бандитах говорить. – Винторез поддел ложкой кусок тушенки из открытой банки. – Нет их. У Борова и в лучшие времена больше сотни отморозков не набиралось. Теперь он вряд ли снова приподнимется. Если живой, конечно.

– Боров сдох, – веско и категорично произнес Бармен. – Его Меченый пару недель назад застрелил. В Темной Долине. Он еще одного из наших освободил. Тот и шепнул мне, что да как. Боров не дурак в общем-то был. Борзеть своим отморозкам особо не давал.

– Ну, теперь ясно… – откликнулся Штопор. – Власть, значит, в Темной Долине переменилась? А преемник Борова решил моментом воспользоваться и половину Зоны под себя подмять?

– Вроде того. Тут ведь особого ума для просчета ситуации не надо, – с досадой ответил Бармен. – Три дня назад наши блокпост на границе Свалки свернули. Я говорил Воронину: нельзя все силы бросать на Припять. А он уперся, как псевдоплоть перед аномалией. Мол, задача «Долга» – уничтожить Зону. Раньше все эти идеи фикс как бы в воздухе висели, путь к АЭС Выжигатель блокировал, а тут… – Бармен безнадежно махнул рукой. – Вот что теперь будет? Военные озверели, в центре бои идут, все смешалось.

– Кордон и Свалка уже опустели. – Гурон налил водки в пустые стаканы. – Своими глазами видели. Жуть берет. Теперь и Темная Долина. А что на военных складах происходит?

– Пусто, – ответил ему Винторез. – Бойцы «Свободы», как и вольные сталкеры, за счастьем к Саркофагу подались. Два дня назад бои шли в

Припяти, но, по нашим данным, Монолит город не удержал. Несколько легко раненых сталкеров-одиночек оттуда вернулись. Успели до вчерашнего выброса. Рассказали, что основные силы монолитовцев к Саркофагу отступили, а наши вроде сумели с командирами «Свободы» договориться о временном перемирии и совместном штурме АЭС.

– Больше вестей не поступало? – спросил Инок.

– Мы канал связи военных прослушивали. – Бармен сцепил пальцы рук в замок. – Они десант высадили в центре Зоны, видно, решили одним ударом со всеми группировками покончить. Монолитовцы пять вертушек подбили, спецназ дважды подмогу запрашивал, что в эфире творилось – вспоминать страшно. А потом выброс ударил. И вот уже сутки – тишина.

– А о Меченом что-нибудь слышно? – напрямую спросил Инок. – Нам Сидорович сказал, что у него какое-то устройство было, вроде как защищающее от пси-излучения?

– Разное говорят. Еще до штурма АЭС, когда бои в Припяти шли, видели его. Шел со стороны Саркофага. Те сталкеры, что к нам перед выбросом заходили, рассказывали, что он вроде как умом тронулся.

– А в чем это выражалось? – заинтересовался Инок.

– Ну, сам посуди: вокруг не понять что творится, бои идут на каждой улице, а он шагает себе, словно и не видит ничего. Улыбается. Когда остановили его, начал откровенную чушь молоть. Говорит, нет больше Зоны. Уничтожена, вместе с «О-сознанием».

– А что это за «О-сознание»? – удивленно спросил Штопор.

– «О-сознание» – миф. Одна из легенд Зоны, – махнул рукой Бармен.

– Дыма без огня не бывает, – заметил Инок. – Я слышал, что «О-сознание» – это некая группа ученых, контролирующая Исполнитель Желаний. Вот только не знаю, откуда информация пошла.

– От монолитовцев и пошла, – неожиданно ответил Винторез. – Было дело, взяли мы двоих на границе Радара. Их потом на базе Воронин допрашивал, с применением спецсредств. Один так и умер, ничего не сказав, второй все карой нам грозился. Кричал, что «О-сознание» все видит и контролирует, оно и есть Зона. Фанатик, короче.

Инок пристально посмотрел на Бармена.

– Ну, что? – не выдержал тот.

– Зона пустеет. – Сталкер продолжал в упор смотреть на него. – Сколько нормальных ребят уже погибло из-за алчности торговцев? Кто нарушил установленный баланс сил? И кто придет сюда нам на смену? Всякое отребье, что сейчас за периметром Зоны ошивается? Или военные? Нам Степан Сидорович все выложил, как на духу. Ты, Бармен, к

происходящему прямое отношение имеешь.

– Ну, допустим, – побледнев, ответил тот. – А ты сюда обвинять меня явился?

– Мы в Припять идем. – Гурон холодно взглянул на Винтореза, затем на Бармена. – Заметь, не к Исполнителю Желаний, а в Припять.

– Зачем?

– Выживших оттуда вывести. Обстановку разведать, – вместо Гурона ответил Инок. – Вы дорогу к центру Зоны специально открыли.

– Открыли, – мрачно признал Бармен. – Только не мы, а Меченый.

– Он по вашей указке действовал.

– Да не знал никто, что такое случится! – взъярился Бармен. – Да, пытались! – Он грохнул кулаком по столу. – Я сам сталкером был когда-то! И не поверю, что ты, – он подался вперед, обдав Инока перегаром, – и ты, – он перевел взгляд на Гурона, – в Зону полезли из-за любопытства! Здесь каждый сам за себя, и цель у всех одна – урвать кусок пожирнее! Денег заработать побольше, чтобы потом, как Штопор, на острова свалить!

– Ты поэтому «Долг» подставил? – Инок привстал. – Дорогу решил расчистить? Зону перекроить, монолитовцев передушить чужими руками, чтобы потом хабар вагонами вывозить из центра?

– Эй, мужики, вы что? – Винторез вскочил. – Ты что такое говоришь, Инок?

– А ты у него спроси. – Сталкер кивнул на Бармена.

– Это правда? – Винторез побледнел. – Ты знал, что такое произойдет?!

– Нет. – Бармен угрюмо посмотрел на Юрку. – Никто никого не подставлял.

– Тогда ответь, на чем строился план Воронина? Чем его зацепили? – Инок решил, что не уйдет, пока не получит ответа на заданные вопросы. – Что ему стало известно об «О-сознании»?

– Ладно. Погорячились и хватит. – Бармен достал непочатую бутылку водки. – Расскажу. Все одно теперь… – Он хотел отвинтить пробку, но, не рассчитав усилия своих лапищ, вдруг с хрустом отломил горлышко, порезав ладонь. – Вот дрянь!..

Кровь капала на стол.

– Потом выпьем. – Инок забрал у него бутылку, отставил в сторону. – Говори.

Бармен дернулся было, но нарвавшись на взгляд Инока, вдруг осел.

– В общем, так… – Он начал говорить, глядя в стол, зажимая рукой глубокий порез. – Все началось с тех монолитовцев, о которых сказал

Винторез. Первый на самом деле не молчал. Прежде чем умереть, он рассказал все об «О-сознании». По его словам получается, что группа ученых, пытавшихся доказать, что появление расширяющегося аномального пространства вокруг Чернобыльской АЭС как-то связано с эволюцией ноосферы Земли, еще в 2006 году проникла в центр Зоны. Не без ведома военных они изучали Монолит и в конечном итоге взяли его под свой контроль. После этого начались крупные неприятности. Зона внезапно расширилась до известных границ, а часть пространств оказалось блокировано излучением треклятого Выжигателя. Тот монолитовец являлся отнюдь не рядовым бойцом, он знал достаточно, чтобы его информации можно было верить. Под воздействием препаратов он рассказал, что именно эти самые ученые и создали Секту, с единственной целью – защитить себя и спокойно продолжать начатый эксперимент. Они вышли из подчинения руководству и объявили центр Зоны закрытой областью. Военные пытались исправить положение, но потерпели ряд болезненных неудач. Силы группировки «Монолит» угрожающе росли. Это происходило, когда других группировок еще не было и в помине, а в Зону ходили только самые отчаянные сталкеры-одиночки.

– И ты был в их числе? – уточнил Инок.

– Был. Я нашел свои первые артефакты еще до того, как центр Зоны блокировал Выжигатель, а Припять и Чернобыль оккупировали фанатики «Монолита».

– А Сидорович? Он тоже был сталкером?

Бармен кивнул.

– Мы хотели вернуть существовавший порядок вещей, не более. Воронин – он тоже фанатик, но только иного толка. Если монолитовцы защищают Зону, то он грезил ее уничтожением и потому услышал лишь то, что хотел услышать. К тому времени в моем распоряжении имелось два странных артефакта, проданных вот им, – Бармен кивнул на Штопора. – Мы отдали один ученым, на Янтаре, и они создали на его основе устройство, защищающее от пси-излучения. Появилась реальная возможность отключить Выжигатель, прорваться к центру Зоны и уничтожить «О-сознание». Мы точно знали, что секта монолитовцев создана искусственно: общее сознание этих ренегатов от науки брало под контроль тех сталкеров, что попадали под воздействие сконструированного ими генератора. Теперь понятно? Никто никого не посылал на смерть! Мы дали Меченному все, чтобы он дошел до Саркофага и уничтожил «О-сознание», после чего все монолитовцы, по нашим расчетам, автоматически выходили из-под постороннего воздействия, превращаясь в

лишившихся рассудка сталкеров.

– Хороший план, – кивнул Инок. – За исключением того, что благими намерениями обычно вымощена дорога в ад. Меченый дошел?

– Да, – кивнул Бармен. – «О-сознание» он уничтожил, это зафиксировали военные, мы перехватили их сообщения. Но монолитовцы не разбрелись кто куда. Они лишь отступили из Припяти к Саркофагу. А потом произошел внеплановый выброс. Мы никого не подставляли, все было продумано. Хотели лишь вернуть Зону сталкерам.

– Воронина использовали вслепую? – не выдержав, спросил Винторез.

– Я же сказал: он услышал только то, что желал услышать. Воронин полагал, что гибель группы «О-сознание» приведет не только к уничтожению секты монолитовцев, но и к коллапсу аномального пространства Зоны.

– А получилось ровно наоборот. Монолитовцы не разбежались, Зона вновь расширилась… – В глазах Гурона читался откровенный ужас. Он пытался представить, что случится дальше, но воображения не хватало.

– Мне кто-нибудь объяснит, что такое «ноосфера»? – вклинился в разговор Штопор.

Бармен хотел ответить ему, но не успел. Чудовищной силы удар потряс бункер, единственная лампочка под потолком лопнула, протяжно заскрежетали бронированные двери.

Удар не повторился. В наступившей тишине было слышно лишь прерывистое дыхание сталкеров.

– Что это было? – первым нарушил молчание Гурон. – Еще один выброс?! – В темноте осветился экран его ПДА. – Нет, уровень аномальной энергии не повышен. Индикатор в зеленой зоне!..

– Двери бы не перекосило, – раздался из сумрака голос Штопора. – Слышал, как металл скрипел?

– Надо проверить, – отозвался Бармен.

– А если выброс? Мы же глубоко под землей сейчас находимся! Не факт, что ПДА зафиксирует тут повышение уровня аномальных энергий! – забеспокоился Винторез. Бесстрашный в бою, он отчаянно боялся выбросов и не скрывал этого.

– Проверить все же не помешает, – поддержал Бармена Инок. – Я надену бронекостюм, попробую открыть двери.

– Я посвечу. – Гурон, не выключая ПДА, пошел вслед за ним.

– Ну, Штопор, что сидим? – Фигура Бармена смутно вырисовывалась в сумраке. – Берем оружие, прикроем Инока. Не дай Зона, твари полезут.

* * *

Бронированные двери, к счастью, не перекосило.

Удары больше не повторялись, и все же Иноку было немного не по себе. Надев дыхательную маску и опустив забрало боевого шлема, он переключил системы бронекостюма на замкнутый цикл жизнеобеспечения. Встроенный в экипировку детектор аномалий издавал редкие предупреждающие сигналы, по мере подъема уровень губительных для рассудка энергий чуть повысился, загнав столбик светового индикатора в желтую зону.

– Ну, что у тебя? – раздался в коммуникаторе голос Бармена.

– Чисто пока. Один лестничный пролет остался, – откликнулся Инок. – Сейчас небо увижу – определю, что к чему.

Поднявшись по истертым ступеням, он вышел в небольшую пристройку. Сквозь дверной проем лился серый дневной свет, ветра не ощущалось, лишь детектор вдруг стал попискивать чаще и тревожнее.

– Выброса не было. – Инок выглянул наружу. – Можно выходить.

В центре внутреннего двора, расположенного перед входом в бар, воздух змеился искажениями.

– Осторожно, на выходе воронка, – предупредил он, переключая режимы детектора. Границы зоны воздействия гравитационной аномалии очертились на внутреннем дисплее, показав удручающий результат сканирования. Радиус условной окружности, внутри которой аномалия способна воздействовать на окружающие предметы, равнялся восьми метрам. Пульсирующая черта проходила сантиметрах в пятидесяти от выхода. Один неверный шаг, и не спасет никакая экипировка – воронка потащит добычу к центру, расплющит, переломает все кости, а затем спрессует в сверхплотный комок.

Именно так, из веток, травы, камней, случайно попавших в аномалию предметов, а особенно – из сожранных воронкой тел мутантов или людей в конечном итоге образовывались артефакты. Что именно останется на месте аномалии после ее исчезновения – предугадать было невозможно. Все зависело от состава «ингредиентов», спрессованных мощнейшим гравитационным воздействием. Иногда сталкеры пытались экспериментировать. Инок точно знал: если в аномалию подобного типа накидать камней и железок, она генерирует грави – артефакт с повышенным фоном радиоактивности, защищающий от контузий, частично гасящий взрывные волны.

Обычно срок жизни большинства аномалий измерялся отрезками

времени от выброса до выброса, однако некоторые из них исчезали и появлялись по иной схеме, выявить которую пока что не удавалось не то что сталкерам – даже ученым.

За спиной Инока, в пристройке, появились Бармен со Штопором.

– Осторожнее, меня не толкните, – предупредил он, мысленно намечая маршрут, по которому собирался обогнуть воронку.

На лестнице возникла фигура Гурона.

Его детектор аномалий отличался от стандартных ПДА, стоящих на вооружении большинства сталкеров. У Гурона был один знакомый на базе группировки «Свобода». В прошлом тот занимался радиоэлектроникой, некоторое время работал в крупной кампании, производящей «железо» для персональных компьютеров, за что и получил в среде сталкеров позывной «Программист». По просьбе Гурона он внес ряд усовершенствований в его детектор, расширив радиус действия прибора и добавив несколько самодельных блоков, в частности – дополнительный дисплей с расширяющим модулем, позволяющий получать трехмерные изображения очагов аномальной активности.

– Инок, не двигайся! – раздался голос напарника.

– В чем дело? – Тот обернулся. – От стены до границы аномалии сантиметров шестьдесят. Боком аккуратно протиснусь.

– От входа отойди! – резко приказал Гурон. – Только медленно.

Инок подчинился.

– Ну, что там у тебя?

Вместо ответа Гурон оглянулся по сторонам, подобрал обломок кирпича.

– Все отошли!

Бармен и Штопор попятились. Винторез вообще поднялся лишь на один пролет и стоял на площадке, морщась от усилившейся боли в руке.

Инок отступил, предоставив напарнику возможность действовать. Взглянув на дисплей ПДА, Гурон покосился на стену пристройки, затем на потолок и жестом указал: все на лестницу, от греха подальше.

– Что происходит? Толком объясни! – проворчал Бармен.

– Сам сейчас увидишь. – Сталкер отступил на несколько шагов и, замахнувшись, метнул кирпич в аномалию.

Раздался оглушительный хлопок, свист ветра, затем пространство внутри аномалии на миг помутилось, землю в центре вдруг начало вспучивать, словно там действовали взаимоуничтожающие силы: обломок кирпича доли секунд балансировал в воздухе, затем начал рассыпаться, но как-то странно. Его центр выдавливало вниз, в то время как края,

покрывшиеся густой сеткой трещин, поднимало вверх и тянуло к периферии аномалии.

Еще секунда, и оглушительный взрыв двух не поделивших добычу гравитационных ловушек привел к началу разрушительного процесса. От кирпича осталась лишь пыль да мельчайшие осколки, часть которых затянуло в центр аномалии, с невероятной силой вбив в черное с красноватыми прожилками пятно, а несколько мелких фрагментов вдруг выбросило на периферию, и закружило в возникшем смерче, поднимая все выше.

– Сожри меня Зона… – Бармен отшатнулся, оступился и едва не скатился по лестнице, лишь чудом удержав равновесие. – Это же карусель и воронка!

Гурон кивнул, тревожно поглядывая на показания ПДА.

– Все вниз! – внезапно выкрикнул он.

Воронка била гравитационными волнами в истеричном припадке, карусель же начала внезапно расширяться, мутный смерч уплотненного воздуха коснулся кирпичной кладки стены и принялся выворачивать из нее увесистые фрагменты, затягивая их внутрь сформировавшегося прямо на глазах локального торнадо. Еще несколько мгновений неистовства, и стена рухнула, бетонные плиты перекрытия лишились опоры, с глухим ударом обрушившись на землю.

– Ниже! Уходим! Воронка сейчас разрядится!

Особо понукать никого не пришлось. Чем завершается период активности аномалии «Карусель», знал любой сталкер. Собранное вещество сначала раскручивал смерч, затем происходило его резкое уплотнение, своеобразный коллапс, а через секунду следовал взрыв – сверхплотный сгусток материи рвало на атомы…

Учитывая, что сила финального разрыва зависела от массы попавшего в аномалию вещества, уповать на слабый хлопок не приходилось.

Они успели спуститься на три лестничных пролета, когда бункер содрогнулся, как при землетрясении, по стенам внезапно побежали трещины, с потолка посыпались мелкие камушки, с глухим звоном полопалась стальная арматура. Через мгновенье все стихло, лишь наверху по рухнувшим перекрытиям уничтоженной пристройки барабанили какие-то обломки.

Бармен застыл с перекошенным лицом. Штопор выглядел не лучше, Винторез вообще сел на ступеньки, бережно поддерживая забинтованную руку.

Гурон взглянул на экран ПДА.

– Можем выходить, – неожиданно произнес он. – Аномалии исчезли.

– Нет, ну ни хрена себе!!! – Штопор потрясенно посмотрел на сталкеров. – Две аномалии с единым центром – это что, нормально?!

– Ты сам-то подумал, что спросил? – Гурон криво усмехнулся. – Мы в Зоне, Штопор. Тут ничего нормального отродясь не возникало.

Ветеран примолк.

Инок начал медленно подниматься по лестнице, вслед за ним пошел Гурон. Бармен, скупо выругавшись, тоже направился к выходу из бункера.

На улице, перед разрушенным входом в бар, где всего час назад произошла последняя схватка с боевиками, сейчас не осталось ни трупов, ни оружия, лишь кое-где на поверхности вкопанных в землю бетонных плит темнели бурые пятна. В центре внушительного круга, припорошенного серо-коричневой пылью, на месте исчезнувшей двойной аномалии, подрагивая сантиметрах в пятнадцати от земли, левитировал артефакт.

– Душа? – дрогнувшим голосом предположил Бармен.

– Непонятно. – Инок не торопился приближаться. – С виду – душа. Но что-то в ней мне не нравится.

– Душа обычно рыжевато-коричневая, серая по краям. По форме вырванное сердце напоминает. – Гурон присел на корточки, присматриваясь к артефакту. Действительно, похоже на душу, только цвет алый, с черными прожилками и разводами, как у мрамора. И форма немного другая.

– Черная Душа… – с неожиданной дрожью в голосе произнес Инок. – Голыми руками к ней не прикасайтесь. Лучше сразу в герметичный контейнер запихнуть.

– А чего ты вдруг испугался? – В глазах Бармена промелькнул и погас зловещий огонек. – Я заберу. А вам отступные выдам. Идет?

– Забирай, – легко согласился Инок.

Гурон молча кивнул.

– Эй, а меня-то спросили?! – возмутился Штопор.

– Пусть Бармен забирает. – Инок был непреклонен. – Нам сейчас лишние проблемы ни к чему. А от него – он кивнул на артефакт, – смертью разит. Черная Душа, одним словом.

– Ну? – Бармен вопросительно посмотрел на Штопора. Ничего хорошего в этом взгляде ветеран не увидел. Могильным холодом до костей проняло.

– Ладно, – торопливо кивнул он.

* * *

Пока Бармен спускался вниз за контейнером для артефактов, Инок с Гуроном прошли дальше по узкому проходу меж старых цехов.

Детектор аномалий вновь начал нервно попискивать. Инок остановился.

– Облака как низко висят, – заметил он.

Гурон не ответил, что-то упорно переключая на своем ПДА.

– Не пойму ничего, – наконец признал он. – Опять индикатор в желтый сектор переполз.

– Но ведь не в красный же.

– Все одно радости мало. Пошли, только осторожно. – Он повернул экран к Иноку. – Видишь, от среза сплошное пятно выползает?

– Ну? Большая аномалия?

Гурон отрицательно покачал головой.

– Сигналы друг на друга накладываются. Это целое поле аномалий!..

– Думаешь, тот удар был связан с их одновременным появлением?

– А с чем же еще?

За спиной сталкеров раздались шаги. В щели между зданий появились Штопор с Барменом.

– Забрал? – Инок вопросительно посмотрел на Бармена.

– Угу, – кивнул тот.

– И как?

– Руки пощипывает. А в остальном нормально. Вы-то чего тут застряли?

Гурон молча показал ему экран ПДА. Бармен тут же притих.

– Я такого даже в центре Зоны у Саркофага не видел, – севшим голосом признал он. – Это за территорией базы?

Инок кивнул.

– Там где больше всего трупов, – уточнил он. – Сейчас на крышу цеха заберемся, оттуда посмотрим.

– Лучше вперед пройти. Здесь обзор плохой.

Они медленно двинулись вперед.

Сразу за цехами видимость резко ухудшилась. Над землей, сливаясь с необычайно низкой облачностью, плавали свинцово-серые космы, местами слоился пепельно-серый туман.

– Гурон, что на ПДА?

– Нормально. Граница аномалий метрах в двухстах.

– А это? – Инок жестом указал на растекшиеся вдоль самой земли

языки пепельной субстанции.

– Мертвый туман… – неожиданно произнес Штопор.

– Это ты сам придумал? – Чувствовалось, что за иронией Бармена прячется страх.

– В Припяти видел. – Ветеран опасливо отступил на пару шагов, на всякий случай вскинув оружие. – Перед самым выбросом такая вот субстанция из некоторых подвалов лезла.

– Опасно? – скупо осведомился Инок.

– Не знаю, не пробовал. – Штопору явно расхотелось идти дальше, но и выказывать малодушие было как-то нехорошо. В общем, он не знал, что следует сейчас сделать, плюнуть на все, оставаясь на месте, или все же преодолеть сосущее чувство тревоги.

– Обойдем стороной, – предложил Гурон. – ПДА по поводу тумана молчит. Но лучше не рисковать зазря.

– А почему ты назвал туман мертвым? – спросил у Штопора Инок.

– Не я. Брокер. Он видел, как из такого же тумана зомби выходили.

– Ну, так то в Припяти. – Бармен сплюнул. – Там зомби и без тумана полно.

– Тебе почем знать? – Штопор начал злиться. Нервы вот уже сутки как напряжены до предела.

– Я же ясно сказал, что ходил к центру Зоны, – огрызнулся Бармен.

– Когда это было? Лет пять назад?

– Штопор, не нарывайся! Какая тебе разница?

– Врешь ты, Бармен. Зомби начали появляться после того, как на Янтаре и Радаре генераторы пси-излучения заработали!

– Прекратите собачиться! – Инок остановился. – Сюда лучше взгляните!

* * *

Низкие облака вновь разразились проливным дождем. Туман моментально прибило к земле, зловещие пепельные языки вдруг начали стремительно таять, исчезли косматые обрывки облачности, а сквозь стену дождя стали различимы руины трехэтажного здания бывшего заводоуправления, – того самого, что пришлось зачищать от боевиков.

Сейчас от постройки остались лишь отвалы обломков. Битый кирпич, раздробленные на куски железобетонные плиты, фрагменты порванной арматуры распределялись по периметру пяти окружностей, каждая из которых имела диаметр метров в пятнадцать.

«Словно пересекающиеся олимпийские кольца…» – промелькнула в

сознании Инока мгновенная ассоциация.

– Карусели поработали. Совместно с воронками, – высказал предположение Гурон.

– Это мы сейчас узнаем. – Бармен, как будто потеряв всякое благоразумие, решительно шагнул вперед. – Точно! – раздался из-за пелены дождя его голос. – Тут опять артефакты! Такие же, что и у входа в бар!

– Не трогал бы ты их! – попытался вразумить его Гурон.

– Боишься – не трогай. А я своего не упущу!

Штопор скривился, как от зубной боли.

– У тебя денег на отступные хватит? – не удержался он от ехидного замечания.

– Много болтаешь! – донесся голос Бармена. – Будешь выкореживаться, я от тебя пулей откуплюсь, понял?!

– Бармен, с ума не сходи, ладно? – попробовал урезонить его Инок. – Никто ни в кого стрелять не будет.

– Ты бы лучше за контейнерами сгонял! – Голос Бармена звучал странно, прерывисто.

– Тебе надо, сам и иди, – отрезал Инок, сделав знак Гурону: подстрахуй.

Тот кивнул, сменив ПДА на автомат.

Инок перелез через кольцевой отвал строительного мусора и увидел Бармена. Тот сидел на корточках посреди своеобразного кратера, где после исчезновения одной из разрушивших здание аномалий над темным с красноватыми прожилками пятном трепетала Черная Душа.

– Да не трогай ты ее голыми руками!

– Отвали! – Бармен выпрямился. Артефакт теперь трепетал меж его ладонями. – Не хотите помогать – сам отнесу!

Инок молча посторонился. Каждый сам выбирает свою дорогу в ад. Это в конституциях всех цивилизованных стран записано. Первым пунктом.

Бармен скрылся за пеленой дождя.

– Совсем у него крыша поехала… – проворчал Гурон, опуская автомат. – Слушай, Инок, вот ты у нас умный, рассудительный. Скажи: это жадность?

– Это Зона, – лаконично ответил Инок.

– Хорошо сказал. – Штопора вдруг передернуло. – Надо же… Три этажа в пыль… – Он озирался вокруг, пытаясь представить, как сдвоенные аномалии вмиг превратили здание в пересекающиеся вихри обломков.

– Вон, лестница впереди. – Гурон снова впился взглядом в экран

ПДА. – Поднимемся на крышу цеха, посмотрим, что там происходит?

– Пошли, – согласился Инок. – Только осторожнее. Не нравятся мне эти новоявленные артефакты.

* * *

Обойдя стороной пересекающиеся кольцевые отвалы, они подошли к стене цеха. Дождь опять стих. Бармен не появлялся. Ушел – как в воду канул.

– Поднимаемся по одному. – Инок взялся рукой за перекладину ржавой пожарной лестницы, ведущей на крышу цеха, граничащего с Дикими Территориями.

Гурон взглянул на ПДА.

– Ближайший очаг аномалий метрах в пятидесяти, – на всякий случай проинформировал он.

Инок начал подниматься. Штопор прикрывал, Гурон работал с детектором.

Конечно, сутки с небольшим – это не срок, особенно для притирки характеров, но в принципе у них могла бы сложиться боевая группа. Инок вскользь подумал об этом, посмотрев вниз.

Ржавый металл лестницы жалобно поскрипывал, все же вес человека в бронекостюме давал о себе знать. Пару раз восхождение едва не завершилось падением: крепежные скобы не выдерживали нагрузки, их с зубовным скрежетом вырывало из кладки, но Инок все же добрался до крыши, перелез через ограждение и, еще раз взглянув вниз, произнес в коммуникатор:

– Гурон, поищи обходной путь. Лестница едва держится.

– Понял. Мы идем внутрь цеха. Как там обстановка вокруг?

– Аномалии метрах в пятидесяти, как ты и говорил. Пока вижу лишь непонятное мерцание.

Инок пошел вперед. Покатая крыша цеха в некоторых местах зияла провалами – видно, металл поддерживающих ее конструкций окончательно превратился в ржавую труху под воздействием токсичных осадков. Сказывалось близкое соседство Свалки, над которой постоянно формировались кислотные облака.

Обходя стороной опасные, ставшие ненадежными участки, он приближался к торцу здания, граничащего с позициями брошенного блокпоста. Укрепления из бетонных блоков и мешков с песком перегораживали единственную дорогу, ведущую со стороны Свалки.

Вот и противоположный край крыши.

Инок присел. Отсюда взгляду открывалась панорама небольшого фрагмента Диких Территорий – того самого, где несколько часов назад устремившиеся к базе «Долга» боевики столкнулись с мутантами. Хмурые облака поднялись чуть выше, стали светлее, уже не грозя в любую секунду разразиться проливным дождем. Внизу бесновались новорожденные аномалии.

Инок никогда не видел ничего подобного. Десятки воронок, каруселей, трамплинов теснились, перекрывая друг друга, совмещаясь, образуя непроходимое поле, генерируя необычные визуальные и физические эффекты. Зона вновь показала свой круто изменившийся нрав, подбросив очередную неразрешимую загадку.

Некоторое время он напряженно наблюдал за взаимным влиянием различных очагов аномальной активности, затем включил записывающее устройство ПДА. Ученые, обосновавшиеся на базе у озера Янтарь, заплатили бы любые деньги, чтоб оказаться здесь и сейчас со своим оборудованием.

Инок был уверен, что никто и никогда не наблюдал ничего подобного. С действием совмещенных аномалий он уже имел возможность познакомиться, а вот вид пульсирующих, постоянно искажающихся каруселей, деформированных воздействием расположенных поблизости трамплинов и воронок, завораживал, одновременно внушая оторопь.

Обычно аномалии (за исключением искрящихся электр и пузырящегося зеленоватого студня) практически невидимы. Даже в момент активации призрачные границы их воздействия обозначаются лишь на доли секунды. Здесь же все происходило иначе. Карусели не останавливались ни на секунду. Все обозримое пространство покрывали мутные вращающиеся смерчи уплотненного воздуха, несущего частицы земли, фрагменты растений, камни, жалкие обрывки одежды, обломки оружия. Наиболее крупные очаги аномальной активности концентрировались в районе рва.

Инок зажмурился, пытаясь представить, что происходило тут сразу после возникновения аномалий, но воображение явно не дотягивало до суровой действительности. Сотни тел людей и мутантов, наполнявшие ров, разбросанные по полю, исчезли. Наблюдая за одной из каруселей, он представил, как аномалия подхватывала останки, жадно высасывая их из переполненного рва, набирая силу, материализуясь багряным смерчем, а со всех сторон ее сжимали, деформировали направленные вдоль земли гравитационные удары беснующихся трамплинов, смерч пульсировал, заглатывая все новую и новую массу, пока не разрядился чудовищным взрывом…

«Срок жизни этих аномалий потому и короток, что они не успокаиваются ни на секунду», – подумалось Иноку.

– Ну, ничего себе!.. – Гурон присел рядом, его взгляд перемещался от экрана детектора к реальной картине происходящего и обратно. – Штопор, ты только посмотри! – Он тоже включил запись, понимая, что кадры, отснятые в реальном времени миниатюрной видеокамерой ПДА, фактически бесценны. – Ты на трехмерную модель взгляни! – Он произвел несколько переключений, развернув обработанное мини-компьютером изображение таким образом, чтобы получился вид сверху.

Инок вздрогнул. С избранного для наблюдения ракурса он видел лишь фронтальную часть сложного явления. На предложенной Гуроном схеме очаги аномальной активности, отмеченные ярко-алыми пятнышками, выстраивались в определенную систему. Непроходимое поле аномалий вытянулось вдоль рва, слегка искажаясь в сторону базы «Долга», и лишь в одном месте искривлялось, уходя в глубь Диких Территорий. Сравнив изображение с картой местности, он понял, что очаги воронок, каруселей и трамплинов возникли не хаотично, они перекрывали лишь те участки, где во время боя погибло наибольшее количество людей и мутантов.

– Зона прибралась? – нервно озираясь, спросил Штопор.

Неожиданная фраза ветерана заставила Инока оглянуться.

– Что ты сказал?

– Говорю – Зона порядок навела, – повторил Штопор. – Куда все трупы-то подевались? В пыль их? В переработку, на артефакты?

Слова Штопора заставили Инока по-другому взглянуть на происходящее. Оказывается, за два с лишним года, проведенных среди изуродованных пространств, он свыкся со многими явлениями, перестал задумываться об их истинной природе, многое принимая как данность. Не он первый задавал себе безответный вопрос: а что на самом деле представляет собой Зона? Как и почему возникают аномалии, откуда берутся мутанты, наделенные сверхъестественными способностями?

Глядя на беснующееся поле аномалий, он вдруг ясно понял, что простые, но туманные ответы его больше не устраивают. По поводу возникновения Зоны существовало множество различных гипотез, не выдерживающих никакой критики в свете последних событий. Целостность восприятия Зоны как единого явления внезапно начала разрушаться.

Включив коммуникатор, он сделал вызов.

– Бармен?

Некоторое время никто не отвечал, затем на несущей частоте связи

раздался хриплый, не то искаженный помехами, не то неузнаваемо изменившийся голос:

– Ну, чего тебе?

– Ты действительно в прошлом был сталкером?

– Вот заладил… – Бармен явно злился. – Да, был! Сколько повторять-то можно?

– Ладно, не психуй. На пару вопросов ответишь?

– Ну, спрашивай. Только сам знаешь, информация в нашем мире подороже артефактов будет.

– Рассчитаюсь. Не о том речь. – Инок поморщился. Все же у Бармена что-то неладное с головой происходит. Был ведь неплохой в принципе мужик. Откуда вдруг такая копеечная скаредность в нем появилась?

– Так что ты там спросить хотел?

– Ты знаешь, как возникла Зона? Только не нужно всякого бреда про инопланетян, ладно?

– Инок, ты что, к ученым решил податься?

– Не ответ.

– Выброс был. Первый. В апреле 2006 года.

– А до него? Опуская катастрофу 1986 года? Ее историю я знаю. Ты когда в Зону подался, Бармен?

– Давно. Еще в начале девяностых. Как страну развалили да жрать стало нечего.

– Стоп! Я не понял! Что, уже тогда кто-то в Зону ходил? Зачем?

– Да тут кого только не было в те времена, Инок! Лес, зараженный радиацией, вырубали, металл на экспорт из Зоны Отчуждения гнали, иногда даже целые, не разобранные машины, трактора, сельхозтехнику налево продавали. Потом еще военные тут постоянно находились. В Припяти валили всех, кто в город сунется. Уж прости, не в курсе, что они там так строго охраняли, мы туда поначалу и нос сунуть побаивались. А потом Первый выброс саданул, да так, что в Зоне Отчуждения мало кто в живых остался.

– А где произошел Первый выброс?

– На АЭС. Впрочем, точно я тебе сейчас не скажу. Тогда у нас ПДА еще не было, ходили так, с дозиметрами, да и то не все. Но эпицентр захватил не только атомную станцию. Припять, окрестности, в общем, километров двадцать по окружности.

– И сразу появились аномалии, мутанты, зомби?

– Нет, – категорично ответил Бармен. – Мутанты после миллениума появились. Не такие злобные и разнообразные, как теперь, но проблем все

же хватало. Вояки с ними постоянную борьбу вели. Иногда в Припяти, особенно по ночам, такой кавардак творился… Стрельба шла, потом, как правило, вонь по всей Зоне стояла. Это они трупы сжигали.

– Сжигали мутантов?

– Всех. И мутантов, и своих, кто погиб.

– Слушай, Бармен, ну радиоактивное железо в металлолом, древесина, машины, стройматериалы, – понятно. Но ведь их запасы не бесконечны. Чем же вы до Первого выброса себе на жизнь зарабатывали?

– Ты как расплачиваться будешь? – внезапно спросил Бармен.

– Ты об оплате не беспокойся. Тебя ведь новые артефакты интересуют?

– А что, еще нашли?

– Ты на вопросы сначала ответь.

– Да без проблем. – Бармен сипло рассмеялся. – За ваши деньги – любой каприз. А зарабатывали мы на том, что нелегальные научные группы в Зону Отчуждения водили.

– Чьи группы? Кто их посылал?

– Да все кому не лень. От колумбийских картелей, выясняющих воздействие радиации на рост некоторых растений, до откровенных шизофреников, ищущих нирвану. Полный спектр, так сказать. Они тут разные эксперименты ставили. Так что прав ты, Инок, никаких инопланетян не было. – Бармен опять жутковато хохотнул. – Людишки все.

– Значит, мутанты еще до Первого выброса появились… – Инок чувствовал, что от внезапного обилия новой информации у него в сознании потихоньку начинает что-то смещаться, ставя под сомнение некоторые, казалось бы, непреложные истины. – А артефакты, аномалии уже после него?

– Ага. И еще зомби. В серо-черной камуфлированной форме, да в странных таких комбинезонах, типа как яйцеголовые сейчас носят. Вот намучились мы с ними! Все из Припяти перли. Так что Штопору передай, пусть на меня не наезжает. Я его завалю, если еще раз возникнет.

– Все, понял. Жди нас, скоро в бар вернемся.

– А артефакты?

– Будут. Ты на руинах заводоуправления все собрал?

– Нет еще.

– Ну, так собирай. Только осторожнее.

– А ты не учи.

– Все, до связи. – Инок отключился. Разговор с Барменом дал столько неожиданной информации, что сознание в первые секунды

пробуксовывало, никакой стройной картины не получалось.

Он присел на высокий бортик, с торцов ограничивающий пространство покатой крыши.

– Вот ведь дела… – Он поднял взгляд. – Бармен говорит, что мутанты в Зоне еще задолго до первого выброса появились.

Гурон и Штопор переглянулись.

– Не может быть! – выдохнул ветеран. – Откуда ж им тут было взяться до выброса?

– Вот и я думаю – откуда? – Инок перевел взгляд на аномалии. – Оказывается два плюс два не всегда – четыре, – задумчиво произнес он. – Раньше мы ведь думали, что новые аномалии возникают только в период выброса, верно?

– Ну да! – кивнул Гурон.

Инок молча указал вниз.

– А эти?

Штопор пожал плечами.

– Может, условия какие-то совпали? – высказал предположение Гурон.

– Правильно мыслишь. Только условие у нас одно: массовая гибель людей и мутантов. Не выдержала Зона. Помнишь, что говорил Бармен? Если уничтоженное «О-сознание» действительно контролировало происходящее, как-то упорядочивало, стабилизировало выбросы пси-энергии, то теперь Зона по определению должна измениться. Внеплановый выброс, появление аномалий точно в эпицентрах массовой гибели людей и мутантов только подтверждают это.

– Что-то ты совсем мудрено говоришь, Инок. – Штопор попытался почесать в затылке, но рука наткнулась на боевой шлем. – Почему ты решил, что появление аномалий как-то связано со штурмом базы «Долга» и нападением мутантов?

– Вижу. – Инок коротко указал на ПДА, затем сделал широкий жест в сторону продолжающих бесноваться аномалий. – Когда гибли боевики и мутанты, каждый из них переживал собственную смерть. А еще контролер усугубил ситуацию, усилил эмоции своим воздействием. Выходит, что выброс – а тут произошло что-то схожее с ним, только в локальном масштабе – это наших, человеческих рук дело?

– Ерунда. – отрезал Штопор. – Зона – она всем управляет. Все видит или чувствует. Кого-то милует, кого-то сжирает.

– Ты просто не хочешь искать ответа на вопросы.

– Не хочу. Инопланетяне – тоже нормально. Зачем сталкеру знать,

отчего Зона куражится? Наше дело – хабар собрать да в живых остаться. А ответы пусть ученые ищут. Им, а не нам за открытия деньги платят.

Вот такая философия… Инок не осуждал Штопора. Сам ведь тоже поддался, перестал удивляться, привык к постоянной опасности и соседству необъяснимых явлений. Тоже – артефакты собирал, с аномалиями смертельную рулетку крутил да жизнь свою с оружием в руках защищал. Как говорили древние? Постоянное чувство опасности вырабатывает презрение к ней? А заодно разум удобненько так приспосабливается к данности. Действительно, зачем себя лишней информацией перегружать? Выжил, и ладно. Артефактов набрал – хорошо. Потом вон как Штопор, плюнуть на все и ноги отсюда, на райские острова.

Вот только Зона не отпустит.

«Где мы – там и Зона, – внезапно подумал Инок. – В голове она у каждого сталкера».

– Слушай, Гурон, а вот тебе лично легче тебе становится от мысли о счете в швейцарском банке? – спросил он, продолжая размышлять, но теперь уже вслух.

– Конечно. Обеспеченное будущее, – кивнул напарник.

– А сам в Швейцарии бывал хоть раз?

– Нет. Как после армии попал сюда, так и… – Гурон с подозрение взглянул на Инока, не понимая, где же подвох.

– Выходит, что ты жить вне Зоны Отчуждения и не пробовал? – Инок внимательно следил за окрестностями, то и дело щурясь, будто в глаза било солнце.

– Не пробовал.

– А зря. Сходи за кордон, потусуйся месяцок. Может, поймешь, что к чему… – пробурчал Штопор.

– Да что я понять-то должен? – не выдержал сталкер.

– Крыша у нас всех давно съехала, вот что, – со знанием дела произнес ветеран. – Сталкер вне Зоны – явление социально опасное.

– Ты нормально объясни, а?

– А что тут объяснять? – Штопор тяжело вздохнул. – Думаешь, сбежав отсюда, я переключился, другим человеком стал? Нет. – Он покачал головой. – Зона просто так никого не отпускает. Первые полгода я вообще спал урывками. Кошмары мучили. Все твари местные грезились. Бывало, проснешься в ледяном поту, а рядом что-то теплое, мягкое, льнет к тебе, как кровосос в смертельном объятии – я так одну подругу чуть не задушил, а другую едва дурой на всю жизнь не сделал.

– Это как? – удивился Гурон.

– Молча. В отеле дело было. Просыпаюсь – нет рядом никого. Пока от очередного кошмара в себя приходил, адекватность искал – глядь, а в дверном проеме марево струится. На окно посмотрел – такая же чуть приметная пленка, течет от пола к потолку, едва видно, как предметы за ней на подоконнике искажаются. Внутри, знаешь, могильным холодом потянуло. Думаю – аномалии. Только неправильные, незнакомые. Я рукой стал шарить по прикроватному столику, искать, чем это марево проверить. Расстояние прикинул – если ту, что в дверях образовалась, потревожить, то разрыв по любому меня не достанет. Вдруг чувствую: в глубине коридора, в сумраке, тень какая-то движется. Медленно так… Совсем тоскливо стало. Думаю, давай, тварь, подойди поближе, тебя-то аномалия точно подхватит… Тут пустая пепельница под руку подвернулась. Я ее на вес прикинул, потяжелее болта будет, ну и швырнул со всей дури.

– И как? Что за аномалия была?

– Да какая аномалия, Гурон? – с досадой произнес Штопор. – Похолодало под утро, в дверном проеме и у окна тепловые завесы включились. Это воздух подогретый струился.

– А подруга при чем?

– Она кофе мне в постель несла. Ну, ей пепельницей в лоб и прилетело. Хорошо не насмерть.

– Расстались? – добродушно поинтересовался Инок.

– Неделю в больнице лежала с сотрясением мозга. Я ей объясняю, что плющит меня на нервной почве, говорю: повезло тебе, что «калаша» под рукой не оказалось – тень в коридоре я бы точно очередью проверил, а она… в суд на меня подала, в общем.

– Н-да… – Гурон, похоже, задумался. – Может ты и прав. Инок, а чего мы тут застряли?

– Скоро вечер. Идти через военные склады и Радар ночью – слишком большой риск.

– Остановимся в баре? До утра?

Инок кивнул.

– С Сидоровичем надо бы связаться. У Бармена наверняка есть надежный коммуникационный канал.

– С чего ты так решил? – Штопор выпрямился. Сидеть и наблюдать за беснующимся полем аномалий ему явно надоело.

– Торговцы связь между собой постоянно поддерживают. Пошли.

* * *

Возвращаясь в бар, они увидели спешащего им навстречу Юрку

Винтореза. Он выглядел испуганным: лицо бледное, глаза водянистые, волосы растрепаны. Довольно жалкое зрелище, учитывая атлетическую фигуру сталкера и его бесстрашие во всем, что не касалось явлений необъяснимых и неодолимых при помощи физической силы и оружия.

– Что стряслось? – Инок остановился.

– Бармен! – задыхаясь, выдавил Винторез.

– Что с ним?

– Не знаю! Принес очередной артефакт и упал. Как шел, так плашмя и рухнул! Даже рук не подставил, чтоб лицо не разбить! Я, это… Перевернул его, а он…

– Ну?

Винторез промычал что-то нечленораздельное. Его побелевшие губы мелко дрожали.

В баре царила непривычная тишина. Раньше здесь вообще трудно было протолкнуться, а теперь пустое помещение пугало гулким эхом.

Владелец «Ста рентген» лежал в нескольких шагах от открытой двери подсобки. Рядом, подрагивая сантиметрах в пятнадцати над полом, левитировала Черная Душа. Призрачный зеленоватый свет, источаемый артефактом, освещал изменившееся до полной неузнаваемости лицо Бармена.

Вообще мужик он был плотный, высокий, таким его запомнили сталкеры, а сейчас их потрясенным взглядам предстала жутковатая картина: впалые щеки, резко обозначившиеся скулы, заостривший нос, плотно сжатые бескровные губы, пустые с белесой поволокой открытые глаза…

– Что это с ним? – Штопора передернуло.

– А ведь говорили: не трогай незнакомые артефакты голыми руками! – с досадой произнес Гурон.

Инок молча склонился над усохшим, исхудавшим за какие-то полчаса телом. В стылой тишине характерно щелкнули анализаторы автоматической армейской аптечки, в торце цилиндрического устройства осветился миниатюрный дисплей, по экрану побежали изломанные нити графиков, появились какие-то данные.

– Сердце работает, но очень медленно, – через некоторое время произнес Инок, – пульс слабый, дыхание почти невозможно уловить.

– А что система анализа? – Гурон недобро покосился на артефакт.

– Зависла. Не в состоянии сформулировать диагноз. Я думаю, у него общий упадок сил.

– Ну, это и так видно, – откликнулся Штопор. – Надо же так исхудать. Ты-то куда смотрел, Винторез?

– А что? Он сам не свой был, пока артефакты таскал. Я тут сидел, в баре. Водку пил. Рука-то болит. А он как мимо идет – зыркнет, только мороз по коже.

– Гурон, посмотри, есть ли еще в запасе контейнеры? Надо Черную Душу убрать. – Инок, так и не дождавшись, чтобы автоматика армейской аптечки произвела какие-либо инъекции, выпрямился, пряча устройство в специальный штатный чехол, расположенный на правом бедре. – Мне лично все понятно, – неожиданно добавил он. – Обычная Душа, иногда образующая на месте аномалий «карусель», обладает целебными свойствами. Если ее прикрепить к ране и подождать пару часов, под воздействием артефакта начинается ускоренное заживление.

– А почему? Чем Черная Душа, по-твоему, отличается от обычной? – Гурон как раз вышел из подсобки с герметичным контейнером. Открыв крышку, он осторожно приблизился к артефакту, присел, чуть отвернувшись, чтобы призрачный свет не бил в глаза, затем ловко загнал порождение сдвоенной аномалии в ловушку и быстрым движением закупорил ее.

– Ну ты загнул, Гурон. Что ж Инок – ученый, что ли? Как он тебе объяснит? – возмутился Штопор.

– Объясню. – Инок сел на перевернутый ящик. – Здесь, по-моему, работает элементарная логика. Кто, как правило, становиться добычей карусели?

– Мутанты, – откликнулся Винторез. – Сталкеры карусель стороной обходят. Не дураки ведь. Ее и без детектора определить не сложно, если внимательно по сторонам смотреть.

– Мутанты, да не все. Кровососы и снорки аномалии за версту чуют. О контролерах я говорить не стану. – Инок посмотрел на Бармена, покачал головой и продолжил: – По моим наблюдениям, в «карусель» в основном смелые собаки, кабаны да псевдоплоти попадают. У них рассудок примитивный, зато организмы в результате мутаций приобрели способность к регенерации. Вот и выходит, что обыкновенная душа как бы наследует некоторые способности мутантов.

– Ну, допустим… – В глазах Штопора по-прежнему читалось недоверие. Больно уж умный и рассудительный Инок для обыкновенно сталкера. – Ну, а Черная Душа? Ты ведь не знаешь ее свойств.

– Одно из ее свойств мы видим, – мрачно отозвался Гурон. – Инок прав. Сдвоенная аномалия образовалась на месте гибели боевиков.

Способностям к регенерации и особой живучестью они точно не обладали. А вот злобы у них было хоть отбавляй.

Инок кивнул.

– Черная Душа и душа обыкновенная – антиподы, – согласился он с мнением Гурона. – Нам выпала уникальная возможность наблюдать причину и следствие. Мы знаем, что находилось на месте аномалии, видим порожденный ею артефакт и наблюдаем его свойства.

– Рассуждаешь прям как Болотный Доктор. – Штопор язвил, потому что было обидно. Очевидные вроде бы вещи. Почему сам не додумался? – Ты, Инок, решил загадки Зоны изучать? Думаешь, это к добру приведет?

– Бармена, может, в подсобку перенесем? – Гурон неодобрительно посмотрел на сталкеров. – Там хоть топчан есть.

Инок кивнул, вставая. Вдвоем со Штопором они подняли бессознательное тело.

– Сюда несите, – раздался из смежного помещения голос Гурона.

В подсобке стояли топчан и небольшой стол, напротив высился стеллаж для хранения артефактов, в торце помещения угловато выступал из стены массивный добротный сейф. Бармена уложили на топчан, укрыли найденным тут же шерстяным одеялом. Выглядел он, конечно, ужасно, хотя шансы выжить у него были. Инок осмотрел ячейки стеллажа, вскрыл несколько контейнеров, но души не нашел.

Гурон, следивший за его действиями, на минуту вышел, затем вернулся. В его руках, завернутый в тряпицу, лежал артефакт «кровь камня» – еще одно порождение аномалии «карусель». По целебному воздействию на организм человека продолговатый, корявый брикет, спрессованный из подвергшихся структурным изменениям органических веществ, конечно, не дотягивал до уникальных свойств души, но в сложившейся ситуации – хоть что-то.

– На, возьми. – Он протянул артефакт Иноку. – Я подержу Бармена, а ты закрепи «кровь камня» ему на груди. Даст Зона, оклемается.

* * *

Через пару минут, завершив перевязку, они вернулись в общее помещение бара.

– Винторез, ты не в курсе, где у Бармена пункт связи расположен? – спросил Инок.

– Там посмотрите. – Юрка указал на металлическую дверь, которую раньше никто из сталкеров не замечал. Она была скрыта от посторонних глаз большим фанерным щитом, на котором кто-то достаточно подробно

изобразил карту Зоны.

– А ключи?

– Она не заперта. – Винторез мрачно глушил водку, явно надеясь отключиться. Видно, постоянная боль в руке и предельное моральное напряжение окончательно доконали его.

– Ты шел бы поспал. Мы все равно останемся до утра.

Юрка хмуро взглянул на Инока, затем согласно кивнул.

– Дежурить будете? – на всякий случай спросил он.

– А сам как думаешь? – возмутился Штопор, тоже взвинченный чередой напряженных событий. – Нет, спать завалимся, а ночью Бармен очнется, глотки нам всем перережет. Зона его знает, что у него теперь на уме-то?

– Иди, Винторез, не майся, – кивнул Гурон.

Инок тем временем уже открыл металлическую дверь. За ней обнаружился длинный, уводящий вниз коридор с несколькими боковыми ответвлениями. Один из тоннелей точно вел в подсобку. Вероятно, вход в него со стороны помещения, где сейчас находился Бармен, скрывала одна из секций стеллажа с артефактами.

– Прямо. – Инок включил фонарь. Луч света разогнал тьму, уперся еще в одну дверь. За ней оказался склад, дальше по коридору обнаружилась оружейная комната, и, наконец, в самой дальней части подземелья они отыскали небольшую, примерно два на два метра, комнатушку узла связи.

В центре стояло потертое офисное кресло. У стены на длинном узком столе размещались два погашенных монитора и армейский коммуникационный комплекс, от которого в потолок уходил толстый кабель, мутно отсвечивающий глянцевитой пластиковой изоляцией. Под столом впритык к стене серели два неработающих в данный момент системных блока персональных компьютеров.

– Свет-то есть? – Гурон огляделся, отыскал самодельный распределительный щиток и присвистнул: – Смотри-ка, автономно все запитано!

– Аккумуляторы? – Инок включил системные блоки, затем утопил кнопку с надписью «Power», расположенную на лицевой панели комплекса связи.

– Тут несколько контейнеров для артефактов, – ответил Гурон. – Соединены между собой кабелями.

– Интересно, а в контейнерах что? – полюбопытствовал Штопор.

– Руками ничего не трогай, – не оборачиваясь, предупредил его Инок. – Мало тебе приключений на сегодня?

– Да я и не собирался. Так просто спросил. – Штопор обиженно отошел в сторону.

Тем временем загрузились компьютеры, осветились два монитора. На одном возникла испещренная непонятными пометками электронная карта Зоны, второй показал пустое оперативное окно системы видеосвязи.

– Наверное, где-то на зданиях мощная антенна установлена, – предположил Инок. – Или вообще через спутник связь идет.

– Программа незнакомая. – Гурон внимательно посмотрел на монитор. – Такое ощущение, что не серийная. Самоделка.

– Может, и так. Нам в данном случае не все ли равно? – Инок дождался, пока на комплексе связи перестанут помаргивать индикаторы, затем указал Гурону на кресло: – Давай, необходимо найти список абонентов.

Некоторое время Гурон возился с сервисной оболочкой незнакомой ему программы.

– Пароли стоят. База данных недоступна.

– А если вот тут поколдовать? – Инок указал на вариатор частот связи. – Попробуй ввести характеристики обычного коммуникационного канала.

– Ну, а дальше? На открытой частоте разговаривать будем? Слушай кто хочет?

– Ты сначала связь установи.

Через некоторое время, введя нужные параметры несущей волны, Гурон включил на панели армейского комплекса функцию громкой связи и, откинувшись на спинку удобного кресла, произнес:

– База «Долг» вызывает Кордон. Повторяю…

Торговец ответил не сразу. Гурон минут пять повторял вызов, прежде чем аудиосистема комплекса передала на удивление чистый, не забитый помехами, узнаваемый голос:

– Кордон на связи. Кто говорит?

– Сталкеры, – лаконично ответил Инок. – Нам необходим закрытый канал для передачи информации. Сами активировать его не можем. Хозяин не в состоянии дать код доступа к системе. Надеюсь, я высказался понятно?

– Вполне. – Сидорович соображал быстро. – Закройте программу и ждите. Вызову сам. Код доступа для работы на закрытых частотах – серийный номер ПДА хозяина.

– Понял. Ждем вызова.

Динамики сухо щелкнули.

– Штопор, принеси ПДА Бармена, – попросил Инок.

* * *

Через пару минут прозвучал сигнал вызова.

После ввода нужного сочетания цифр на экране монитора в открывшемся оперативном окне появилось лицо торговца.

– Ну, хвала Зоне, живые! – Сидорович шумно выдохнул. – Что там у вас произошло? Я весь извелся уже!

– Базу «Долга» атаковали боевики Борова. – Инок решил, что обрисует ситуацию в общих чертах, не вдаваясь в некоторые детали.

На краткое изложение событий у него ушло всего пара минут.

– Важной информации у нас хватает, но она слишком ценна, чтобы доверять ее связи, – завершил он короткий рассказ о событиях. – Извини, Степан Сидорович, но у меня нет полной уверенности, что разговор не прослушивают. Могу лишь сказать, что наша вылазка уже окупилась с лихвой.

– Значит, Бармен вне игры?

– Время покажет, – пожал плечами сталкер. – Если выживет, то сам на связь выйдет.

– Образцы артефактов соберите. Схрон сделайте. Потом мне координаты скиньте.

– Хорошо, – согласился Инок. – Мы оставим один контейнер с Черной Душой под жестяным козырьком на крыше граничащего с Дикими Территориями цеха.

– А информация?

– Ее сами доставим, – покачал головой Инок. – Я еще не решил, что с ней делать.

– Постой, это как же? Выходишь из игры? – насупился торговец.

– Черная Душа по определению перекрывает сумму выданного нам кредита. – Сталкер был непреклонен. – Тем не менее мы готовы продолжить и собираемся выполнить условия договора, добравшись до Припяти.

– Инок, а если вы погибнете?

– Вот об этом следует поразмыслить. Никому не хочется умирать. Что слышно от информаторов? Не хотелось бы влипнуть в случайную заваруху.

– Ладно. Я понял. Все равно спорить с тобой бесполезно. На Радар не ходите. Мне точно известно, что там военные сегодня десант высадили. Пытаются отбить сектор.

– С кем они схлестнулись?

– «Монолит». – Сидорович нахмурился. – Такое ощущение, что

несмотря на огромные потери, Секта еще сильнее стала после вчерашнего выброса. Как будто Зона новых бойцов под ружье поставила. Из Припяти никаких вестей пока нет. Так что советую хотя бы сутки пересидеть на базе «Долга».

– Выходит, Выжигатель не работает? Я правильно понял? – уточнил Инок.

– Правильно.

– Отлично. Рад, что отпала необходимость его проверять. Мы подумаем, каким маршрутом идти. Еще что-то интересное для нас есть?

– Больше ничего. Я Болта пришлю за контейнером. Утром.

– Хорошо. Договорились. Я Винтореза предупрежу и код связи ему оставлю. Он теперь базу «Долга» один охраняет.

– Добро. Себя берегите. – Сидорович сделал знак Иноку – надо бы наедине поговорить.

– Штопор, сходи, разбуди Винтореза. Скажи, что мы уходим сегодня.

Ветеран молча вышел.

– Можешь говорить, Степан Сидорович. Все свои.

– Инок, есть к тебе еще задание. – Торговец почесал в затылке. – В общем, со мной профессор Сахаров на связь вышел. Знаешь его?

Инок кивнул. Базу ученых на озере Янтарь они с Гуроном посещали регулярно.

– Проблемы у него.

– Сейчас у всех проблемы. Мы на Припять идем, не забыл? Озеро Янтарь нам не по пути.

– Нет, не забыл. Он группу к центру Зоны посылал, когда Выжигатель отключился. Не из исследовательского персонала, а боевую. В последний раз они выходили на связь с окраины Припяти, перед самым выбросом. Дальше тишина.

– И что?

– У них какие-то очень важные данные. Не то документы, не то результаты замеров. В общем, Сахаров сам не свой. А послать на поиски ему некого. Улавливаешь?

– Улавливаю. Кого нам следует искать?

– Сталкера. Позывной – Логист. Он на Сахарова давно работает. В общем, если получится, выведи его из Припяти. Или, на худой конец, забери документы, ПДА, короче, любые находящие при нем электронные и бумажные носители информации.

– И будет нам счастье? – хмыкнул Гурон.

– Будет, – пообещал Сидорович.

– Хорошо, – согласился Инок. – Дойдем до Припяти, сориентируемся. Если жив Логист – выведем.

– Вот и славно. Сахаров конкретных сумм не называл, но ты его знаешь, в долгу не останется.

– Разберемся, Степан Сидорович. Сделаем, что в наших силах, но предупреждаю: если ПДА Логиста не функционален, лазить по всем подвалам города в его поисках мы не станем.

– Это уж как Зона рассудит, – кивнул торговец. Он хотел добавить что-то еще, но лишь махнул рукой. – Удачи. И до связи.

Экран погас.

Часть вторая Припять

Глава 4 Тоннель

– Инок, а о каких маршрутах ты говорил? – с нехорошим предчувствием спросил Штопор, когда сталкеры вернулись в бар.

– Думаю, нам следует воспользоваться известным тебе тоннелем. До него ведь недалеко, верно?

– Путь аномалиями блокирован! – тут же запротестовал ветеран.

– Они скоро исчезнут, – успокоил его Инок. – В крайнем случае сделаем крюк по Диким Территориям. Обойдем.

– А что, пересидеть сутки тут, пока вояки с монолитовцами между собой не разберутся, – это уже не вариант?

– А ты сам подумай. Пока «Монолит» держит рубежи на Радаре, много ли боевиков секты в Припяти? Тем более что в подземелья так или иначе придется идти. Твой тайник ведь там?

– Там, – вынужденно согласился ветеран.

Гурон, молча слушавший их диалог, высказал мнение:

– Путь под землей опасен, но его нужно проверить. Военные и монолитовцы, если верить словам Сидоровича, совсем озверели. Втроем прорываться через их боевые порядки – плохая идея. Сидеть тут, ожидая, пока все уляжется, тоже рискованно: где гарантия, что сюда спецназ или военных сталкеров не высадят? Нам теперь все заново начинать нужно. Жизнь налаживать. Я, например, в большой мир не стремлюсь. Что я там не видел? Значит, новые маршруты нужны, жизнь ведь продолжается. – Он усмехнулся. – Не дрейфь, Штопор, прорвемся. И тайник твой отыщем, и выживших сталкеров, даст Зона, из Припяти выведем.

– Ну, да. Спасатель, тоже мне… Они по подвалам сидят…

– Все. – Инок неодобрительно взглянул на Штопора. – Вопрос закрыт двумя голосами против одного.

Винторез, услышав новость, не обрадовался.

– Куда на ночь-то глядя? Совсем страх потеряли? Хоть бы поспать дали по-человечески!..

– Выспишься еще. – Инок быстро собрал все необходимое, проверил системы бронекостюма и подытожил: – Двери за нами закрой. Утром сталкер с Кордона придет от Сидоровича. Если увидишь, не пристрели ненароком. Все, мы пошли. Удачи тебе, Винторез.

* * *

К полю аномалий вышли еще засветло.

Все трое остановились, пораженные увиденным: бесновавшиеся сплошной стеной очаги аномальной активности исчезли, оставив после себя десятка два артефактов, в числе которых над голой, потрескавшейся, спрессованной ударами гравитационных волн землей трепетно подрагивали, источая ядовито-зеленое сияние, штук шесть Черных Душ.

– Инок, ты у нас скоро провидцем станешь! – восхищенно воскликнул Штопор. – Вот это да! – В его глазах разгорался уже знакомый огонек, не принесший Бармену ничего хорошего.

Гурон, заметив реакцию ветерана на неожиданно открывшееся зрелище, придержал того за плечо:

– Остынь. Всех денег не заработаешь.

– Сам разберусь! – Штопор вырвался и упрямо пошел вперед, на ходу открывая сборку из пяти контейнеров.

– Пусть идет. – Инок тоже отцепил от пояса герметичные ловушки, предназначенные для сбора артефактов. – Оставлять Черные Души нельзя. Придется собрать. Штопор, притормози!

– Ну?

– Берем каждый по паре новых артефактов. Станешь вести себя как Бармен – пристрелю!

– А ты попробуй! – окрысился Штопор, но недвусмысленное движение Гурона, вскинувшего автомат, быстро охладило его пыл: – Ладно. По две так по две. А что с остальными артефактами?

– Собираем, – лаконично ответил Инок. – Только с ума не сходи, договорились?

– Да без проблем.

Они осторожно приблизились ко рву. Штопор уже не рвался вперед и очередной приказ Инока оспаривать не стал.

– Двое собирают артефакты, третий прикрывает. Штопор, ты первый. – Инок пошел в направлении ближайшей Черной Души.

Чем ближе к артефакту, тем тягостнее. Гнетут сознание разные мысли. Земля под ногами плотная, спрессованная, будто асфальт. От надолбов и заграждений из колючей проволоки не осталось и следа. Да и ров заметно обмельчал. Ни тел, ни оружия, ни фрагментов экипировки, все исчезло, остались лишь трепещущие, мерцающие огни…

Инок загнал Черную Душу в контейнер, и сразу стало легче. Потом все повторилось со следующим артефактом…

– Штопор, собирай. Я прикрою.

Ветеран кивнул, торопливо пошел к зеленоватой ауре, и через минуту

та угасла.

Еще одна Черная Душа в контейнере.

«Надо будет Штопора надоумить, чтобы два доставших ему артефакта ученым отнес, на озеро Янтарь, – подумал Инок. – Нельзя их из Зоны вывозить».

Заметив, что Гурон наполнил свои контейнеры, Инок кивнул ему:

– Смени меня.

Невдалеке трепетала обыкновенная душа. Странно, но она образовалась примерно в том месте, где погиб контролер.

Инок загнал ее в ловушку. Затем, осмотрев ровное поле перед базой «Долга», произнес:

– Ну что, Штопор. Веди.

* * *

Зона Отчуждения. Западная окраина сектора «Свалка»

Сгущались сумерки, когда Штопор остановил продвижение группы.

Полчаса назад они миновали брошенный долговцами блокпост, свернув налево. Кислотное небо хмурилось, под облаками проносились призрачные, неясные сполохи, над отвалами радиоактивных отходов курилось марево испарений.

– Здесь, по-моему. – Ветеран под прикрытием сталкеров спустился по склону густо заросшего кустарником оврага. Некоторое время снизу, из тьмы доносился треск, затем коммуникаторы передали его хрипловатый голос: – Нашел!

– Куда идти-то? – Гурон включил систему ночного видения, но разглядеть позицию Штопора не сумел, мешали помехи, создаваемые повышенным фоном радиации.

– Ориентируйтесь на поваленное дерево.

Инок засек ориентир и начал спускаться по крутому склону. Гурон пока остался наверху, контролируя окрестности.

Жизнь понемногу возвращалась на опустевшие после выброса территории. Недалеко от оврага вот уже несколько минут мелькали силуэты псевдоплотей. Они чувствовали сталкеров, но подступиться боялись. В отличие от других тварей, тупая агрессия не была им свойственна, скорее напротив: этот вид мутантов проявлял чрезмерную осторожность, нападая на слабые, не способные к сопротивлению жертвы, а то и вовсе питаясь падалью.

Инок еще не преодолел и половины пути, как в сотне метров от оврага

появилось стадо кабанов. Плоти, нервно и жалобно вскрикивая, тут же растворились в сумерках. Гурон, готовый в любую секунду отразить атаку мутантов, быстро сменил автоматный магазин. Стрелять по кабанам разрывными – занятие самоубийственное. Только бронебойными, в голову, причем первым необходимо валить вожака.

«Вот расплодится тут мутантов…» – подумалось ему. Раньше хоть сталкеры их отстреливали, а теперь? Еще парочка внезапных выбросов, и Свалка станет такой же опасной и труднопроходимой, как и Дикие Территории.

– Гурон, как обстановка? – раздался по связи голос Инока.

– Кабаны. Наверное, их привлек шум.

– Спуститься сможешь?

– Попробую. Они близко уже.

– Давай на рывок. Мы прикроем.

Гурон привстал. Мысленно прикинув расстояние до поваленного дерева и направление на него, он взглянул на детектор аномалий, шумно выдохнул и, повернувшись спиной к приближающему стаду, нырнул в овраг.

Инок и Штопор заняли позиции за массивным, неохватным, но уже порядком подгнившим стволом вывороченного с корнем пирамидального тополя. Отсюда хорошо просматривался край оврага – неровный срез тьмы на фоне горчично-коричневых облаков. Вот мелькнул и тут же исчез силуэт Гурона, раздался треск ломаемых ветвей кустарника, и в слабом, призрачном свете, сочащемся из-под небес, внезапно появились темные силуэты нескольких кабанов. Первым на край оврага выскочил вожак. Его фигура выглядела угрожающей. Здоровенный, матерый вепрь ростом с годовалого бычка резко притормозил, не понимая, куда подевался человек. Данный тип мутантов отличался необычайной живучестью и огромной физической силой, но Зона явно обделила кабанов таким немаловажным качеством, как сообразительность. Они атаковали тупо, яростно и прямолинейно, часто теряясь в ситуациях, когда намеченная жертва вдруг пропадала из поля зрения. Этим нередко пользовались кровососы. Однажды Иноку удалось наблюдать, как несколько тварей, чье логово располагалось в полуразрушенной мельнице неподалеку от базы группировки «Свобода», охотились на кабанов. Они намеренно не использовали способность к мимикрии, дав кабанам увидеть себя, довели их до яростного исступления, а затем, быстро отступив к ветхим постройкам брошенной людьми деревушки, внезапно исчезли.

Кабаны, оказавшись в несвойственной для них ситуации, растерялись. Кровососы то появлялись, то исчезали, постепенно разделяя стадо, заставляя мутантов без толку носиться по улочкам. Инок тогда затаился на чердаке одного из домов и отлично видел, как сбитые с толку кабаны были безжалостно уничтожены поодиночке.

– Не стреляй. – Он коснулся руки Штопора, наблюдая за вепрем. Тот рвал землю, вспарывая ее изогнутыми клыками, но понять, что сталкер попросту спустился на дно оврага, так и не сумел. Гурон, вломившись в чащу кустарника, затаился, вокруг разлилась тишина, нарушаемая лишь звуками мечущегося вдоль обрыва стада.

Через некоторое время разъяренные кабаны, услышав невдалеке причитающие вопли псевдоплотей, исчезли во мраке.

– Гурон, все чисто, – выждав для верности еще пару минут, произнес Инок.

– Понял, иду.

– Нервы у тебя железные, – произнес Штопор. – Я бы не выдержал, выстрелил.

– Зачем патроны тратить? Мы же не долговцы, чтобы бороться с Зоной за идею.

Штопор нервно усмехнулся.

– Считаешь, они действительно верят в то, что говорят? Разве, уничтожая мутантов, «Долг» реально влиял на ситуацию?

– Некоторым людям жизненно необходима идея, – сдержанно ответил Инок. – Особенно тут. Аномальное пространство особенно влияет на психику. Здесь души мгновенно лишаются напускной шелухи. Разве не заметил? Зона не терпит *оборотней*.

– В каком смысле? – Штопор вдруг побледнел.

– Все просто. – Инок усмехнулся своим мыслям. – Во внешнем мире жизнь – постоянная игра. Немногие задумываются над этим. И еще меньшее количество людей признают, что им приходится притворятся, скрывать свои мысли, делать не то, что хочется, сохранять лицо и так далее. В итоге наша истинная сущность прячется так глубоко, что ее не сразу и разглядишь. Вот ты, к примеру, ужиная вечером в ресторане, четко и недвусмысленно понимал, кто есть кто?

– Да как же их поймешь? В основном все ведут себя чинно, улыбаются друг другу. Бывают, конечно, исключения, но редко.

– Вот и я о том. А теперь припомни: заходя в тот же бар на базе «Долга», ты разве не видел, кто есть кто?

– Видел, конечно. Тут не спрячешься. – Штопор помрачнел. – Я

Бармена сейчас вспомнил, – признался он. – И его ведь Зона вскрыла в конце концов. Да и сталкеры-одиночки по большинству долго не выдерживают. – Ветеран призадумался. – Примыкают к группировкам. Я раньше считал, что они защиты, безопасности ищут…

– Нет. Просто у многих быстро проходит период неопределенности. Сам ведь знаешь, как жутко бывает одному. На вере в деньги долго не продержишься, любить здесь по большому счету нечего, вот и получается, что большинству нужна хоть какая-то идея.

– Интересно, а во что верят бандиты?

– Они слабые, – неожиданно ответил Инок. – Но хотят верить в свою исключительную силу… Зона – она как срез нашей цивилизации. Только без прикрас. И чтобы остаться тут одиночкой, нужно упасть на самое дно. Понять, кто ты есть. А потом снова найти силы жить, но уже без иллюзий. Прежде всего – без иллюзий относительно себя, мотивации собственных поступков.

– Философ ты, однако… – вздохнул Штопор.

Ветки кустарника слабо зашелестели.

– Гурон? – Инок машинально приподнял ствол автомата.

– Тут я. О чем это вы беседуете?

– Да так. О вечном.

Гурон ничего не ответил. Была у Инока такая странность: любил он поразмышлять вслух, вводя в смятение неудобными вопросами. Оттого его многие сталкеры не понимали, а следовательно, побаивались.

– Ну, если наговорились, давай, Штопор, веди.

* * *

Спуск в тоннель, случайно обнаруженный два года назад Брокером, располагался под корнями поваленного тополя. Оплывший от дождей провал в земле, надежно скрытый густыми зарослями кустарника, было практически невозможно обнаружить, не зная его точного местоположения.

Внизу царил непроглядный мрак.

Штопор отворотил присыпанный землей металлический лист, под которым в тайнике обнаружился свернутый в бухту синтетический канат с завязанным через равные промежутки узлами. Разматываясь на лету, он исчез во тьме.

– Высота – метров семь. – Штопор подергал канат, проверяя, прочно ли тот закреплен на стволе вывороченного с конем дерева. – Кто первый?

Инок повесил автомат на грудь, отпустил ремень с таким расчетом, чтобы иметь возможность открыть огонь, удерживая оружие одной рукой,

затем сполз в углубление, скользя спиной по наклонной стене провала, обхватил ногами канат и, уже раскачиваясь, включил подствольный фонарик.

Широкий конус света вспорол мрак.

Внизу возвышался размытый дождями бугор. Из-под него выползали рельсы железнодорожного пути. Потрескавшиеся бетонные стены тоннеля покрывали влажные пятна, кое-где ютился мох, в разломах тюбингов поблескивала зеленоватая, слегка флюоресцирующая слизь.

Детектор аномалий тут же начал издавать слабые предупреждающие сигналы.

Инок быстро соскользнул вниз, огляделся. За спиной – обвал, перегородивший тоннель. Из-под груды разбитого бетона, перемешанного с землей, виднеется край железнодорожной платформы.

Он отступил на пару шагов, включил систему ночного видения.

– Спускайтесь. Прикрываю.

Раздался шум, вниз посыпались комья земли, под сводом тоннеля мелькнул луч фонарика.

– Ну как? – Штопор присел рядом с Иноком.

– Фонарь погаси.

Слепящий луч света исчез.

Сверху снова послышалась возня, затем в подземелье соскользнул Гурон.

* * *

Над Свалкой металась беспокойная ночь.

Меж огромными холмами под нудной осенней моросью мокли сотни остовов свезенных сюда после первой катастрофы автомашин, по склонам радиоактивных отвалов, когда-то присыпанных землей, а теперь размытых дождями, блуждали сполохи призрачного света, изредка короткими вспышками, хлопками или разрядами обозначали себя аномалии, мутанты стаями и поодиночке перемещались в поисках добычи.

Казалось, что люди уже больше никогда не вернутся в захваченный Зоной сектор и тут навсегда воцарится иная жизнь – жутковатая и непонятная.

Однако мысль о полном отсутствии людей оказалась ошибочной.

Уже стемнело, когда на территории Свалки появился одинокий сталкер. Его лицо скрывала дыхательная маска, под куртку из непромокаемой ткани был поддет легкий бронежилет. Он шел осторожно и бесшумно, не обращая внимания на доносящиеся из тьмы угрожающие

звуки, не оглядываясь на неясные, мелькавшие поблизости тени.

Не доходя до оставленного долговцами блокпоста, он свернул к оврагу, двигаясь уверенно, будто точно знал дорогу. На минуту задержавшись у края обрыва, он прислушался, а затем начал спускаться. Ни одна ветка не хрустнула под его ногами. Сталкер перемещался будто тень. Каждое движение, точное и выверенное, выдавало в нем профессионала того уровня, что не часто встречаются в Зоне.

Благополучно добравшись до ведущего под землю провала, он вновь остановился, прислушиваясь. Не заметив ничего тревожного или подозрительного, он воспользовался канатом, чтобы соскользнуть вниз.

Было в его скупых движениях что-то зловещее.

* * *

Инок, Гурон и Штопор к этому времени уже успели углубиться в недра подземелий метров на шестьсот. Задействовав системы ночного видения, входившие в штатный набор устройств бронекостюмов, они перемещались в абсолютном мраке, который лишь изредка рассеивал неяркий флюоресцирующий свет от пузырящихся лужиц аномалий «студень».

Первым напряженной тишины не выдержал Гурон.

– Штопор, сколько отсюда до Припяти?

– Шаги не считал, не знаю, – охотно откликнулся ветеран, который чувствовал себя крайне неуютно. В последний раз он проходил тут, едва придя в сознание после выброса, практически ничего не соображая, двигаясь лишь на неистовом желании жить.

– А по времени?

– Мы шли почти сутки. Но часто останавливались, завалы разбирали, искали обходные пути…

– Тихо! – Инок застыл, подняв руку.

Впереди виднелась развязка железнодорожных путей. В сторону от основного тоннеля уходили два ответвления, ведущие в сторону Диких Территорий и к НИИ «Агропром». В Диких Землях располагалась огромная сортировочная станция, а в районе бывшего научно-исследовательского института, если Иноку не изменяла память, существовал зев разрушенного тоннеля, перегороженного обвалом.

Впрочем, и на армейских складах, где до последнего времени базировались основные силы группировки «Свобода», он также видел заблокированные оползнями уводящие под землю железобетонные пандусы, по которым проходили старые железнодорожные пути. Вне

сомнения, то были элементы единого подземного комплекса, в состав которого наверняка входила и станция загоризонтного обнаружения «Чернобыль-2», расположенная юго-западнее Припяти, в десятикилометровом радиусе наибольшего радиоактивного загрязнения.

– Инок, что ты там разглядел? – раздался в коммуникаторе сиплый шепот.

– Помолчи, Гурон. Включи внешние микрофоны и слушай.

Впереди пространство подземелья расширялось, напоминая треугольную пещеру со сводчатым потолком. Рельсы исчезали в боковых тоннелях, на относительном просторе развязки угнездилась электра. Слабо потрескивая, раскинув переплетение фиолетовых разрядов, аномалия лениво пульсировала, растекаясь по ржавым рельсам.

– Треск слышу. Больше ничего…

Инок продолжал настороженно прислушиваться.

На фоне потрескивания электрических разрядов где-то на пределе слышимости, ворочал булыжники неведомый великан. Глухие звуки то стихали, то вновь раздавались аритмичной россыпью.

– Это в районе Радара, – высказал мнение Штопор. – Наверняка военные с вертушек НУРСами долбят.

Толчки стали реже, а через минуту исчезли вовсе.

Инок сделал шаг вперед. Ветвящейся электры он не опасался, отзвуки боя, идущего на поверхности, тоже можно было пока что сбросить со счетов, но напряжение не отпускало, чувство опасности лишь усиливалось.

С чего бы? Накопившаяся усталость? Не рановато ли нервишкам сдавать?

Клаустрофобией он не страдал, вокруг вроде бы привычная, даже, можно сказать, спокойная по меркам Зоны обстановка, ничего экстраординарного…

Еще один шаг…

Хриплое дыхание Гурона, отчетливо слышимое в коммуникаторе. Зеленоватые оттенки тьмы на забрале боевого шлема. Воздух едва движется, детектор аномалий, переведенный в режим «без звука», нервно подергивается, указывая на электру…

– Сзади! – Резкий вскрик Гурона прозвучал одновременно с грохотом автоматной очереди.

Яростные вспышки вспороли липкий мрак, вторя им, ударил автомат Штопора, Инок рефлекторно развернулся, фиксируя взглядом левый тоннель, заметил, как что-то блеснуло под потолком, резанул короткой очередью навскидку.

Взрыв, гаснущий всплеск пламени, сизый сгусток дыма, металлический лязг: вспоротая пулями, разорванная канистра ударилась о рельсу, отлетела в сторону и тут же плавно поднялась в воздух.

«Бюреры!» – метнулась мысль.

Под сводами тоннеля внезапно раздался рвущий рассудок вой, сталкеры инстинктивно прижались спина к спине, контролируя все окружающее пространство.

В такие секунды понимаешь, что выжить одному – нереально. Какие бы отношения ни складывались между одиночками, волей судьбы они мгновенно становились группой – либо погибали, едва успев осознать, откуда пришла смертельная угроза.

Бюреры – существа загадочные. Их мало кто видел. Опаснейшие порождения Зоны, о которых ходит больше слухов, чем правдивой информации. Говорят, они прячутся в темных, глухих уголках подземелий, используя приобретенные в процессе мутаций способности к телекинезу, чтобы охотиться. Бюрерам нет абсолютно никакой разницы, кто станет их добычей, – сталкер, рискнувший сунуться в подземелья в поисках артефактов, одинокий мутант или бредущий без цели зомби.

– Гранаты! – Гурон переключился на подствольник. – Иначе их не достать!

Три глухих хлопка прозвучали один за другим, через пару секунд ударили взрывы. Инок послал реактивную гранату в левый тоннель, Штопор в правый. Гурон произвел выстрел в том направлении, откуда они пришли.

Грохот разрывов, ноющий свист осколков, нечеловеческие вопли, продирающие по коже ледяным ознобом, – все слилось в мгновенное ощущение скоротечного боя. Из боковых ответвлений в тусклый свет электры уже выдавливало дым. Поднятые в воздух предметы упали, но через мгновенье Инок, пытливо всматривающийся во мрак, готовый открыть огонь по малейшему движению, вдруг увидел, как в нескольких метрах от него начала выгибаться одна из рельс.

Металлические костыли со звоном вырвало из гнезд, они вылетали из шпал словно пули, ударяли в потолок, высекая снопы искр.

– Назад!

Освобожденный от креплений рельс уже приподнялся в воздух. Еще секунда, и совместым усилием нескольких затаившихся вне поля зрения бюреров его швырнет в сталкеров.

Убегать поздно.

– К стенам! – Инок метнулся вбок, увлекая за собой Штопора, Гурон

отпрянул к противоположной стене, и вовремя: шестиметровый погнутый рельс тускло блеснул, пролетел, медленно вращаясь, со свистом рассекая мрак, будто оторванная вертолетная лопасть, глухо ударился об пол и тут же снова начал плавно подниматься вверх.

Предугадать момент очередного броска фактически невозможно.

Инок, стреляя на ходу, ринулся вперед. Ни Гурон, ни Штопор, ожидавшие смертельного броска бюреров, не успели отреагировать на внезапный маневр товарища, а когда поняли его рискованный замысел, было уже поздно. Прошитая длинной автоматной очередью электра разрядилась, выпростав вдоль железнодорожных путей змеящиеся молнии разрядов.

В глубинах центрального тоннеля раздался душераздирающий вопль, рельс, поднятый в воздух, с глухим звоном рухнул на пол, аномалия же взбесилась не на шутку – она жалила стены, извиваясь в бешеном танце изломанных молний.

Инок застыл, не двигаясь. Смертельные разряды не дотягивались до него всего лишь на метр, но этого хватило, чтобы сталкер остался жив.

Прошло секунд тридцать, прежде чем электра начала успокаиваться.

– Все живы? – Инок осторожно отступил на несколько шагов.

– Я нормально, – скупо откликнулся Гурон.

– Бывало и лучше… – Штопор порадовался, что бронированное забрало боевого шлема скрывает выражение его лица. Боялся он подземелий и их обитателей. Боялся до предательской дрожи в ногах.

– Пошли тогда. На рельсы не наступайте.

«Действительно, задерживаться тут неразумно», – подумал Гурон. Неизвестно сколько еще бюреров скрывается в боковых тоннелях.

После внезапной, скоротечной схватки вместе с осознанием случившегося дрожью промелькнула психологическая реакция. Так часто бывает в стрессовых ситуациях: сначала действуешь, а уж после начинаешь понимать, что смерть прошла буквально в волоске от тебя, вы опять разминулись, в который уже раз?..

Центральный тоннель понемногу наполняло дымом.

Обойдя успокоившуюся аномалию, сталкеры метров через пятьдесят наткнулись на тела бюреров. Три карлика с атрофированными нижними конечностями валялись на рельсах, будто брошенные тут за ненадобностью тюки с тряпьем. Их одежда представляла собой серые, измазанные грязью, кое-где испятнанные лишайниками лохмотья. Уродливые обрюзгшие лица бюреров выглядели жутковато.

Инок остановился, присел на корточки, внимательно разглядывая

одного из карликов.

– Они что, были когда-то людьми? – подавив отвращение, спросил Штопор. Ветерана, в отличие от Гурона, колотило не на шутку, в голосе проскальзывали нервные, визгливые нотки.

– Трудно сказать. – Инок стволом автомата поворошил тряпье. – Лица с человеческими чертами. Строение тела гуманоидное. Вот только одного понять не могу: с какой скоростью должен протекать процесс возникновения и накопления мутаций, чтобы на основе человеческого генома вдруг появилось такое разнообразие тварей с различными, не присущими людям способностями? Мне кажется, все должно выглядеть иначе. – Он отпустил тело бюрера. – Под воздействием радиации столь существенных и скорых перемен не происходит. В лучшем случае мы бы сталкивались с неизлечимо больными, пораженными лучевой болезнью представителями рода человеческого. – Инок говорил медленно и вдумчиво, как бы опять размышляя вслух. – Ну, еще я допускаю появление у людей, живущих в окрестностях Зоны Отчуждения или побывавших в ней, детей с деформированными генами, но и это ничего не объясняет. Искажение наследственной памяти – скорее порок, чем устойчивая мутация. Причем для каждого рожденного в Зоне или вне ее пределов мутанта изменения физического облика и анатомического строения будут разными, чаще всего – несовместимыми с жизнью. Мы же видим строго определенное разнообразие видов мутировавших существ, с четко выраженными уникальными способностями.

– Инок, это ты сейчас с кем разговариваешь? – Штопор подозрительно взглянул на сталкера. – Откуда ты такой умный взялся? Все рассуждаешь, осторожничаешь…

– У меня два высших образования. – Инок выпрямился. – Пошли дальше.

– От ответа уходишь? – Ветеран покосился на Гурона, но тот молчал, заняв позицию на левом фланге.

– Штопор, я к тебе в душу лезу? – Инок сменил автоматный магазин, убрав полупустой рожок в жесткий расположенный на поясе подсумок.

– Значит, все-таки ты не сталкер, а ученый?

– Нет. Я сталкер. Обыкновенный сталкер-одиночка. Просто у каждого свой взгляд на мир. Тебе вот достаточно простого утверждения – все, что меня окружает, создано Зоной. И точка. А меня подобный ответ не устраивает.

Штопор притих, и некоторое время они шли молча, напряженно ожидая новой смертельной опасности. Ничего другого предполагать не

приходилось. Любое подземелье – это потенциальный источник проблем. Аксиома, не требующая доказательств.

* * *

Удалившись на пару километров от точки входа, устроили короткий привал.

Силы таяли. Сказывались бессонные сутки, проведенные на ногах. Большинство сталкеров в подобной ситуации обходились энергетическими напитками, но армейские бронекостюмы, выданные Сидоровичем, выгодно отличались от иных видов экипировки: в них была интегрирована система поддержания жизни. Очень дорогое даже по меркам Зоны удовольствие.

– Шею покалывает, – пожаловался Гурон.

– Зато в голове проясняется. – Инок тоже ощущал, как тончайшие иголочки вонзаются в кожу. – Автоматическая система включилась.

– Стимуляторами накачивает? А это не опасно? – забеспокоился Штопор.

– Опасно – это если ты на ходу задремлешь или вообще от усталости свалишься через несколько километров. – Инок присел, прислонившись спиной к шероховатой стене тоннеля. Снятый с предохранителя автомат он положил на колени. – Через пару минут легче станет. Я читал о таких системах. Похудеешь немного – это факт. Спать потом будешь сутки, не меньше. Но сейчас на сорок восемь часов заряд бодрости гарантирован.

Штопор ничего не ответил. Некоторое время он сидел, уставившись в одну точку, затем вдруг спросил:

– А ты, Инок, все же зачем сюда подался? Вроде бы умный, сам сказал – два высших образования. На приключения потянуло? Со скуки?

– Дураки меня достали, – лаконично ответил Инок, явно не настроенный на продолжение темы.

– Нет, ну расскажи, а?

– Штопор, ты нарываешься?

– Нет. Знаю, не принято о себе рассказывать. – Ветеран шумно вздохнул. – Но ведь вместе идем.

– А что ты хочешь услышать?

– Как что? Правду. Вот я, к примеру, и в первый и во второй раз конкретно из-за денег пошел. А ты, выходит, у нас идейный?

Инок ответил не сразу.

– Мои идеи просты, – спустя какое-то время произнес он. – Я не хочу жить там, где слова у людей постоянно идут вразрез с поступками. Ну да, учился. На юриста. А что толку в знании законов, когда они в большинстве

случаев не работают? Окружающие их либо не знают, либо не хотят исполнять.

– А тут-то чем тебе лучше?

– Здесь я тот, кто есть. Не больше и не меньше. Надоело подстраиваться под разные системы. Делать хорошую мину при плохой игре. Понимаешь? Достало все.

– А бороться не пытался? – спросил Гурон.

– Пытался. Смотрели на меня, как на идиота. Мол, что тебе больше всех надо? В общем, не нашел я себя в большом мире. Резким стал. Несдержанным. Раздражительным.

– Ну, по тебе такого не скажешь, – заметил Штопор.

– Я изменился. Понял многое. А тогда мне думалось – все. Либо с ума сойду, либо бед наделаю. – Инок опять замолчал, погрузившись в мысли, затем продолжил: – Как-то раз пришлось мне мимо кладбища одного проезжать. Длинное такое, вытянулось вдоль трассы, за населенным пунктом.

– И что? – не понял Штопор.

– Еду спокойно, в потоке, машин встречных много, дорога всего в две полосы, узкая, а тут меня вдруг «десятка» обгоняет. Выскочила на встречную, а обгон ей не вытянуть, в лоб другие машины идут. Я на водителя посмотрел, чувствую – прет, как баран, навстречу смерти. Места уйти на свою полосу у него уже нет, а скорость приличная. По-хорошему, нужно бы мне аккуратно притормозить, открыть «окно» на полосе, чтоб тот не разбился, у него ведь в машине народу, что в консервной банке. И вдруг мысль, такая спокойная, отчетливая, отчужденная… Думаю: если ты придурок по жизни – ну, так езжай и дальше по встречной, кладбище рядом, прям за обочиной.

– Ну и? – Штопор заинтересованно подался вперед. – Разбилась «десятка»?

– Нет. – Покачал головой Инок. – Я притормозил, дал ему место, а самому вдруг страшно стало. Страшно за свои мысли, страшно и как-то мерзко, жутко жить, когда тебя окружают такие, как тот водитель «десятки». Он ведь ни своей, ни чужими жизнями вообще не дорожит, даже не думает о них. Я-то притормозил, он втиснулся кое-как, ушел от столкновения и тут же снова в обгон рванул, опять по встречной перед крутым поворотом трасы. Понял я тогда, что не хочу жить среди людей, которые элементарно друг друга подставляют. Каждую минуту, каждый день. Вот и ушел сюда.

– Легче стало?

– Поначалу – нет. Риск тут иной. Запредельный и еще более жестокий. Сплошной адреналин. Живешь, как будто в стремительном сне. Потом, когда меня ранило, попал на холм, где, помнишь, ночевали?

Штопор кивнул

– Илья меня выходил. А я как будто проснулся. Другим стал. Понял, что у каждого в жизни своя дорога. И идти по ней надо спокойно, не мельтешить, не злиться, быть тем, кто ты есть. Прежде всего себя уважать, тогда и другие иначе относиться начнут. А то, что я не просто за артефактами охочусь, а Зону пытаюсь понять, обосновать, хотя бы для себя, что и почему тут происходит, – это внутренняя потребность.

Инок вдруг замолчал, словно решил, что уже и так сказал слишком много.

– Привал окончен. – Его голос изменился, стал прежним. – Пошли, нечего рассиживаться.

* * *

Тоннель плавно изгибался, теряясь во мраке. Дважды сталкеры поднимались по осыпям, с трудом протискиваясь под самым сводом в узкие лазы, проделанные еще группой Брокера два года назад. Шли относительно спокойно, участки тоннеля, изолированные обвалами, были свободны от мутантов, аномалии – и те попадались редко.

«Долго так продолжаться не может», – думал Инок, поглядывая по сторонам. Пока что их везение объяснялось достаточно просто, но если верить Штопору, дальше начнется разветвленная сеть подземных коммуникаций, где наверняка полно обходных путей, а значит, и мутантов.

Преодолев очередное препятствие, они вышли к еще одной транспортной развязке.

Стоило сталкерам преодолеть лаз, прорытый под самым потолком тоннеля, как невнятные, отдаленные толчки и звуки резко обрели грубую материальность: наверху продолжался бой, видимо, силы «Монолита» до сих пор удерживали рубежи на Радаре.

Инок посмотрел вниз. Первое, что бросилось в глаза, – это обилие различных предметов и останков. Если пройденные участки тоннеля были относительно чистыми, то здесь царил натуральный бардак. Путь перегораживало несколько перевернутых дрезин, испещренных отметинами от пуль. Два боковых ответвления оказались блокированы массивными воротами, из-под свода свисали космы ржавых волос, подле баррикады белели кости, валялось разбитое оружие, тускло отсвечивали рассыпанные толстым слоем автоматные гильзы, в нескольких местах

виднелись початые цинки для патронов, громоздилась поломанная офисная мебель.

Инок начал спуск вниз, Штопор и Гурон остались наверху, прикрывая его.

За баррикадой, основу которой составляли массивные перевернутые дрезины с неработающими, обгоревшими электродвигателями, пространство тоннеля вновь расширялось уже знакомым треугольным залом. Инок обследовал баррикаду. Человеческие останки, в изобилии разбросанные вокруг, не истлели, а были обглоданы – об этом свидетельствовали обрывки серо-черной камуфлированной формы и следы зубов на некоторых костях. Но более всего сталкера поразили несколько скелетов псевдособак, валявших тут же. В одном из черепов зияли пулевые отверстия.

– Ну, что там? – раздался по связи вопрос Гурона.

– Ты когда-нибудь слышал о псевдособаках, живущих в подземельях?

– Нет. Никогда.

– Вот и я не слышал. – Голос Инока прозвучал озадачено. – Но тут отбивались именно от них. – Он перелез через препятствие и увидел вполне предсказуемую картину: пространство за баррикадой усеивали останки псевдособак, среди которых обнаружилось несколько скелетов слепых псов и даже пара снорков. – Тут происходил натуральный штурм. Только не пойму, кто отбивался от мутантов? Форма незнакомая, экипировка минимальная. Бронежилетов – и тех нет.

– Серый камуфляж продается в любом магазине, в отделе «сопутствующие товары», – высказался Штопор.

– Вы исследовали боковые проходы, когда проходили тут два года назад? – спросил Инок, приближаясь к огромным воротам, запирающим вход в один из тоннелей.

– Только в первом ответвлении, – ответил ветеран. – И еще несколько раз проверяли тоннели, расположенные дальше, на подступах к Припяти. А конкретно эти – нет. Не до того было. Спешили. И лишних приключений искать не хотелось.

– Спускайтесь. – Инок обошел космы свисающих со свода ржавых волос и на короткой дистанции сумел разглядеть, что в массивных воротах есть две двери, рассчитанные под человеческий рост. Одна из них была приоткрыта, на пороге лежал высохший, мумифицированный труп, который по непонятной причине не тронули мутанты.

«Форма на нем странная». – Он присел, попробовал перевернуть лежащее лицом вниз тело, но оно как будто присохло к полу. Ощутив

сопротивление, Инок не стал прикладывать чрезмерных усилий, понимая, что в лучшем случае в руках останется лишь клок непонятной униформы. – «Похоже на костюм биологической защиты». – Он поискал взглядом маркировку на ткани, но тщетно – тело пролежало тут несколько лет, и белый цельнокроеный гермокостюм успел покрыться въевшейся в него грязью, колониями цепких лишайников, утратив первоначальный цвет, превратившись в серую, местами разъеденную какими-то химическими соединениями массу.

Приоткрытая массивная дверь усилию не поддалась, но имевшийся зазор оказался достаточным, чтобы протиснуться в него боком.

«Что же тут произошло? Почему до сих пор о подземном комплексе не знал никто из сталкеров? – размышлял Инок. – Допустим, сведения о наличии в окрестностях Припяти огромной бункерной зоны были строго засекречены, но после аварии на АЭС, когда отсюда, вне всякого сомнения, вывезли стратегическое оружие, а тоннели, ведущие под землю, взорвали, никаких свидетельств о существовании заброшенного комплекса так и не появилось ни в Интернете, ни в периодических изданиях, ни в местной сталкерской сети».

Как минимум странно. Такое ощущение, что уже после аварии на АЭС кто-то приложил огромные усилия, либо засекретив, либо вовсе уничтожив источники данных по объекту военной инфраструктуры..

– Инок, что у тебя там?

– Гурон, займите позиции за баррикадой. Я осмотрюсь.

– Долго не задерживайся.

– Договорились. – Инок включил закрепленный на автомате фонарь. Система ночного видения позволяла рассмотреть лишь общие детали обстановки на дистанции в пять-шесть метров.

Луч света выхватил из мрака множество любопытнейших подробностей. Оказывается, ответвление тоннеля, расположенное за массивными воротами, кто-то кардинально реконструировал, приспособив подземелье под свои нужды. Сразу за воротами начиналась охраняемая территория. Понять предназначение квадратной площадки, достаточно просторной, расположенной между массивными ржавыми створами и выполненной из легких, но прочных алюминиевых конструкций «переборкой», было несложно: посреди нее располагался укрепленный контрольно-пропускной пункт, тоннель пересекало двухметровое двойное сетчатое заграждение, по которому ранее пропускался электрический ток.

Инока насторожила структура поста, рассчитанного на отражение нападения как со стороны старых ворот, так и с противоположного

направления.

На фоне серого, потрескавшегося бетона, провисших кабелей, проложенных по закругляющимся кверху стенам тюбингов, ржавых железнодорожных путей бронированные стеклопакеты с врезанными в них шаровыми опорами, рассчитанными под автоматный ствол, и металлопластик каркаса КПП смотрелись как инородное вкрапление, фрагмент иной эпохи.

Под ногами похрустывало битое стекло, попадались россыпи автоматных гильз, пару раз в свете фонаря мелькали круговые подпалины от гранатных разрывов.

Дверь контрольно-пропускного пункта оказалась не заперта. Внутри, как и предполагал Инок, в нескольких помещениях, разделенных прозрачными перегородками, на столах возвышались компьютерные компоненты систем видеонаблюдения. Здесь все сохранилось в целости. Компьютеры на столах выглядели неповрежденными, а лишь обесточенными. Сталкер не заметил следов схватки, только подобрал с пола несколько пистолетных гильз с иностранной маркировкой.

Направив луч фонаря сквозь прозрачную стену, он увидел, что двойное сетчатое ограждение прорвано в нескольких местах. Не перекушено или разрезано, а разодрано, словно тут пронеслась разъяренная стая мутантов.

Собственно, так оно и было. Обглоданные крысами скелеты кабанов и останки слепых псов виднелись повсюду.

Найти логичное, непротиворечивое объяснение увиденному пока не удавалось, и Инок решил двигаться дальше. Со стороны ржавых ворот его прикрывали Гурон и Штопор, так что все внимание сталкера сосредоточилось сейчас на перекрывающей тоннель переборке из легкого, но прочного алюминиевого сплава.

Покинув КПП и подойдя ближе, он увидел распахнутые настежь двери переходного тамбура.

На стене рядом с входом виднелся недвусмысленный символ, означающий высший уровень опасности биологического заражения. Чуть ниже был нанесен ничего не говорящий непосвященному цифробуквенный код, видимо, шифрующий предназначение расположенных за тамбуром помещений.

Перешагнув порог, Инок осмотрелся.

Отрезок тоннеля, не менее сотни метров в длину, был разделен непрозрачными матовыми перегородками из ударопрочного стекла. Целый лабиринт отдельных комнат, узких коридоров, – луч света скользил по

многочисленным свидетельствам внезапно остановившейся жизни.

Помещения, граничащие с переборкой, явно предназначались для проживания охраны, далее, по всей видимости, шли комнаты, отведенные для научного персонала, – свет фонаря выхватывал из мрака то разбитый ноутбук, то опрокинутый на пол стеллаж с пухлыми папками каких-то отчетов. Инок бегло просмотрел некоторые пожелтевшие бумаги, но не смог разобрать ничего вразумительного – документы сильно пострадали от влажности, к тому же их составитель явно использовал некий условный шифр.

За жилыми помещениями и несколькими рабочими кабинетами Инок обнаружил просторные лаборатории. Установленное здесь оборудование сильно пострадало, но, несмотря на учиненный разгром, по некоторым деталям было несложно понять, что исследования, проводившиеся тут, предполагали опыты над животными. Разбросанный повсюду хирургический инструмент, небольшие по размерам операционные столы с характерными фиксирующими захватами, внутренние вольеры, рентгеновские аппараты и компьютерные томографы с подвижными столами, также рассчитанными отнюдь не под анатомическое строение человека, лишь укрепляли первое впечатление.

Нехорошие предчувствия теснились в голове Инока.

Он уже не удивился, когда за лабораторными и операционными комплексами обнаружил клетки и целые загоны для животных. Никаких останков он не нашел, но буйно разросшиеся мхи, светящаяся бахрома плесени, флюоресцирующие лишайники, густо испятнавшие пол и стены, говорили в пользу большого количества органики, оставшейся тут еще со времен функционирования комплекса.

Все увиденное наводило на определенные размышления, но не давало ясных доказательств. Инок дошел до следующей переборки, перегораживающей тоннель, однако та оказалась глухой, и ему пришлось повернуть обратно.

Возвращаясь, он еще раз внимательно осмотрел некоторые из помещений, убедившись, что тут поработали мутанты. Часть перегородок была проломлена, вся аппаратура разбита, инструмент разбросан. Видимо, сотрудники загадочных лабораторий бежали, побросав все, но подтверждалось впечатление, что атака мутантов началась не извне – они, похоже, вырвались из узилищ, расположенных в дальней части изолированного отрезка тоннеля.

И еще один весьма странный факт насторожил Инока. Со всех инструментов, приборов и приспособлений кто-то педантично удалил

клейма заводов-изготовителей, от табличек с серийными номерами изделий остались лишь заклепки, нигде никаких опознавательных знаков, все тщательно обезличено, как та серая с черными камуфлирующими разводами униформа, что осталась от оборонявшихся за баррикадой охранников.

Детально разобраться в проводившихся тут исследованиях помогли бы бумаги и жесткие диски компьютеров, но изымать их сейчас, чтобы унести с собой, или пытаться разобраться на месте не хватало времени.

«Сходим в Припять, а на обратном пути обязательно заберем все носители информации, – мысленно решил Инок. – Если бумаги и компьютеры не исчезли за столько лет, то полежат еще пару дней, ничего с ними не станет».

В конечном итоге все выяснится. Главное, что теперь известно, как добраться до исследовательского комплекса. Остальное – дело времени. А пока оно работало против них, – в Припяти, судя по всему, до сих пор не прекращались упорные бои, значит, какое-то количество оказавшихся блокированными в городе сталкеров сумели укрыться от внезапного выброса.

Задача, поставленная Степаном Сидоровичем, сейчас менее всего волновала Инока.

Зона изменилась, она скалила зубы и нехотя приоткрывала завесу тайн. Но все же сначала необходимо вывести из города-призрака выживших сталкеров. Иной первостепенной задачи Инок для себя не видел. Опустевшая Зона, отданная на растерзание мутантам, бандитам и рвущимся к центру военным, его не устраивала. Был в таком подходе элемент не присущих сталкеру мотивов, но события последних дней значительно сместили его жизненные приоритеты.

Зона без настоящих сталкеров – это страшно.

Почему – страшно?

Инок лишь пожал плечами. Он не до конца понимал причину постоянного внутреннего беспокойства, желания во что бы то ни стало дойти до Припяти и хотя бы попытаться выручить выживших. Что-то толкало его вперед, словно внутренний голос нашептывал: «С*пеши…*»

Он привык к определенному порядку вещей и не желал наступления окончательного хаоса. Сделанного торговцами уже не вернешь, все уже изменилось, но ведь в Припяти запросто могли оказаться и они с Гуроном, вернись они в Зону несколькими днями раньше. Сидели бы сейчас в каком-нибудь подвале, считая последние патроны, держа круговую оборону от натиска мутантов, монолитовцев и военных, и, наверное, тоже ждали бы

помощи, надеялись бы на нее до последнего вздоха.

Подземный путь в обход Радара становился сейчас единственной дорогой, по которой могли уйти из Припяти выжившие.

«А там разберемся, что к чему…» – С такой мыслью Инок прошел через КПП, возвращаясь к основному тоннелю.

* * *

Гулкая тишина основного тоннеля казалась зловещей.

Перебравшись через баррикаду, Инок присел, переводя дыхание.

– Ну, что там? – Гурон продолжал наблюдать за сумеречным пространством.

– Биолаборатории. Много разбитого оборудования. Трупы мутантов.

– Так тут не только ракетная база была? Еще и секретные военные исследования проводили? – удивился напарник. – Хотя почему бы и нет? – сам же ответил он. – Под прикрытием стратегического объекта твори что угодно, никто не узнает…

– Мысль, конечно верная, да не совсем, – ответил Инок. – Лаборатории по многим признакам построили уже после катастрофы, когда бункерную зону покинули военные.

– Это ты как определил?

– Материал конструкций достаточно новый, не характерный для эпохи социализма. На обратном пути зайдем, изымем жесткие диски компьютеров и документы, сам все увидишь… Штопор, – Инок обернулся к ветерану, молча слушавшему их разговор, – ты вот скажи, почему так тоннеля боишься? Прошли уже километра три, но особых проблем пока не видно.

– Ага… Бюреры для тебя – не проблема? Рельсом получил бы в башку…

– Ты от ответа не уходи, ладно?

– Тут аномалий было полно. Контролеры, снорки, опять же бюреры. От кровососов отбивались. – Штопора передернуло. – Один раз в боковой тоннель сунулись, а там химеры.

– То есть сейчас у нас – увеселительная прогулка? – озадаченно поинтересовался Гурон. – Куда же мутанты подевались? Мы даже крыс за всю дорогу пару раз всего встретили.

– Мутанты тоже есть хотят, – заметил Инок. – А поживиться тут нечем. Бюреры и те наверняка последних крыс доедают.

– Остальные, по-твоему, наверх подались? – Штопор приободрился.

– Полагаю, да. – Инок посмотрел на ПДА. – Ну что, отдохнули? Тогда

вперед, – скомандовал он.

* * *

Перебравшись через баррикаду, они некоторое время шли молча, осторожно ступая по податливому слою останков, перемешанных с различными обломками мебели, предметов, оружия, приборов… Кое-где зеленоватым светом пузырились флюоресцирующие лужицы аномалий «студень», реже попадались электры и жарки.

Угнетала тишина и отсутствие действия.

Жутковато. В Зоне постепенно привыкаешь к постоянному чувству опасности, оно, словно тень, всегда рядом, подле тебя, и нет для сталкера худших минут, чем затянувшаяся неопределенность.

Штопор нервно озирался по сторонам, постоянно поглядывал на ПДА, Гурон двигался молча, сосредоточенно, Инок смотрел под ноги, иногда чуть отставал, поднимая и рассматривая заинтересовавшие его предметы.

Иноком постепенно овладевало тягостное чувство. По количеству костных останков, приходящихся на один квадратный метр, становилось понятно, что в двухкилометровом отрезке основного тоннеля погибли сотни людей и мутантов. Тел не сохранилось. Сталкер видел лишь обглоданные, зачастую разгрызенные фрагменты костей, обрывки черно-серого камуфляжа, реже попадались защитные костюмы, похожие на скафандры с мягкими шлемами. Их прочнейшая ткань была изодрана, и восстановить облик экипировки удавалось лишь мысленно, по отдельным фрагментам.

Трагедия разыгралась много лет назад. Возможно, биологические исследования проводились тут еще до Первого выброса, положившего начало современной Зоне.

Вряд ли люди и мутанты погибли от удара аномальной энергии. Любому сталкеру известно, что подземелья – самое надежное укрытие на период выброса. Причина их гибели вроде бы очевидна. Свидетельств яростного столкновения людей с различными порождениями Зоны хватало с избытком. Достаточно посмотреть на испещренные отметинами от пуль бетонные стены. Вопрос скорее в другом: кто, когда и в каких целях создал тщательно засекреченный исследовательский центр. Его организаторы вложили немалые средства в обновление старой ракетной базы и предприняли все, чтобы нигде не появилось даже косвенного упоминания о наличии в недрах Зоны таинственных лабораторий.

Затем произошла непонятная катастрофа, научный персонал погиб, военизированные подразделения охраны разделили участь ученых.

Примечательно, что среди останков нет ни одного фрагмента экипировки современных сталкеров. О чем это говорит?

Связаться бы сейчас с Сидоровичем, задать ему вопрос: почему за два года никто так и не воспользовался открытой группой Брокера подземной тропой?

– Штопор?

Ветеран остановился.

– Ну?

– Как ты считаешь, почему торговцы не снаряжали новых групп для походов в Припять?

Штопор вздрогнул.

– Они не знали о подземном пути, – нехотя признался он. – Брокер был очень осторожным. Никому ничего не рассказывал. Есть тропа в обход Радара, и все. А где она проходит – ни звука.

– А тебя, когда вернулся, Бармен разве не расспрашивал?

– Расспрашивал, конечно. Только я действительно попал под удар выброса и был… неадекватен. Даже притворяться не пришлось. Хотел только одного: продать артефакты и свалить из Зоны.

– То есть ты стоял на том, что ничего не помнишь?

– Ну да. Что я, дурак? Во-первых, у денег есть свойство заканчиваться, а информация о тоннеле по определению тянет на немалую сумму. Во-вторых, я тогда подумал: ну его, этот тоннель. Сколько сталкеров сгинет по пути к Припяти?

Инок кивнул, хотя последний довод в устах Штопора звучал несколько натянуто. Ветеран не относился к той категории сталкеров, кого заботит чужая жизнь.

– А может, тебя припугнули? – продолжал допытываться Инок. – Мол, расскажешь кому – убьем.

– Ерунды не говори, – огрызнулся Штопор. – Когда это в Зоне кого-то запугивали? Пулю в лоб и все. Молчание гарантировано.

– И то верно, – поддержал Штопора Гурон. – Инок, ты не в том направлении копаешь.

– Да не копаю я. Так, мысли вслух.

– От твоих вопросов настроение портится, – недовольно проворчал Штопор.

– Потерпи уж. – Инок поравнялся с ним. – Ты ведь нам толком ничего не рассказал. Что за артефакт – «черный маятник»? Какая аномалия его порождает?

– Не знаю, – отрезал ветеран. – Не помню. Никаких новых аномалий

мы не встречали. А артефакты Брокер сразу по контейнерам упаковал. Два в тайнике спрятал, два с собой забрал.

– И ты не вскрывал контейнеры на обратном пути? Как же ты узнал, что они от воздействия контролеров защищают?

– Контейнеры я не вскрывал! Так и принес Бармену запечатанными. А свойство артефактов я только предположил.

– Почему?

– Вот заладил, «что» да «почему»! – Штопор не просто злился, он постепенно терял контроль над своими эмоциями. – Меня ни один контролер на обратном пути не тронул! Что еще мне оставалось думать?

– И Бармен тебе на слово поверил?

– Вот у него и спроси! Все, тему закрыли!

Инок пожал плечами.

– Ладно, закрыли.

Толчки тем временем стали сильнее. Со свода то и дело срывались камушки, несколько раз с резким, громоподобным звуком по стенам и потолку пробегали новые трещины.

– Как перед выбросом, – встревожено заметил Гурон, остановившись перед очередной транспортной развязкой тоннелей.

Инок включил фонарь, осмотрел стены.

– Смотрите, указатели направлений!

Действительно, на стенах из-под пленки копоти и органических отложений проступали буквы.

– Гурон, помоги! – Инок принялся очищать налет.

Постепенно буква за буквой в свете фонаря появилась читаемая надпись:

«Комплекс радиолокационного загоризонтного обнаружения „Чернобыль-2“.

– Левый тоннель ведет к Радару… – Гурон не завершил начатой фразы, ее окончание заглушили несколько пистолетных выстрелов.

– Штопор, ты что творишь?!

– Крысы! – Ветеран отпрянул к стене, продолжая стрелять, пока в обойме не закончились патроны.

Несколько крыс остались лежать на шпалах, остальные прыснули в стороны. Штопор рванул с плеча автомат.

– Да угомонись ты! – Инок схватил его за печи.

Ветеран дернулся, потом обмяк.

– Что тебе крысы-то дались? С десяток всего! Они даже ботинок бронекостюма не прокусят!

– А мне что – смотреть, как они под ногами шныряют, да?! Ждать, пока крысиные волки сюда подтянутся? Ты же сам знаешь, что крысы большими стаями охотятся!

– Шум поднимаешь, – уже спокойнее ответил Инок. – Выстрелы их привлекут гораздо быстрее. В руки себя возьми! До Припяти уже недалеко…

– Инок, на Припять пойдем или к Радару заглянем? – спросил Гурон, посматривая на покрытый трещинами ненадежный свод тоннеля.

– Что нам у Радара делать? Прямо двигаемся. – Инок обернулся к Штопору: – Ты мне скажи…

– Инок! Сюда взгляни! – Гурон перебил напарника, указывая на странное сочетание букв и цифр, оканчивающееся изгибающейся указующей стрелкой.

Сталкер подошел ближе.

– Код. Я нечто похожее у входа в разгромленный лабораторный комплекс видел.

– Стрелка указывает на Радар. Выходит, и там какие-то исследования проводились?

Инок взглянул на товарища.

– Гурон, а как ты думаешь, Выжигатель Зона сконструировала? Или люди?

В этот момент серия тяжких ударов потрясла землю, стены тоннеля задрожали, небольшие трещины, покрывавшие бетонную поверхность, вдруг начали расширяться, лопаться, вниз посыпались комья земли и мелкий щебень, в ограниченном пространстве подземелья мгновенно всклубилась едкая белесая пыль.

Сталкеры не успели придти в себя от неожиданности, как несколько лучиков серого дневного света проникли в подземелье, а вместе с ними ворвались звуки яростного, бушующего прямо над головой боя.

* * *

– К стенам! Штопор, прикрой! Снорки! – Голос Гурона, прозвучавший в коммуникаторе, слился с грохотом нового, уже гораздо более серьезного обвала, натужным воем вертолетных лопастей и отголосками перестрелки.

Инок отпрянул к стене, пытаясь сориентироваться.

Клубы бетонной пыли разметало внезапно возникшим сквозняком. Хотя нет, это скорее порыв ветра рванул вдоль тоннеля, открывая взгляду картину происходящего: несколько десятков квадратных метров свода рухнули, а в образовавшийся провал, кренясь на один борт, истекая черным

дымом, выбрасывая языки пламени, неуклюже опускался военный вертолет.

Его пилоты были мертвы, мгновенная картинка, зафиксированная взглядом, не оставляла сомнений: часть секций разделенного металлическими дугами колпака кабины разбита, внутри мешанина из приборов, на уцелевших сегментах – кровь.

Огромные лопасти пару секунд месили воздух подземелья, затем чиркнули по бетону, разлетелись, переломившись в нескольких местах, а мгновением позже бронированный корпус боевой машины врезался в пол.

Чудовищной силы взрыв потряс подземелье.

Скрученный в спираль сноп пламени, отмеченный прожилками черного дыма, рванул вверх, зацепил свод, выбивая наружу фонтаны сгорающей земли, бетонных обломков, кусков арматуры, затем за доли секунд энергия взрыва трансформировалась в прозрачно-оранжевый пузырь, который лопнул, прокатившись по тоннелю ревущим валом огня, ударная волна разметала тела сталкеров, размазала о стены нескольких очумевших снорков, отразилась где-то в глубинах подземных коммуникаций и вновь вернулась, расшвыривая горящие обломки вертолета.

Инока спас бронекостюм, заблаговременно, еще в самом начале спуска в подземелья переведенный на замкнутый цикл жизнеобеспечения. Сталкера контузило, сильно ударило об стену, но не убило, – у него лишь перехватило дыхание от сокрушительно удара, да реальность на мгновенье отдалилась, став зыбкой…

Инок попытался встать. Бронированное забрало покрывала копоть, в ушах, несмотря на защиту шлема, стоял звон, коммуникатор не работал, но автомат он не выронил. Одной рукой Инок провел по бронестеклу, стирая частички сажи, другой перехватил оружие за цевье – автоматный ремень тлел, истекая сизым дымком.

– Гурон! Штопор!

Тишина.

Среди обломков вертолета начал рваться неизрасходованный боекомплект, и Иноку пришлось плашмя рухнуть на пол. Хвала Зоне, летчики успели израсходовать все НУРСы, но и самопроизвольного подрыва снарядов автоматической пушки хватило для полного букета ощущений. Оглушительные хлопки следовали один за другим, стены тоннеля кромсало разрывами, несколько осколков хлестнули по бронекостюму Инока.

Через минуту шквал пошел на убыль.

Сталкер с трудом поднялся на ноги, подобрал автомат, отключил ставшую помехой систему ночного видения, и дымный сумрак тоннеля, смешанный с серым полуденным светом, дохнул в лицо. Инок откинул бронированное забрало, через которое почти ничего не видел, сорвал дыхательную маску и заорал:

– Гурон!!!

Тишина в ответ. Дышать трудно, воздух пропитан едким дымом, пылью, частичками сажи.

Инок закашлялся, судорожно натянул маску дыхательного аппарата, затем, прижимаясь к стене, обошел горящие обломки вертолета и, постоянно озираясь, приступил к поиску товарищей.

В огромном проломе, куда вытягивало дым, внезапно промелькнули две стремительные тени. Инок краем взгляда уловил движение, резко развернулся и заметил двух снорков, боком, по-крабьи несущихся на него: один перемещался по полу, лавируя меж горящих обломков, второй передвигался по противоположной стене тоннеля.

Автомат Инока ударил двумя оглушительными, длинными очередями. Снорка, приготовившегося к прыжку, отшвырнуло назад, но феноменальная живучесть твари лишь нашла очередное подтверждение. Сталкер успел заметить, как пули разбили глазницу старого противогаза (снорки по непонятным причинам всегда прятали лица под истрепанными, дано не функциональными элементами химзащиты), тварь закрутилась на месте, разбрызгивая кровь, но уже через пару секунд, протяжно подвывая, мотая головой и прихрамывая, вновь ринулась в атаку.

Тем временем второй снорк, совершив стремительный рывок по радиусу закругляющейся кверху стены, прыгнул, сбоку обрушившись на Инока, едва не сбив его с ног, полосуя когтями грудные бронепластины защитной экипировки.

Инок подался назад, резко развернулся, пытаясь стряхнуть с себя снорка, но тот держался крепко, – нижними конечностями обхватил жертву, а верхними рвал неподатливую броню на груди противника. Рефлекторным движением сталкера отбросил бесполезный автомат, левой рукой врезал в морду твари, а правой выхватил пистолет, приставил его к голове снорка и выстрелил несколько раз подряд, пока вцепившееся в него тело не выгнулось в предсмертной судороге.

Отодрав от груди подыхающего снорка, Инок с силой отшвырнул его в сторону и присел, поднимая с пола автомат. Резкая боль в ребрах заставила его сжать зубы.

Где же второй?

Дым мешал детальному восприятию – раненый снорк появился внезапно, попытался прыгнуть, но неудачно. Инок заметил его в последний момент, но все же успел отпрянуть в сторону, вспоров распластавшееся в прыжке тело мутанта выпущенной в упор автоматной очередью…

Кровь и холодный пот заливали лицо. Дыхательная маска сбилась, горло уже пощипывало от едкого дыма, в голове гудело после яростной скоротечной схватки, системы бронекостюма, похоже, оказались сильно повреждены, потому что автоматика никак не отреагировала на травмы.

Немного придя в себя, Инок взглянул вверх. Над головой зиял огромный провал, но самое неприятное заключалось в другом: фрагменты рухнувших перекрытий блокировали тоннель, отрезав его от подземных коммуникаций, ведущих к Припяти. Гурон со Штопором не отзывались. Голова разламывалась от боли…

Инок присел на обломок вертолета и вдруг отчетливо осознал, что остался один.

На поверхности по-прежнему бушевал бой: звуки ураганной перестрелки, тяжкие судороги разрывов, ритмичные, звонкие очереди крупнокалиберных пулеметов БТРов, стрекот вертолетных двигателей, – все сливалось в единое ощущение непримиримой схватки.

«Схватки за что? – внезапно подумал Инок, дрожащими пальцами активируя погасший во время взрыва ПДА. – За счастье, даруемое мифическим Исполнителем Желаний? За строчку победного рапорта – „Зона зачищена“?

Он ждал включения ПДА в смятении души. Если Гурон погиб, то ни один Исполнитель Желаний уже не вернет ему верного боевого товарища. И он сам станет другим. Так, по частичкам, медленно и незаметно, в череде потерь погибает рассудок.

Дисплей, наконец, осветился. Зеленый, обведенный кружком, маркер ПДА Гурона то появлялся, то исчезал, взмаргивая по ту сторону серой, изломанной линии, обозначившей завал. Инок не отрываясь смотрел на трепетную точку, пытаясь понять, движется она или нет.

«Похоже, что сигнал статичен…» – Мысль прошла на грани отчаянья. Маркер ПДА Штопора вообще не просматривался, но это еще ничего не означало. Только персональный детектор Гурона, оснащенный мощным передатчиком, был способен сгенерировать характерную метку. Завал, перегородивший тоннель, существенно осложнил связь, но радиомаяк, работающий попеременно на нескольких частотах (ПДА Инока был настроен именно на них), позволял достаточно точно позиционировать товарища.

Он на самом краю осыпи по ту сторону…

Инок долго и неотрывно смотрел на экран, погрузившись в горестное оцепенение, как вдруг… маркер чуть сместился!

На душе мгновенно потеплело.

Крохотная засечка некоторое время слегка подрагивала, смещаясь едва ли на миллиметр то в одну, то в другую сторону, затем мерцающий маркер начал медленно удаляться,

Гурон жив!.. Жив и движется к Припяти, продолжая начатый маршрут!

Правильно сообразил, что разбирать завал – бессмысленная трата времени. Молодец! Лишь бы прорвался… В городе у них была заранее оговорена точка встречи, на случай если вдруг придется разойтись, – в Зоне ведь всякое бывает.

«Да при любом раскладе отыщу его по радиомаяку…»

Инок встал, ощущая, что внезапно отпустившее нервное напряжение оглушило, еще более усугубив последствия контузии.

Надо двигаться. Идти к цели. Нечего сидеть…

Отогнав гложущие мысли о судьбе товарищей, он осмотрелся. Теперь для него оставался лишь один путь, один способ прорваться на другую сторону неожиданной преграды, – идти боковым тоннелем, который выведет его если не на окраину города-призрака, то хотя бы в тыл позиций монолитовцев, обороняющих Чернобыль-2.

Сменив автоматный магазин, он включил фонарь и шагнул в плотный мрак бокового ответвления. Большинство электронных систем, интегрированных в бронекостюм, так и не перезагрузились после взрыва рухнувшего под землю вертолета, но действовать по старинке, используя ПДА, фонарь, зрение и интуицию Иноку было не привыкать.

Все внимание сталкера сосредоточилось сейчас по ходу движения, и он не заметил, как вслед за ним, сохраняя приличную дистанцию, в тоннель проскользнула загадочная тень.

Это был тот самый незнакомец, что накануне вечером проник в лаз, расположенный на территории Свалки.

Глава 5 Компонент

Гурон пришел в сознание от частых отрывистых звуков автоматных выстрелов. Муть, плавающая в голове, не давала сосредоточиться, понять, где он находится и что произошло. Он помнил лишь ярчайшую вспышку и упругий вал взрывной волны, подхвативший его, будто щепку.

С трудом открыв глаза, он застонал. На разбитых губах запеклась кровь, бронированное забрало шлема покрывала мелкая сетка трещин. Боль в голове пульсировала, подавляя мысли, вокруг царил плотный мрак, разрываемый вспышками одиночных выстрелов.

Оружие…

Он с трудом повернул голову, выпростал руку, освободив ее из-под бетонного щебня, вслепую пошарил вокруг, но толком ничего не добился, лишь спровоцировал очередную вспышку багряной боли.

– Гурон, ты живой?! – Голос в коммуникаторе прозвучал, будто раскат грома.

– Не ори… – едва шевельнув разбитыми губами, прошептал сталкер. – Меня засыпало. Помоги…

Взрезая мрак, метнулся луч фонаря, в его свете промелькнуло нагромождение бетонных обломков и карабкающийся по ним крысиный волк – тварь величиной с собаку, но более злобная, опасная и сообразительная.

Коротко прогрохотала автоматная очередь, пули взвизгнули, высекая искры в каком-то метре от головы Гурона, одна из них угодила в крысиного волка, оторвав ему лапу. Брызжа кровью, тварь покатилась вниз, исчезнув из поля зрения.

– Попали мы с тобой! – Из тьмы возник силуэт Штопора. Свет фонаря он приглушил, изменив фокусировку, теперь режущий глаза луч превратился в рассеянный конус, освещавший фрагмент тоннеля от стены до стены.

– Где Инок?

– Завалило его. – Штопор присел возле Гурона, отложил автомат и начал отбрасывать обломки бетона, придавившие сталкера.

– Ты что несешь?! Как завалило?! – Сознание резко прояснилось, Гурон рывком попытался встать, но приподняться удалось лишь наполовину – стиснув зубы, он сел, чувствуя, что ноги не слушаются.

– Взрыв был. Перекрытие рухнуло. Не помнишь, что ли? – Штопор в

темпе работал руками. – Нас с тобой отрезало от пройденных участков тоннеля. Инок либо по ту сторону завала, либо…

– Заткнись! – Гурон уже достаточно услышал, чтобы вспомнить падающие фрагменты перекрытий, клочок серого, хмурого неба Зоны и рухнувший в провал вертолет.

– Что сразу рот-то затыкаешь?

– Не верю я, что Инок погиб! Встать помоги!

– Веришь или не веришь – твое дело. Пути назад нет. Отрезало нас. – Штопор помог ему подняться. – Кости целы? Переломов нет?

– Вроде целы.

– Слушай, Гурон, ты только горячку не пори, ладно? – Штопор подобрал свой автомат и зачем-то отступил на пару шагов. – Инок, если живой, обходными тоннелями пойдет. Будет к Припяти прорываться.

– Ну и? – угрожающе уточнил Гурон, ощутив ладонью холод пистолетной рукояти.

– Начнем завал разбирать – только время зря потратим. Или вообще сдохнем тут. Дальше двигаться надо! Инок придет, если живой. Там, в Припяти, и встретимся!

– А если он раненый или без сознания по ту сторону валяется?!

– Гурон, ты сталкер?

– Штопор, автомат опусти. Я много говорить не люблю, заметил, наверное?

Ветеран кивнул, но оружие не опустил.

– Иди, – Гурона покачнуло, – в спину стрелять не буду.

– Ты тоже? Тоже сдвинутый?! – Штопор сплюнул. – Там в тайнике артефактов на полмиллиона евро! Только не говори, что тебя деньги не интересуют!

– Интересуют, – буркнул Гурон. – Сначала Инок, потом деньги, – уточнил он.

– Но почему?!

– Жадный, ты Штопор. Я, может, только тут по-настоящему в дружбу поверил. Жизнь научился ценить. Инок для меня, как… – Он махнул рукой, не сумев подобрать нужного сравнения. – А ты – деньги, деньги. Иди один. Больше достанется. Я тебе объяснять ничего не обязан. Если до седых волос дожил, по Зоне ходил и ничего не понял, уже никогда не поймешь. Не судьба.

– Гурон, подумай!

– Что думать? Что ты ко мне прицепился?

– Не дойти мне одному… – нехотя признал Штопор.

– Это твои проблемы.
– Слушай, ну завал-то ты разбирать не станешь?
– Нет.
– Тогда пошли. До ближайшего ответвления, если решил назад возвращаться. Все равно нам по пути!
Гурон на секунду задумался.
– Ладно. – Его рука соскользнула с рукояти пистолета. – Сначала мой автомат найдем. Но предупреждаю: до первого тоннеля, уходящего в нужную мне сторону, понял?
Штопор кивнул. Он часто жаловался на память, но на самом деле амнезией не страдал. Та транспортная развязка, что теперь осталась позади, за завалом, была последней на пути к подземельям, расположенным под городом-призраком. Именно оттуда, из разветвленной сети городских коммуникаций, проникали в тоннель мутанты. Предстоящий отрезок пути был самым сложным и опасным. Пусть Гурон думает, что идет чисто так, до первого поворота. А этот поворот расположен очень близко к той точке, куда стремился Штопор.
«Дальше как-нибудь сам доберусь», – подумал он.
– Я согласен. А автомат твой вон там валяется, – Штопор указал фонарем в глубь тоннеля.

* * *

Впереди пузырились, источая зеленоватый свет, лужи аномалий. В призрачном освещении смутно прорисовывались разбитые, покосившиеся конструкции. Огромная переборка из алюминиевого сплава, перегораживавшая основной тоннель, с одной стороны была смята, словно скомканный лист бумаги.
Гурон остановился.
– Что там?
Штопор нервно сглотнул.
– Изолированный участок тоннеля, – ответил он. – Дальше, метров через семьсот, еще одна переборка, отделяющая сектор от подземелий Припяти, но она тоже сломана.
– А между ними?
– Какие-то агрегаты, устройства, много помещений, но все разгромлено.
– Выходит, ответвлений тоннеля больше нет? – насупился Гурон.
– Есть. Перед самой Припятью.
– Ну, ладно. Посмотрим. Я вперед, ты чуть сзади. Прикрываешь.

Штопор не возражал. Он даже обрадовался распределению позиций и обязанностей.

Под толстыми подошвами похрустывал битый пластик. Гурон двигался медленно, обходя студни, поглядывая на экран ПДА, изредка останавливаясь, чтобы прислушаться.

Из глубин тоннеля доносились невнятные, тревожные звуки. Какая-то возня, скрежет металла, слабые вздохи.

Свет фонаря выхватывал из мрака скомканные листы алюминиевого сплава, покосившиеся стойки, ранее подпиравшие свод, испещренные пулевыми отверстиями секции переборки, каким-то чудом еще удерживающиеся на креплениях. Повсюду следы беспощадного боя.

Гурон ощущал возрастающую тревогу. Система ночного видения не работала из-за треснувшего, пришедшего в негодность проекционного забрала боевого шлема, свет фонаря помогал слабо, он скорее мешал, выдавая точное местонахождение сталкера.

– Штопор, замри!

Фонарь Гурона погас. Зеленоватый сумрак полнился неясными тенями.

Гурон сжал в руке оборонительную гранату. Ребристая поверхность «эфки» ощущалась даже через толстый материал перчаток. Потолок тоннеля бы не задеть… Он коротко замахнулся, швырнул гранату и тут же присел за несколькими бочками, нагроможденными перед пузырящейся, зеленоватой лужей студня.

Метрах в двадцати, в глубине непонятного сектора, сверкнуло пламя, раздался взрыв, скрип металла превратился в ревущий скрежет, протяжным эхом от стен отразилось несколько воплей, и смутные тени, метавшиеся на пределе восприятия, вдруг со смертельной стремительностью начали обретать материальность.

Первым, ломая покореженные конструкции и сбивая стойки, в поле зрения появился разъяренный псевдогигант. Туша весом в полторы тонны, неповоротливая, но чрезвычайно опасная в тесных пространствах, – живой таран, лишенный малейших проблесков интеллекта. Ученых всегда поражала толщина его черепа, защищающего, в общем-то, примитивный мозг.

Штопор первым открыл огонь.

Гурону пришлось отскочить в сторону, чтобы не быть раздавленным, но все равно ему досталось по полной программе: рывок псевдогиганта разметал металлические конструкции, они будто взорвались изнутри, когда тот вырвался из глубин странных сооружений на простор тоннеля.

Несколько согнутых металлических балок рухнули в паре метров от сталкера, одна угодила в студень, подняв фонтан зеленоватых брызг, бетон в местах попадания капель зашипел, размягчаясь, несколько пустых бочек, за которыми прятался Гурон, испятнало зелеными плевками.

Автомат Штопора смолк – кончились патроны. Гурон уже пришел в себя, успел развернуться, всадив в спину псевдогиганту с десяток разрывных пуль. Тоннель наполнился оглушительным ревом. Кровь хлестала из многочисленных рваных ран на теле монстра, он по инерции пробежал еще метров двадцать, затем остановился, неуклюже перебирая ногами, развернулся и ринулся на Гурона.

Штопор по непонятной причине не стрелял. То ли его задел живой таран, то ли ветеран испугался до состояния полного паралича. В любом случае Гурону предстояло выкручиваться самому.

Зная повадки псевдогигантов, он метнулся к противоположной стене, на ходу меняя автоматный магазин. Рвать толстую шкуру в надежде, что тварь истечет кровью, как минимум бессмысленно. Только бронебойными. В голову, благо череп большой, не промахнешься.

Маневр удался. Гора мышц пронеслась мимо, разбрызгивая лужицы студня. Гурон уже перезарядил оружие, вскинул автомат и начал бить короткими очередями в два-три патрона, постоянно двигаясь вдоль стены.

Тварь успела развернуться для повторной атаки. Гурон не дрогнул. В критические секунды он отличался завидным хладнокровием: псевдогигант несся на него, наискось пересекая тоннель, а он продолжал стрелять, смещаясь короткими приставными шагами, вбивая пулю за пулей в огромную голову, плавно перетекающую в туловище, пока монстр, пошатнувшись, вдруг не начал падать.

Сила инерции по-прежнему тащила его вперед. Гурон едва успел отскочить на безопасное расстояние, прежде чем гора обмякших мышц врезалась в стену тоннеля и застыла, конвульсивно подрагивая.

– Штопор! Прикрой!

Из развороченных металлопластиковых джунглей неслись снорки, мелькнул и исчез силуэт кровососа. Гурон выхватил гранату, выдернул кольцо, но швырнуть ее не успел – оглушительный ментальный удар контролера внезапно парализовал разум.

Волна навязанного извне полного безразличия к происходящему мгновенно накрыла рассудок, заставляя подчиниться ментальному приказу, опустить оружие и, медленно переставляя ноги, пошатываясь, пойти на зов.

Пять или шесть снорков остановились, не завершив начатой атаки.

Из сумрака появилась еще одна фигура в бронекостюме. Это был

Штопор. Ветеран шел, двигаясь очень медленно, словно заново учился ходить. Его пошатывало, автомат, опущенный стволом вниз, бил по ногам.

Гурон уже пересек границу непонятного, изолированного в прошлом сектора. Его зрение как будто раздваивалось. Взгляд скользил по множеству громоздких устройств, образующих сложный комплекс, ноги двигались машинально, а перед мысленным взором то и дело возникала иная картинка: снорки, бросившись на тушу псевдогиганта, рвали ее, выхватывая друг у друга куски мяса.

Непонятные агрегаты остались позади, теперь Гурон продвигался по коридору. За невысокими, всего два метра, перегородками из непрозрачного стекла, удерживаемого в металлопластиковых каркасах, располагались жилые помещения, лаборатории, подсобки.

Взгляд человека не способен проникать сквозь непрозрачные препятствия, но сталкер не столько видел, сколько отчетливо представлял, что именно скрыто за той или иной преградой. В другое время он бы оцепенел от ужаса, осознав, что его движениями и мыслями руководит рассудок контролера, который обитал тут достаточно давно, чтобы знать планировку помещений и их внутреннее наполнение.

Гурон шел, не думая ни о чем. Собственные мысли исчезли. То же самое происходило и со Штопором.

Теперь они станут свитой исчадия Зоны. Больше уже не возникнет желания сопротивляться, не будет страха или отвращения. Только полное безразличие и готовность исполнить любой ментальный приказ.

Пройдя метров сто по коридору, миновав десятки разгромленных помещений, Гурон, а вслед за ним и Штопор вошли в просторный зал. Когда-то тут располагалась столовая. Ровный бетонный пол устилали осколки стекла и обломки пластиковой мебели.

Контролер сидел на корточках в самом дальнем, темном углу. Его руки, похожие на конечности орангутанга, касались кулаками пола. Огромная, лишенная волос голова выглядела непропорционально большой. Лысый шишковатый череп, массивные надбровные дуги, мясистый нос, дряблые щеки, грубый подбородок, приоткрытые в злобной усмешке губы – все это выглядело мелкими деталями по сравнению с глазами твари.

Темные, будто два омута, они смотрели пронзительно и в то же время умиротворяли, взгляд контролера высасывал рассудок, навевал желание присесть рядом и ждать. День, два, неделю, месяц – пока хозяин не отдаст четкого ментального приказа к действию.

Контролеры общались со своими жертвами телепатически, сначала подавляя разум, а затем манипулируя самыми примитивными чувствами,

стимулируя страх, голод, ярость, иногда, в зависимости от ситуации, чуть-чуть отпуская свои жертвы с ментального поводка, чтобы те смогли проявить немного былой сообразительности, защищая хозяина. С питанием, судя по скопившемуся в логове количеству костных останков, у контролера проблем не возникало.

Странная, чуждая человеческому рассудку, лишенная смысла жизнь.

Гурон и Штопор присели в метре от контролера. Через некоторое время к ним присоединились насытившиеся снорки.

Все. Самостоятельная жизнь завершилась.

Двум сталкерам была уготована незавидная участь. Большее количество оставшегося им времени они будут неподвижно сидеть в обществе снорков, пока поблизости не появится дичь или не придут враги, в чьих мыслях контролер прочитает угрозу.

Все кончено… кончено… кончено… расслабляющее тепло охватывает тело… нет желаний… нет мыслей…

Тело Гурона расслабилось.

Граната, которую он некоторое время назад собирался метнуть в атакующих снорков, наконец выпала из ослабевших пальцев, глухо стукнулась об пол; с тихим звоном отлетела подпружиненная предохранительная скоба, ребристая «рубашка» тускло сверкнула глянцем заводской краски; «эфка» прокатилась по бетонному полу и остановилась в десятке сантиметров от сидящего на корточках мутанта.

Гурон, лишившийся собственной воли, не думал о гранате. Он не боялся. Ему было все равно.

Через пару секунд в замкнутом помещении полыхнул ослепительный взрыв. Сталкеров, сидевших по бокам от пленившей их твари, отшвырнуло в стороны, а основной удар осколков пришелся по массивной туше контролера и сгрудившимся напротив сноркам.

* * *

Нечем дышать…

Гурон выгнулся, его тело били конвульсии, перед глазами все плыло и двоилось, из ушей текла кровь, в левой ноге засела саднящая боль.

Сознание вновь помутилось.

Перед глазами плавали черно-оранжевые пятна, на их фоне мелькали обрывочные воспоминания, словно сама Зона беззастенчиво копалась в душе сталкера, вороша память. Он вспомнил, как пришел сюда, совсем еще мальчишкой, как быстро огрубел, как выжил, не понимая, что внешний мир захлопывает двери и нет никакого смысла в ежедневном риске, в

изматывающей борьбе, потому что Зона не отпустит. Она исподволь вползает в душу, стирая мечты, меняя ценности, не убивая, но изменяя…

В лучшую или худшую сторону – трудно понять, не с чем сравнивать.

Судорожным вдохом вернулось сознание. Он вынырнул из бездонного черного омута, будто гигантский сом, какие, говорят, водятся в Припяти, увидел тусклый свет, с нечеловеческим усилием повернул голову.

Разорванные осколками трупы снорков.

Откатившийся в сторону фонарь.

Опрокинувшийся на спину контролер. Все вокруг забрызгано влажными комочками серого и алого цветов.

Гурон собрал все силы, со стоном перевалился набок.

У контролера нет лица. Только затылочная часть черепной коробки.

Что мы делаем тут? За каким счастьем рвемся? О чем мечтаем?

Деньги?

Нет. Уже давно – нет. Инок прав, плевать, сколько цифр отражено на счету в швейцарском банке.

Нет сил двигаться. Боль в ноге пульсирует, разум вновь погружается в темноту.

Гурон не хотел умирать. Он не цеплялся за жизнь, а именно не хотел умирать. Что-то покалывало шею, и по телу начинала разливаться блаженная эйфория.

Я выберусь. Уйду. Уговорю Инока, и мы вместе уйдем. Нет, я не сдался… Нет, Инок, ты ничего не понимаешь!.. В жизни должно быть что-то еще. Другое.

Вспомнилась первая, доармейская любовь.

Пряный вечер. Запах сирени, звездное небо без кислотных облаков. Березовая роща, не изуродованная мутациями, нежная клейкая зелень едва распустившихся листочков, не испятнанная космами ржавых волос…

И вдруг пришло другое воспоминание.

Тесная квартирка на окраине огромного города. Текучая река огней за окном. Дребезжащие стекла, смог над проезжей частью, как будто это не улица, а ложбина меж радиоактивных холмов Свалки. За стеной панельного дома – очередная склока. Пьяный сосед орет, с грохотом опрокидывается мебель, удушливая злоба, кажется, просачивается даже сквозь стену. Плач соседского мальчишки, вскрик женщины…

Сейчас бы пошел и убил. Не стал бы этого выносить, слушать. А тогда сидел, уткнувшись в компьютер, и делал вид, что ему все равно…

Может в Щвейцарию, Инок?

А что там? Стены толще? Звукоизоляция лучше? Люди другие?

Вставай, Гурон. Мы бежали сюда, каждый от своей безысходности, а нашли силы. Силы быть самими собой.

Здесь нечего любить и нечем дышать.

Вставай, Гурон. Вставай.

Сознание опять прояснилось.

Не было рядом Инока. Лишь трупы снорков, мертвый контролер, тусклый свет от лужиц студня, флюоресцирующий мох по стенам, и в смешении неярких красок – силуэт кровососа, склонившийся над телом Штопора.

Тварь пыталась разодрать бронекостюм, а Штопор лишь вяло отбивался руками.

Превозмогая боль, Гурон дополз до валявшегося поодаль автомата, схватил его, перевернулся на спину. Руки дрожали от напряжения, но он все же прицелился, выстрелил, затворная рама дернулась, как живая, выплевывая гильзы, бронебойные пули хлестнули по спине кровососа, неровная строчка попаданий добежала до затылка, и тварь, нелепо взмахнув руками, повалилась на Штопора. Тот заорал, извиваясь, пытаясь выбраться из-под придавившего его тела, – ужас придал сил, и Штопор все же вскочил, дико озираясь по сторонам, метнулся в одну сторону, в другую, затем будто опомнившись, остановился.

– Гурон!

– Тут я.

Штопор резко обернулся, увидел сталкера, бросился к нему.

– Думал, все… Смерть… – Он покосился на распластанную тушу контролера и вдруг схватил Гурона за руку. – Пойдем отсюда! Пойдем!

– Штопор, прекрати истерику! – Гурон с трудом встал, опираясь на автомат. – Оружие свое подбери!

– Мы с тобой чуть не сдохли! – Штопор вдруг развернулся и в исступлении пнул тело контролера. – Ненавижу!.. Ненавижу!.. – орал он.

Гурон не стал его останавливать.

Пока Штопор вымещал запоздалую ярость, Гурон расчехлил резервную аптечку и, морщась от боли, отодрал два ромбовидных, изувеченных гранатными осколками фрагмента бронепластин, позволив комплексу для поддержания жизни обработать раны антисептиком и произвести необходимые инъекции. Боль в ноге сначала вспухла с новой силой, затем понемногу улеглась. С последствиями контузии дело обстояло хуже. Время от времени к горлу подкатывала дурнота, слух понемногу восстановился, кровотечение из ушей прекратилось, но сознание временами как будто проваливалось в абсолютную темноту.

– Ты прав… Уходить надо… Выбираться отсюда… – Гурон с трудом привстал, схватил Штопора за плечо. – Хватит его пинать! Оружие подобрал, и за мной! В темпе!

Штопор хорошо воспринимал приказы. Отстав от мертвого контролера, он отыскал свой автомат.

– Перезарядить не забудь! Ты почему стрелять прекратил, когда псевдогигант на нас выскочил?

– А? – Штопор обернулся. – Так патроны кончились.

– Совсем? – К Гурону вернулся его обычный тон.

– Испугался. Не сообразил.

Пустой магазин полетел на пол.

– Подбери. И в подсумок. Потом еще пригодится. – Гурон, прихрамывая, направился к выходу из помещения. – Короче, действуем так: я впереди, сканирую аномалии и слежу за обстановкой. Ты держишь дистанцию в паре метров позади. Сколько у тебя гранат?

– Три.

– Вот мои забери. Еще четыре штуки. Идешь следом, я тебе огнем из автомата буду направление на цель указывать. Больше с контролерами дел иметь не хочу. Договариваемся так: если бью короткой очередью, ты не дергаешься. Если длинной – гранату туда. Понял?

– Понял. – Голос Штопора прозвучал глухо. – Нам еще метров пятьсот надо пройти.

– Пройдем. Главное, не отставай.

* * *

Полкилометра, оставшиеся, по словам Штопора, до выхода в район разветвленных коммуникаций, расположенных уже непосредственно под Припятью, они преодолели с трудом. Аномалий на пути почти не встречалось, по крайней мере они не являлись серьезной, непроходимой преградой, а вот разных тварей тут обитало столько, что у Гурона голова шла кругом.

Они двигались в темпе, не бегом, но быстрым шагом, по центральному коридору непонятного исследовательского сектора, выстроенного в тоннеле уже после того, как ракетную базу эвакуировали. Множество боковых помещений таили сотни непредсказуемых опасностей. Гурон, двигаясь первым, бил одиночными, экономя патроны. Он стрелял разрывными, выбивая стеклопакеты, вгоняя в помещения искрящееся крошево острых осколков, и тут же, если в сумерках вдруг мелькала какая-то тень, останавливался, часто нажимая на спуск.

На отрезке в сотню метров удалось застрелить около десятка снорков, дважды попадались бюреры, затем в коридор, по которому двигались сталкеры, внезапно хлынула стая крыс. Рванув вниз переводчик огня, Гурон дал длинную очередь. Штопор не растерялся, две гранаты одна за другой полетели по короткой дуге.

– В сторону!

Они метнулись в боковое помещение. Два взрыва ударили с интервалом в пару секунд, стаю крыс и появившихся в коридоре крысиных волков разметало по сторонам, досталось и сталкерам, – ударной волной в радиусе сотни метров снесло перегородки, метель острых осколков стекла пронеслась по тоннелю, кромсая все, что попадалось на пути.

– Бегом! Вперед! Не останавливаемся!

Гурон уже понял, что спасением в тесноте тоннеля была лишь скорость передвижения. Забыв о ранении, он побежал.

Впереди из-за разбитой, искореженной преграды, испещренной пулевыми отверстиями, зияющей внушительных размеров проломами, сочился красновато-зеленый сумеречный свет.

Под толстыми подошвами ботинок хрустело стекло, пищали раздавленные крысы, снорки появлялись внезапно, атакуя с разных сторон, боезапас таял, с бронекостюма стекала кровь, только уже непонятно, своя или чужая? Два автомата били не умолкая, лишь в моменты перезарядки возникали короткие паузы.

И снова Гурон ощутил ледяное дыхание ментального воздействия контролера, но на этот раз расстояние до источника парализующей воли оказалось слишком велико. Дрожь и ледяная испарина, мгновенное помутнение сознания, едва не окончившееся падением, ударили как рикошет – эманация телепатических волн лишь прикоснулось к разуму сталкера, заставив того споткнуться.

С трудом удержав равновесие, он остановился.

Сердце бешено колотилось, едва не выскакивая из груди. По тоннелю, прихрамывая, бежал Штопор, за ним по нагромождениям рухнувших конструкций неслись снорки. Гурон вскинул автомат, короткими очередями сшибая тварей, но через несколько секунд магазин опустел.

Он выхватил пистолет, заорав:

– Штопор, гранаты!

Ветеран, пробежав еще с десяток метров, вдруг развернулся, одну за другой метнул три последние гранаты и снова ринулся к Гурону.

Взрывы, полыхнувшие в замкнутом пространстве тоннеля, окончательно нарушили шаткое равновесие возведенных тут конструкций,

раздался скрежет сминаемого металла, со звоном лопались уцелевшие вставки непрозрачного стекла, казалось, что в темноте зашевелился огромный металлический монстр. Снорков, изготовившихся к прыжку сбросило вниз.

Грохот падающих металлических балок смешивался со скрежетом потерявшей опору переборки. Огромная секционная преграда медленно кренилась, грозя вот-вот рухнуть.

– Сюда! – заорал Штопор, указывая на внушительных размеров пробоину.

Они успели проскочить в нее, прежде чем переборка, отделявшая тоннель от подземелий, расположенных под Припятью, окончательно рухнула, похоронив под собой преследовавших сталкеров тварей.

* * *

Тяжело дыша, Гурон привалился к шероховатой стене.

Бронекостюм пришел в полную негодность. Ромбовидные сегменты металлокевлара, закрепленные на основе из специальной ткани, были вырваны нечеловечески сильными ударами когтистых лап снорков, некоторые еще держались, оторванные лишь наполовину, но толку от защитной экипировки уже не было никакого, – только лишний вес да стесненность движений.

Патронов почти не осталось. Два наполовину пустых магазина к автомату и несколько пистолетных обойм, вот и все, чем он располагал.

Штопор выглядел не лучше. Если у Гурона в основном пострадали руки, грудь и плечи, то у ветерана бронекостюм был разодран на спине.

– Патроны есть?.. – едва отдышавшись, спросил Гурон.

– Последний магазин, – хрипло ответил Штопор.

– И что дальше? Куда ты меня завел? – Сталкер не без дрожи огляделся вокруг.

В сумеречном пространстве огромного подземелья меж подпирающих своды железобетонных колонн гнездилось множество аномалий. электры, жарки, студни, колонии ржавых волос, да в придачу к ним гонимые сквозняками частички жгучего пуха, мелькающие в призрачном освещении, будто хлопья снега… Багряное сияние исходило из недр конусообразных провалов, сочилось из трещин и разломов в бетонированном полу, словно под ним залегали расплавленные магматические массы.

– Это бывшее бомбоубежище, – отдышавшись, ответил Штопор.

– Тоннель, по которому мог пойти Инок, выводит сюда?

– Я точно не знаю. – Ветеран присел. Его руки дрожали. – Если пересечь убежище по диагонали, то там будет еще два выхода из каких-то тоннелей, – некоторое время спустя добавил он.

– До твоего тайника далеко?

– Нет. Либо два квартала по городским улицам, либо метров двести по подземелью. – Штопор, немного придя в себя, кивнул в сторону аномалий. – А зачем тебе тайник?

– Ты сам сказал – артефакт «черный маятник» защищает от воздействия контролеров. – Гурон, поморщившись от боли, привстал, цепляясь руками за столб. – Не хочу еще раз попасть под ментальный удар. Давай договоримся, Штопор: один артефакт тебе, другой мне.

– Но я должен отнести их торговцу, на Кордон!

– Отнесешь. После того как отыщем Инока и выберемся отсюда, я верну тебе артефакт.

Штопору предложение не понравилось. Он ничего не ответил, озираясь вокруг. Неподалеку в мрачном зеве пройденного тоннеля вновь зашевелились неясные тени, оттуда доносился скрежет металла, царапанье, глухое ворчание…

Впереди аномалии, сзади – недобитые мутанты, где-то поблизости как минимум еще один контролер, чье воздействие он также почувствовал. Выхода нет. Как и тогда, два года назад, осталось лишь одно паническое желание – плюнуть на все и бежать… однако иной страх, засевший глубоко в сознании, перечеркивал все остальное. Небольших размеров серебристый кейс, уложенный на дно рюкзака, постоянно напоминал о себе.

Не выполню задания – меня убьют.

Казалось бы, после всего увиденного и пережитого разве возможно страшиться гипотетической угрозы? Кто достанет его тут?

Мучительное противоречие заключалось в том, что Штопор ненавидел Зону. Она оказалась во много крат сильнее его. Психологически сильнее. Он мог убить мутанта, обойти аномалию, но не в силах был преодолеть свой страх. В отличие от того же Инока или Гурона он жил под постоянным прессом подсознательного ужаса, ощущения собственной ничтожности и беспомощности перед лицом необъяснимых явлений.

Жизнь в Зоне не устраивала Штопора ни по каким критериям.

А билет в большой мир – всего-то в двухстах метрах. Которые еще нужно пройти, лавируя меж множества аномальных ловушек. В прошлый раз, когда он проходил тут два года назад, аномалий было раз в десять меньше.

Воспользоваться опытом Гурона?

Он вне сомнения найдет безопасную тропу. Но что будет, когда они дойдут и он увидит… Мысль осеклась. Даже думать не хотелось о последнем испытании.

Умей он обращаться с модернизированным ПДА, не задумывался бы ни на секунду. Гурона незачем и убивать. Он и так истечет кровью. Достаточно врезать ему по затылку, отобрать детектор, а об остальном позаботятся снорки.

Штопор вновь взглянул на аномалии, выдающие свое присутствие легким потрескиванием, искажением предметов в багряном свете, сочащемся из трещин в бетонном полу. Нет, одному не пройти…

– Ладно. Договорились. – Он обернулся. – Дойдем до тайника – отдам тебе один маятник.

Гурон, сделавший себе инъекцию, кивнул.

– Я впереди, ты прикрываешь. – Он посмотрел на дисплей ПДА, произвел несколько переключений и добавил: – Идешь за мной след в след. Двигаемся медленно, чтобы не вызвать реакцию жгучего пуха.

* * *

Скопление аномалий действительно оказалось достаточно плотным.

Гурон шел строго по приборам, даже не оглядываясь вокруг. Зрительное восприятие границ аномалий зачастую обманчиво, а швырять болты в плотном скоплении ловушек – занятие самоубийственное. Очаг аномалии и ее внезапно расширившаяся граница воздействия при активации – далеко не одно и то же. В спокойном состоянии ловушки еще можно обойти, но стоит только побеспокоить хотя бы одну, и пойдет цепная реакция, аномалии расширятся, перекрывая друг друга, что равнозначно смерти.

Исключение, пожалуй, составляли лишь космы ржавых волос, свисавшие со сводов подземелья. Они, конечно, обладали весьма неприятным воздействием, оставляя ожоги на незащищенных участках кожи и поражая коррозией металлические предметы экипировки, если те не выполнены из легированного сплава или металлокомпозита, но зато ржавые волосы не имели расширяющегося поля воздействия, и прохождение через них не влекло за собой активации соседних очагов аномальной активности.

Почти несомые частички жгучего пуха Гурон в данный момент игнорировал. От него нормально защищала даже простая одежда и матерчатая повязка на лицо. Жгучий пух опасен только в местах его скопления, обычно в оврагах, воронках, иногда в подвалах и комнатах

старых домов покинутых людьми деревушек.

– Штопор, не отставай! – процедил сквозь зубы Гурон, огибая многоугольник из нескольких жарок.

Под ногами змеились непонятные, источающие багрянец трещины.

Перешагивая через один из разломов в бетонном полу, он взглянул вниз. Детектор на багряное свечение не реагировал, зато начал тревожно пощелкивать дозиметр. В трещины просачивалась радиация. Что за процессы происходят под землей, оставалось полной загадкой.

«Места, похоже, абсолютно гиблые…» – подумал Гурон, преодолевая последние метры пути.

Впереди виднелась массивная бронированная дверь, испещренная отметинами от пуль. В отличие от всего виденного в подземельях, конструкция двери выглядела относительно новой, с нее даже не успела облупиться заводская краска, да и многочисленные выщербины отсвечивали ртутным металлическим блеском.

Перед дверями вповалку лежало несколько тел. Одни в экипировке сталкеров, другие в серо-черных защитных костюмах… Наемники…

Детектор понемногу перестал вибрировать.

– Ну, все, Штопор, дошли. – Гурон обернулся, и в этот миг ему в грудь ударила автоматная очередь.

* * *

Мельком, без сожаления взглянув на тело Гурона, Штопор опасливо обошел мертвецов, стараясь не вспоминать, как и при каких обстоятельствах те погибли, перешагнул массивный порог и оказался внутри тесного, напичканного различной аппаратурой помещения.

За два года здесь ничего не изменилось. Попасть сюда можно было лишь двумя способами – либо по вертикальному колодцу, в данный момент плотно запертому массивным люком с внутренним замком, либо через бомбоубежище, пробравшись через скопление аномалий.

«Угораздило же меня тогда прихватить этот треклятый компонент», – зло подумал Штопор, доставая из рюкзака небольшой серебристый кейс с несколькими контактными разъемами на торцевой поверхности. Что в нем, он так до сих пор и не узнал. Вскрыть не удалось, вот и припрятал на Кордоне, до лучших времен.

Откуда ж ему было знать, что схватив впопыхах небольшой чемоданчик, он тем самым изъял из расположенного в этой комнатке комплекса его главную составляющую?

Хуже того, Штопор со своей жадностью, сам того не подозревая,

сорвал тщательно подготовленную операцию. Что за люди ее готовили, в чем заключался смысл функционирования расположенной тут аппаратуры, он не знал и знать не хотел. Достаточно, что его разыскали во внешнем мире, арестовали банковские счета и под воздействием спецпреппаратов быстро добились полного чистосердечного признания. Штопора, уже начавшего забывать о Зоне, поставили перед выбором: либо медленная, мучительная смерть, либо возвращение изъятого по недомыслию компонента.

Поначалу он надеялся, что от него отстанут, узнав, что кейс не покидал пределов Зоны, но не тут-то было. Оказывается та спецгруппа, с которой внезапно столкнулись сталкеры Брокера, была первой, но далеко не последней. На протяжении двух последних лет в Зону посылали прошедших серьезную подготовку специалистов, но ни один не вернулся назад.

Теперь настала очередь сталкера исправлять собственные ошибки.

Ну да что ж теперь? Уже добрался… Осталось лишь воткнуть на место проклятый компонент, дождаться успешной загрузки комплекса, и все – снова богат и свободен…

Руки Штопора слегка дрожали.

Кейс лег в предназначенное ему углубление, контактные разъемы с тихим щелчком вошли в ответные гнезда, и блоки расположенной вокруг аппаратуры вдруг ожили. Осветилось несколько экранов, под темной глянцевитой поверхностью приборных панелей забегали крошечные огоньки, проступили контуры сенсорных клавиатур.

Штопор вспомнил переданные ему инструкции, нашел расположенный особняком комплекс спутниковой связи, набрал код.

Ответили сразу.

– Слушаю. – Обезличенный, пропущенный через обработку специальной программой голос незримого абонента глухо прозвучал в тесном помещении.

– Это Штопор. Я делал все, как сказали. Комплекс включился.

– Да, мы уже в курсе.

– Я могу быть свободен?

– Еще несколько минут. Дождитесь окончания загрузки, господин сталкер. И прочтите нам надпись, что появится на экране. Мы хотим убедиться, что поступающие через спутник данные соответствуют реальному положению дел.

– Хорошо. Я не отключаюсь.

Штопор присел на край вращающегося кресла, положив на колени

автомат. Наконец на одном из экранов непонятные цифробуквенные коды сменились несколькими строками читаемых надписей.

– Комплекс загрузился.

– Закройте внутренний люк. Затем прочтите текст.

– Люк-то зачем закрывать?

– Делайте, что сказано. Иначе сработает система защиты. Вы же не хотите новых неприятностей?

– Ладно. Сейчас.

Неприятностей Штопор не хотел. Ни новых, ни старых, однако оказаться запертым в тесной комнатушке, не зная, откроются ли массивные двери вновь, ему тоже не улыбалось. Не на того напали.

Он лишь прикрыл дверь. Обыкновенные нажимные датчики, сигнализирующие о полном закрытии, он установил в необходимое положение при помощи нескольких сплющенных автоматных гильз, подобранных тут же на полу.

Вернувшись к панелям управления, он сел в кресло.

– Двери закрыты. Читаю появившиеся сообщения…

Взгляд Штопора скользнул по экрану.

Завершен процесс холодной перезагрузки.

Модуль взлома сервера «Монолит» инициализирован.

Попытка установки связи.

Статус – завершено.

Начало процесса взлома. Попытка перехвата управления.

Последнюю фразу он выговорил с трудом, запоздало ужаснувшись тому, что сделал.

– С вами приятно было иметь дело, господин Штопор. А теперь прощайте.

Из-под приборных панелей под давлением ударили струи газа. Штопор вскочил, но добежать до двери не успел, ноги подкосились, в голове поплыл туман, а затем сознание померкло.

Навсегда.

Глава 6 Припять

Система подземных коммуникаций. Район объекта «Чернобыль-2»

Метров через двести тоннель снова разветвился.

Инок остановился.

Железнодорожные пути явно уходили к Радару, соваться туда не было ни желания, ни смысла. Что толку оказаться между молотом и наковальней? Изоляционные силы, судя по всему, рвались к Припяти, стремясь любой ценой прорвать монолитовские рубежи и занять город энергетиков.

Загадочная и даже зловещая секта «Монолит» многие годы являлась единственной силой, контролировавшей Радар, Припять и АЭС. Просто так они позиций не сдадут – о фанатичном упорстве и бесстрашии бойцов группировки ходили легенды, и Инок был одним из немногих сталкеров, кто точно знал: это не вымысел и не раздутый слух.

Земля над головой продолжала содрогаться, грозя новыми обвалами.

Станция загоризонтного обнаружения «Дуга» в советские времена являлась засекреченным номерным объектом. На любых картах она обозначалась как «пионерский лагерь». Основная часть оборудования и боевые посты располагались под землей в глубоко эшелонированных бункерах. Над поверхностью возвышались лишь две огромные антенны, особняком стояли несколько блочных жилых домов, под сенью нетронутого при строительстве леса прятались казарменные помещения, была даже своя школа, небольшой стадион, – все, кто охранял секретный объект или нес боевое дежурство, проживали тут же, на территории «Чернобыля-2». Кроме прочего, ЗРЛС «Дуга», как и любая стратегическая точка, оборудовалась собственной системой укреплений, не только препятствующих прохождению на территорию комплекса случайных людей, но и защищающих его от наземного нападения со стороны вероятного противника, проникновения диверсионных либо десантных групп.

Сейчас, после нескольких десятилетий забвения, большинство построек обветшало, за исключением долговременных укрепленных огневых точек. Здания, прячущиеся в лесу, также служили неплохими опорными пунктами для сил группировки «Монолит», сдерживающих сейчас натиск военных.

Инок вновь посмотрел на экран ПДА, где в данный момент

отображался фрагмент электронной карты. Подземные коммуникации на ней в силу понятных причин отмечены не были. Куда заведет его боковой тоннель, оставалось только гадать. Возможно, он вообще оканчивается тупиком или соединяет «Чернобыль-2» с находящимся в нескольких десятках километров поселком Любеч, где ранее располагался передатчик комплекса загоризонтного обнаружения.

Сложный выбор. Многие территории Зоны Отчуждения непроходимы из-за смертельного радиационного загрязнения, обилия мутантов и аномалий. Единственный известный путь к Припяти проходил по поверхности, через Радар, от которого до АЭС менее десяти километров.

Лезть в пекло боестолкновения – рискованно, двигаться по ответвлению тоннеля в полную неизвестность – тоже не лучший вариант.

Инок склонялся к оправданному риску. Идти дальше следовало по земле. Но выход на поверхность нужно искать чуть в стороне от «Чернобыля-2».

Приняв решение, он не стал никуда сворачивать.

Тоннель, по которому он двигался, плавно изгибался, по ходу движения все чаще встречались осыпи, а затем в свете фонаря начали появляться массивные металлические двери, некоторые – плотно задраенные, другие – приоткрытые или вовсе вырванные из креплений. В одном из таких входов он увидел начало лестничного марша, ведущего к поверхности.

Интенсивные звуки стрельбы не стихали, но постепенно отдалялись, превращаясь в глухие толчки и неясный шум.

Отключив фонарь, Инок задействовал ПНВ. Электронные системы бронекостюма работали со сбоями, но выбирать не приходилось: в теснине лестничных пролетов свет лишь выдаст его, не дав никаких преимуществ при внезапном столкновении с противником.

Относительно друзей и врагов Инок особо не обольщался. Что военные, что монолитовцы представляли для сталкера-одиночки одинаковую опасность. Монолитовцы – хладнокровные, не знающие эмоций бойцы, без тени сомнений или колебаний уничтожат любого, не принадлежащего к их группировке. Военные, доведенные до предела напряжением непрекращающегося уже сутки штурма, тоже не станут разбираться, кто перед ними.

Мысли не мешали Иноку бесшумно подниматься по бетонным пролетам узких лестничных маршей. Мягкие, толстые подошвы ботинок заглушали звук его шагов, вокруг царил плотный мрак, среди следов запустения попадались и свидетельства недавнего пребывания людей: пару

раз на площадках под ноги попадались россыпи автоматных гильз, кое-где на стенах виднелись свежие отметины от пуль, остальные подробности скрадывала темнота.

Он поднялся уже достаточно высоко. Пора бы уже обнаружиться входу в какие-либо помещения, не может же лестница продолжаться бесконечно…

Ага. Вот и выход…

Инок замер, прислушиваясь.

Звуки боя стали отчетливее, резче. Переключив коммуникатор на частоту военных, он тут же услышал многоголосицу команд и докладов, в эфире царил натуральный бедлам, кто-то требовал немедленной эвакуации раненых, звучали приказы отдельным группам на захват или продвижение к определенным точкам, пилоты вертолетов и командиры БТРов сыпали кодовыми сообщениями, пытаясь скоординировать огонь.

– Я пятый! Застрял у «военторга»!

– Двадцатый, по своим огонь ведешь!

– По нам с антенн снайпера бьют! У меня почти все «трехсотые»! Срочно высылайте санитарный борт к трансформаторной подстанции!

– Пурга, я Сокол, вижу тебя! Отходи, мы работаем по зданию!

– Сокол-четыре! Я подбит! Я подбит!..

Инок боком протиснулся в полуоткрытую дверь и замер.

Он увидел панораму «Чернобыля-2». Схватка бушевала как на подступах к объекту, так и на территории бывшей воинской части, где силам изоляционного контингента удалось вклиниться в оборону монолитовцев, захватив некоторые здания. Почерневший, погибший еще после первой катастрофы хвойный лес, плотно окружавший радарную станцию, местами горел, справа, подле исполинских антенн, чернели остовы подбитых БТРов, слева в районе теплиц и КПП группа военных попала под перекрестный огонь, повсюду чернели воронки, со стороны жилых зданий военного городка и расположенного подле антенн наземного командного пункта вели ураганный фланговый огонь силы «Монолита».

Инок, пытаясь сориентироваться, понял, что атака на Радар развивалась с двух направлений. Десант и группы спецназа, вероятно, высаженные с вертолетов, штурмовали передовые укрепления, в то время как часть бронетехники, совершив обходной маневр, ударила в тыл монолитовцам. Судя по всему, поначалу внезапная атака оказалась успешной – бывший военный городок, непрерывно обстреливаемый с воздуха, нападавшим удалось рассечь на два сектора. Спецназ занял казарменные помещения, солдатскую столовую, штаб, склады и теплицы.

Атака второй группы, похоже, захлебнулась, и сейчас их силы перегруппировывались в районе вымощенной бетонными плитами дороги у стоящей особняком трансформаторной станции. На территории военного городка несколько БТРов, проломив стены, заняли огневые позиции на первом этаже казармы, вертолеты били по жилым многоэтажкам, пожарному депо и зданию командного пункта.

Инок сделал еще пару шагов, окончательно определившись с собственным местоположением. Лестница вывела его в недостроенную коробку монолитного сооружения, находящегося фактически в центре бушующего вокруг боя. У строения на высоте первых этажей изначально не было окон, теперь же в стенах зияли пробоины от попадания реактивных снарядов.

На уровне, соответствующем четвертому этажу, открытую всем ветрам площадку, огороженную металлическими перилами, пронзали, проходя через плиты перекрытия, четыре конических железобетонных пилона, из которых в разные стороны торчала ржавая арматура. Между креплениями, предназначенными для установки какого-то тяжеловесного устройства, располагалась двухэтажная кирпичная надстройка. На площадке до сих пор сохранился штабелированный строительный материал, валялась решетчатая стрела от крана, ржавели под открытым небом несколько бетономешалок.

Затаившись за штабелем бетонных плит, Инок осторожно выглянул, намечая путь движения к кирпичному строению, внутри которого наверняка располагалась либо шахта лифта, либо лестница, ведущая к основанию непонятного объекта. Он собирался совершить перебежку, но, переведя взгляд, вдруг увидел двух монолитовцев, занявших позицию на краю площадки, у самого ограждения. Укрытием им служила незавершенная кирпичная кладка примерно полуметровой высоты.

Инок замер.

Один из бойцов секты спокойно вел снайперский огонь из электромагнитной гаусс-винтовки, второй, отложив в сторону автомат, сидел на корточках с полуприкрытыми глазами. Сначала Инок подумал, что тот ранен, но через мгновенье понял: монолитовец попросту выключился из реальности происходящих вокруг событий. На его лице застыло выражение полного умиротворения, что выглядело особенно дико, как-то неприемлемо среди напряжения полыхающего вокруг боя. Глаза сектанта смотрели в одну точку, по губам блуждала счастливая улыбка, словно он сейчас воспринимал нечто невообразимо прекрасное, желанное, видел и ощущал именно то, к чему стремилась его душа.

Инок еще не успел полностью осознать происходящее, как снайпер, хладнокровно произведя два выстрела, отложил в сторону электромагнитную винтовку и дотронулся до плеча своего напарника.

Тот отреагировал мгновенно. Мечтательная улыбка исчезла, он повернул голову, кивнул, потянулся к снайперской винтовке, перезарядил ее, вставив новый энергоблок, и, чуть приподнявшись над укрытием, начал целиться. Его бледное лицо оставалось при этом абсолютно спокойным, словно он вдруг утратил способность к мимике.

Выстрел. Еще один. И еще.

В ответ внезапно ударил КПВТ.

Кирпичная кладка взорвалась фонтанами обломков, монолитовцев разбросало в стороны. Инок, воспользовавшись моментом, побежал, рывком преодолевая расстояние, отделявшее его от входа в надстройку.

Внутри царил мягкий сумрак. Серый свет проникал через пробоины в стенах, в просторном помещении на полу лежало десятка два раненых бойцов группировки «Монолит». На лицах вместо страдания – все то же выражение безмятежного покоя, хотя многие не получили даже элементарной помощи. Они доползли сюда, истекая кровью.

В смежном помещении послышались шаги, и Инок метнулся в противоположную сторону. Одно недостроенное помещение, другое и, наконец, лестница, ведущая вниз.

Как прорываться через позиции сектантов и военных, Инок пока не решил. Спустившись на пару этажей, он остановился, переведя дух. Все увиденное не укладывалось в голове. До последнего момента он был убежден, что подавляющее большинство бойцов секты – это бывшие сталкеры, потерявшие рассудок при выбросах либо попавшие под губительное для разума воздействие Выжигателя, а затем взятые под контроль неким «О-сознанием».

«Но „О-сознание“ уничтожено. – Инок подошел к пролому в стене, выглянул наружу. – Выходит, оно являлось лишь частностью – пусть важным, но не решающим элементом чего-то большего, глобального?»

Внизу, у входа в недостроенное здание, накапливалась, готовясь к штурму, группа военных. Неподалеку, тихо урча двигателем, затаился БТР. Инок оглянулся, заметил еще один пролом в противоположной стене, метнулся к нему и выглянул.

Со стороны антенн к зданию группами и поодиночке подтягивались монолитовцы.

Плохо дело. Сейчас военные начнут штурм, а боевики секты ударят им в спину.

Инок не ставил себе задачу спасти мир или стать героем. Здесь у него по определению не было союзников. И монолитовцы, и военный спецназ, ни секунды не сомневаясь, просто уничтожат сталкера, случайно оказавшегося на их пути. Мирно разойтись не получится, факт.

Внизу раздался топот ног, выстрелы – спецназ начал штурм здания.

Инок, все еще находившийся у пролома, снова взглянул вниз. Монолитовцы, услышав шум, зашевелились. Ага, среди них офицер. Рослый детина, облаченный в экзоскелет, скупо жестикулируя, отдавал беззвучные команды.

Через несколько секунд под стеной здания не осталось никого.

Высота – метров пять. Внизу оплывшие пригорки строительного мусора, чуть дальше в направлении перелеска – небольшое одноэтажное строение.

Инок прыгнул.

Земля встретила его жестким болезненным ударом, он упал, перекатился вбок, и тут же ему вслед гулко ударила длинная очередь, выпущенная из ПКТ. Пули вспарывали землю, выбивая полуметровые султаны, но Инок уже скатился в небольшую ложбинку меж грудой обломков кирпича и покосившимся штабелем потемневших досок.

Стрелок, потеряв его из виду, не стал тратить патроны. Пулемет смолк, зато в здании взъярилась стрельба, раздались крики, рванула граната, часть стены на уровне второго этажа сначала треснула, а затем посыпалась обломками.

Инок вскочил и ринулся к намеченному укрытию. Вслед из проломов ударили автоматы, он петлял, пули глухо впивались в землю, попавшееся на пути дерево внезапно вздрогнуло, из него вырвался фонтан щепы, и толстый ствол вдруг начал переламываться на высоте полутора метров – это со стороны антенн по Иноку произвел выстрел монолитовский снайпер, вооруженный гаусс-винтовкой.

Рывком преодолев последние метры, отделявшие его от вросшей в землю одноэтажной постройки, похожей на небольшую трансформаторную будку, сталкер не заскочил внутрь, а скользнул вдоль стены и присел, тяжело дыша.

Метрах в двухстах от него возвышался черный лес. Деревья, погибшие после первой катастрофы, потемнели, уронив хвою, некоторые накренились, иные и вовсе рухнули. Гиблые места. Паутину ржавых волос трепал ветер, опоры ЛЭП, расположенные на просеке, выглядели лохматыми чудовищами, жгучий пух скапливался под ними, закручивался смерчами, вокруг мерцали электры.

И все же иного пути к Припяти Инок не видел. Дорогу перекрыли военные, а вот просеку не контролировал никто. Лезть в погибший лес – дураков нет. Оставалось решить, как преодолеть двухсотметровый участок открытой местности под огнем снайперов.

Он чуть привстал, намечая маршрут, выискивая взглядом ложбинки, холмики, любые укрытия, но произвести полную рекогносцировку не успел: невдалеке звонко, оглушительно заработал КПВТ, и приземистое здание, за которым он прятался, вдруг почему-то окуталось разрывами, рассыпаясь на фрагменты.

Инока отшвырнуло взрывной волной. Падая, он увидел, как БТР, стреляя, выкатился из укрытия, огонь монолитовских снайперов тут же сосредоточился на бронемашине, а в небе вновь появились вертолеты, – заходя со стороны леса, именно они ударили НУРСами под основание антенн.

Одна из двух исполинских конструкций не выдержала и начала подламываться, с крыш блочных зданий по воздушным целям ударили ПЗРК, но пилоты машин не растерялись: отстреливая ложные тепловые цели, вертолеты резко ушли к земле, прикрываясь стенами руин, а через несколько секунд, дождавшись взрыва выпущенных по ним ракет, три машины одна за другой вынырнули из теснины улицы, открыв ураганный огонь по постройкам военного городка.

Инок, не чувствуя боли, вскочил и изо всех сил побежал к просеке, ведущей в направлении Припяти.

* * *

Мертвый лес встретил сталкера гробовой тишиной. За границей почерневших от дождей деревьев глохли все звуки, будто незримая стена отсекала лесной массив от остального мира.

Инок, пробежав еще метров пятьдесят, перешел на шаг, а затем и вовсе остановился, тяжело дыша. Вокруг, куда ни глянь, простиралось ирреальное пространство, словно жуткая, тщательно созданная декорация к фильму, повествующему о будущем Земли.

Зона многолика. Многие ее пространства полны опасностей, но понятны человеческому взгляду. Видеть разрушенные здания, покинутые деревни, могильники техники на самом деле не так жутко, как наблюдать за последствиями технокатастрофы, находясь среди уничтоженной природы.

«Странно… – думал Инок, присев на выступающий из земли валун. – Прошло столько лет, а деревья стоят, будто их законсервировали, в назидание нам… или нашим потомкам?»

Глухая тишина давила на нервы, с новой остротой возрождая притупившееся за годы скитаний по Зоне ощущение глобальной опасности, окружающей со всех сторон.

«А ведь я когда-то страстно мечтал попасть сюда», – внезапно вспомнил Инок. Несколько лет назад, еще будучи новичком, он слушал рассказы бывалых сталкеров о таинственных мертвых лесах, расположенных за Радаром. Здесь, по слухам, обитали не только свирепые мутанты, но и гнездились невиданные аномалии, периодически порождающие редкие и очень дорогие артефакты.

В ту пору он несколько раз пытался найти дорогу к загадочным местам, но каждый раз натыкался на неодолимые препятствия: на пути располагались очаги сильнейших радиоактивных загрязнений, пройти через которые не представлялось возможным даже в специальном противорадиационном костюме. Как однажды сказал ему слепой долговец: тебе, Инок, пригодился бы натуральный скафандр, в каких космонавты выходят в открытый космос, да вот только от пуль и аномалий он тебя не защитит.

«О чем же я мечтал?» – невольно подумалось Иноку.

Оглядываясь по сторонам, он видел лишь мертвую растительность, порыжевший мох, хрупкие, обломанные ветви деревьев, на просеке местами желтел песок, решетчатые опоры высоковольтных линий электропередач напоминали мачты кораблей-призраков с изодранными в клочья парусами, – такое впечатление создавали скрученные клубками, свисающие плетьми, слабо раскачивающиеся космы ржавых волос. Под опорами ЛЭП гнездились электры, среди деревьев происходили бесшумные взрывы, выбрасывающие из невидимых углублений медленно оседающие облака жгучего пуха.

Инок посмотрел на дисплей ПДА. Индикатор уровня аномальной энергии подрагивал в желтом секторе, детектор движения и сканер, фиксирующий работу других ПДА, пока молчали.

Сталкер поднял забрало боевого шлема, вдохнул воздух леса. Анализатор дыхательного фильтра даже не пискнул. Пахло чем-то старым, подгнившим.

Странное место. Настораживающее. Одно обнадеживало: деревья стояли плотной стеной, вряд ли меж ними нашлось бы место для аномалий гравитационной природы, иначе тут все зияло бы проплешинами.

Просека Иноку не нравилась. Конечно, мертвый лес тоже не подарок, но если двигаться на границе двух пространств, под сенью пограничных деревьев, то, наверное, можно избежать многих неприятных моментов.

Отдышавшись и собравшись с силами, он встал.

Ноги гудели. После нескольких контузий зрение временами раздваивалось, во всем теле ощущалась неприятная ватная слабость.

Система поддержания жизни, встроенная в бронекостюм, отключилась. Не то закончился ее ресурс, не то осколками повредило, надо бы разобраться, да времени нет. Тем более что устройство незнакомое, и как его ремонтировать – непонятно.

Взгляд Инока коснулся подсумка с контейнерами для сбора артефактов.

В одном из них упакована душа.

Нет. Не время. Еще и половина пути не пройдена, к тому же неизвестно, с чем придется столкнуться в Припяти.

Сменив полупустую пистолетную обойму и перезарядив автомат, Инок вошел под сень деревьев и зашагал вдоль просеки, постоянно глядя себе под ноги и не забывая периодически посматривать по сторонам.

* * *

Лес становился все мрачнее, глуше. Всего-то километр от Радара, а мир изменился, словно исчезло настоящее, а он углублялся в пространство с иными свойствами времени.

Откуда в голове возникали подобные мысли Инок, не понимал.

Ну, лес. Пусть мертвый, но ведь иначе и быть не может. Все же от «Чернобыля-2» до Саркофага четвертого энергоблока АЭС всего лишь девять километров, то есть он уже пересек границу наиболее загрязненных территорий.

Глухую вязкую тишину постепенно сменил едва слышный шум. Инок остановился, внимательно оглядываясь по сторонам. Вот метрах в десяти от него из-под узловатых корней дерева ударил гейзер жгучего пуха. Почти невесомые частицы, похожие на снежинки, всклубились в воздухе, медленно опадая на землю.

Движение, замеченное между деревьев, заставило его резко повернуться.

Шум, похожий на напряженный гул работающего трансформатора, стал отчетливее. Мягкий сумрак, царящий в лесу, внезапно озарила бледная вспышка призрачного света.

Иноку показалось, что он перестал дышать.

Между деревьями двигались два призрака. Именно призрака, потому что бледное сияние окружало их силуэты, сквозь которые смутно просматривались окружающие предметы.

В рассудке сталкера промелькнула мысль о кровососах, но он тут же отмел предположение. Мимо двигались люди. Вернее, их призрачные тени.

Не сталкеры, не военные, не наемники.

Странная мешковатая одежда, лица закрыты противогазами, в руках устройства, похожие на миноискатели.

Инок стоял, не смея пошевельнуться. Странная пара приближалась к нему, все отчетливее становились видны детали, пока память сталкера внезапно не вытолкнула в сознание нужный образ: призрачные фигуры были облачены в ОЗК – общевойсковые защитные костюмы. Устройства в их руках являлись ни чем иным как устаревшими дозиметрами советского производства.

«Ликвидаторы…»– промелькнула мысль.

Иноку хотелось закрыть глаза, чтобы не видеть призрачных фигур тех, кто погиб много десятилетий назад, но он продолжал смотреть, как они общаются жестами, производят замеры, один что-то записывает карандашом в обыкновенной школьной тетради.

Потом они повернули, и спустя некоторое время исчезли, как будто растворились в серых сумерках мертвого леса.

Инок чувствовал, как его колотит нервная дрожь.

Трусость или бесстрашие тут ни при чем. Ему стало жутко от соприкосновения с прошлым, с трагедией сотен тысяч ликвидаторов, которые в большинстве даже не подозревали, какой смертельной опасности подвергаются, но и те, кто знал, – не уходили, не бежали.

Другая Зона Отчуждения, другие люди, другие помыслы, – целый пласт судеб, оставшийся тут…

Инок никогда не ощущал ничего подобного. Большинство сталкеров вообще не задумывались о прошлом. Знали факты, но не сопереживали им. А тут… словно дохнуло в лицо той трагедией, что унесла сотни тысяч жизней, расплескала горе по необъятным просторам, вошла в дома, расположенные так далеко отсюда, что трудно и представить…

Инок тряхнул головой, отгоняя наваждение, и вдруг отпрянул, вскинув автомат. Пока он наблюдал за призраками, сзади к нему подкрались два зомби. Еще секунда промедления – и они бы бросились на него.

Холод исчез, спину обдало жаром, зомби – один в комбинезоне сталкера, другой в защитном костюме группировки «Долг», – разом ринулись в атаку, напоровшись на автоматную очередь, но что значат пули для тех, кто фактически умер, чье тело и мозг под совместным воздействием радиации и аномальной энергии обрели иные свойства,

переродились, став невосприимчивыми к боли и ранам?

Их отшвырнуло от Инока, опрокинуло на спины, но оба тут же начали подниматься, один протягивая к сталкеру руки со скрюченными, почти неподвижными пальцами, второй – доставая из-за спины оружие.

Единственный способ уничтожить зомби – стрелять, пока их тела не расчленит пулями. Совладав с собой, Инок отпрянул, удерживая дистанцию, прижался спиной к шероховатому стволу дерева, чтобы не получить удара сзади, и открыл огонь, целясь в «долговца», все еще пытавшегося достать оружие.

Разрывные пули хлестнули по черному с красными вставками бронежилету, ударили в шлем с выпуклым стеклом, сначала покрыв его паутиной трещин, а затем взорвав мелким искрящимся крошевом. Зомби упал, но второй уже подобрался совсем близко – пошатываясь, он тянул руки к горлу Инока, и тому пришлось резко присесть, снизу вверх выпустив остаток патронов длинной очередью.

Придя в себя, он перезарядил оружие, отошел на несколько шагов, огляделся и только тогда взглянул на два неподвижных, уже не представляющих опасности, разорванных автоматными очередями тела.

Крови он не увидел. Аномальная энергия, истинную природу которой до сих пор безуспешно пытались выяснить ученые, настолько изменила бывших сталкеров, что их невозможно было сейчас сравнивать с людьми.

Они стали чем-то иным.

И еще дрожью проскользнула мысль: а случайно ли появление призраков?

Общеизвестно, что зомби очень медлительны. Несмотря на радикальные изменения, которым подверглись их организмы, минимальная потребность в пище у них все же сохранялась. Но оставался вопрос: как и чем питаться в мертвом лесу?

«Неужели и бывшие сталкеры, попавшие под выбросы, потерявшие рассудок, со временем начинают проявлять телепатические способности? – с ужасом подумал Инок. – Но почему я увидел именно ликвидаторов первой чернобыльской катастрофы? Откуда в искореженном сознании зомби столь яркие, завораживающие образы?»

Инок оглянулся.

Мертвый лес стоял молчаливой стеной, но теперь он уже не казался мертвым. Если поблизости нет контролера (а его присутствие Инок почувствовал бы), то выходит, что зомби черпали образы из некоего информационного поля, оставшегося тут еще со времен первой катастрофы.

«Нет, я начинаю бредить, – мысленно одернул себя Инок. – Так можно додуматься до чего угодно. Возможно, призраки – лишь плод моего собственного воображения, а зомби просто использовали момент, подкрались, пока я проявил беспечность».

* * *

Звуки стрельбы, оставшиеся вдалеке, стихли совершенно, но из леса то и дело доносились иные проявления чужого присутствия: хруст сломанных веток, чье-то рычание, протяжные, тяжкие вздохи, иногда в сумраке появлялись блуждающие огни.

Некоторое время Инок двигался вдоль просеки. Вдалеке уже появились смутные контуры высотных зданий Припяти, но чем ближе он подходил к городу-призраку, тем сложнее становился путь. Высоковольтная линия, сильно пострадавшая от выбросов, стала труднопреодолимым препятствием: решетчатые опоры, поврежденные ураганами, изгибались, кренясь к земле, а то и вовсе лежали поперек просеки, ржавые волосы, которые на самом деле являлись не аномалией в чистом виде, а неким новым видом растительности, свисали не только с опор ЛЭП, но и перебрались на мертвые деревья. Жгучего пуха становилось все больше. Он витал в воздухе, скапливался в углублениях, поднимался небольшими облачками при каждом шаге.

Обходя стороной одну из рухнувших опор линии высоковольтной передачи, Инок вышел на поляну, где стоял покосившийся от времени деревянный дом. За фрагментами сохранившегося деревянного забора, там, где раньше располагался огород, били гейзеры грязно-серых пушинок, несколько яблонь, вырванных с корнем, придавали местечку совсем унылый вид.

Проходя под черными деревьями погибшего леса, Инок подобрал несколько крупных кристальных колючек. Эти странные образования ценились очень высоко и попадались редко. Многие утверждали, что колючка не артефакт, а семя ржавых волос. Их ценность заключалась прежде всего в защитных свойствах. Колючка повышала порог сопротивляемости к излучениям, воздействующим на рассудок. Среди сталкеров ходила легенда, что однажды один отчаянный одиночка, скупив десяток таких артефактов, соорудил нечто, напоминающее терновый венец, и, надев его, рискнул пойти к Радару, пытаясь определить и нанести на карту реальную границу зоны воздействия Выжигателя. Эксперимент возможно и удался бы, не настигни смельчака пуля монолитовского снайпера.

Обойдя гейзеры жгучего пуха, Инок приблизился к дому. Когда-то здесь располагался хутор. Основное строение и прилегающие к нему хозяйственные постройки образовывали своеобразный периметр, внутри которого находился просторный внутренний двор.

Старые покосившиеся ворота оказались приоткрыты. Инок, предельно уставший, измотанный марш-броском, чувствовал, что ему необходима хотя бы короткая передышка. До многоэтажек Припяти, виднеющихся за лесом, еще километра три, а усталость уже казалось непомерной. После полутора суток без сна, проведенных в постоянном движении, вес бронекостюма в буквальном смысле давил к земле.

Опасаясь нового появления зомби, которых, по слухам, в окрестностях города-призрака было попросту не счесть, он решил взять хотя бы получасовой тайм-аут.

Двор встретил его гулкой тишиной. Не став заходить в дом и исследовать сараи, Инок отыскал приставную лестницу, ведущую на чердак, и начал осторожно подниматься по ветхим деревянным ступеням.

Восхождение прошло успешно.

На чердаке было пусто и тихо. Сквозь прорехи в крыше проникали косые лучики унылого дневного света, пахло прелой соломой, хотя за десятилетия запустения все запахи, присущие человеческому жилью, должны были исчезнуть.

Подперев изнутри хлипкую дощатую дверь, через которую он проник на чердак, Инок пересек захламленное разными предметами пространство и устроился у чердачного окошка. Расстегнув крепления экипировки, он стянул с себя поврежденную пулями и осколками металлокевларовую броню, снял боевой шлем и, разложив элементы защиты, приступил к их осмотру. Как он и предполагал, в нескольких местах бронекостюм пробило навылет, повредив провода и тоненькие трубочки, вшитые в подкладку.

Цилиндрический тубус, крепившийся на поясе у бедра, содержал не только резервную аптечку, но и ремонтный комплект, при помощи которого не составляло особого труда восстановить разорванные соединения.

Странное состояние овладело Иноком. Никогда раньше он не подбирался так близко к таинственному центру Зоны, но, вопреки предчувствиям и ожиданиям, с количеством пройденных километров ощущение смертельной опасности не усиливалось, напротив, Черный Лес казался местом намного более безопасным, чем иные хорошо известные сектора.

Текущий ремонт экипировки отнял у него не более десяти минут. Соединив перебитые осколками провода, восстановив при помощи

входящих в ремкомплект штуцеров разорванные трубки, он сделал себе инъекцию стимулирующего препарата, заставил себя разжевать несколько кубиков безвкусного пищевого концентрата, запив их водой из фляги, и, прислонившись спиной к какому-то ящику, взглянул на ПДА, закрепленный на запястье левой руки. Электронная карта Зоны существенно сместилась, в углу дисплея уже появилось несколько окраинных строений Припяти, но эти данные еще предстояло уточнять, – для города-призрака не существовало современных карт, и в ПДА были закачаны спутниковые снимки едва ли не десятилетней давности. Никаких намеков на сигналы от личных детекторов других сталкеров Инок не обнаружил.

Расстояние все же великовато, мысленно успокоил он себя.

Внизу внезапно послышался странный шум. Инок схватил автомат, досадуя, что не успел надеть отремонтированный бронекостюм. Расслабился, называется…

Быстрый взгляд через чердачное окошко показал, что внутренний двор пуст. Тем не менее встревоживший его звук не исчез. Похоже, внизу, в доме кто-то ходил.

Медленно, стараясь не шуметь, Инок привстал, изготовившись к стрельбе.

Тихо скрипнул, приоткрываясь, чердачный люк.

Напряжение достигло наивысшей точки, когда из-за нагромождения старой мебели вдруг раздался внятный человеческий голос:

– Не стреляй, мил человек. Что ж ты, как тать, по темным углам хоронишься?

– Кто здесь? – Инок не опустил оружия.

– Ну а как сам-то думаешь? – Снова раздался шум, и над старомодным комодом, рядом с которым валялась поломанная прялка, вдруг появилась голова седого как лунь старика. – Слыхал, небось, про Отшельника-то?

Инок, откровенно говоря, оторопел.

Любой сталкер слышал об Отшельнике, живущем где-то в лесах под Припятью, но образ старика, пережившего первую катастрофу, казался не более чем слухом, очередной легендой отчужденных пространств, рожденной в воспаленном воображении тех, кто пытался привнести в собирательный образ Зоны хоть немного веры во что-то чудесное, необъяснимое, но не враждебное.

– По глазам вижу, не веришь. – Старик, кряхтя, выбрался из люка. Выглядел он действительно странно, но не страшно. Сложно было определить, сколько ему лет.

Инок медленно опустил оружие. Жест для сталкера трудный. В Зоне

никогда нельзя быть до конца уверенным, кто перед тобой. Взять хотя бы химеру. Вроде зверь, неизвестно от кого произошедший, а обладает таким телепатическим воздействием, что контролеры отдыхают, нервно покуривая в сторонке. Сам он с химерами еще ни разу не сталкивался, но Илья рассказывал, что эта тварь читает мысли, вылавливая образы прямо из головы сталкеров. Охотится так. Потому и предостерегал Инока: встретишь кого знакомого, присмотрись. Особенно если знакомцу в Зоне вовсе не место. Так, по словам Ильи, немало сталкеров полегло, став добычей химер. Потом эти существа куда-то откочевали, когда путь к центру Зоны Выжигатель перекрыл.

– Устало ты выглядишь, – произнес Отшельник. – Тревожно тебе? Можешь не отвечать, и так вижу.

– Вы, дедушка, тут живете? – Инок честно пытался взять себя в руки, но получалось плохо.

– Живу. Куда ж деваться-то? – Старик внимательно посмотрел на сталкера. – Ты, это, автомат не тереби, лучше вещички свои забирай да вниз пойдем, я тебя чаем горячим напою. В общем, сам решай. Если боишься – неволить не стану. – Он развернулся и стал спускаться по скрипучей лестнице.

Инок еще несколько секунд стоял пораженный внезапной встречей, затем быстро надел бронекостюм, автомат закинул за спину, боевой шлем взял в левую руку, а правую положил на рукоять пистолета. Выхватить оружие – доли секунды. Вроде и элементарные приличия соблюдены, и беззащитным себя не чувствуешь…

Хотя в Зоне какие приличия? Расслабишься на минуту – и все, поминай как звали.

Внизу раздался стук металлической посуды.

Инок подошел к открытому люку, ступил на лестницу. Деревянное сооружение издало протяжный скрип.

В чисто прибранных помещениях, разделенных на отдельные пространства русской печью, пахло чем-то забытым, давно и безвозвратно утраченным. В восточном углу на специальной полочке стояло несколько икон, перед ними желтоватым язычком пламени мерцала лампада. Хмурый свет вливался через окна с открытыми ставнями.

– Присаживайся.

Инок сел на грубо сколоченный табурет, положил на стол боевой шлем.

Отшельник поставил перед ним полулитровую эмалированную кружку с крепким душистым чаем, на деревянной тарелке подал хлеб. Сам

присел напротив, продолжая внимательно и беззастенчиво рассматривать сталкера.

– Ты пей. Ко мне редко гости захаживают.

Инок сделал осторожный глоток и вдруг подумал, что настоящего чая не пил уже так давно, что успел и вкус позабыть.

– Как же вы тут один, дедушка? – невольно вырвалось у него.

– Да по-всякому. – Отшельник хитро прищурился, глубокие морщины вокруг его глаз побежали лучиками, придавая взгляду выражение лучистого тепла. – Родился я тут. Вырос. Куда ж мне бежать?

Инок невольно вздрогнул. Ко всякому он готовился, переступив границу мертвого леса, но только не к такому внезапному повороту событий. Было что-то несовместимое между образом сидящего напротив седого старца и привычным обличьем Зоны, прочно угнездившимся в сознании сталкера.

– После взрыва на АЭС многие отсюда бежали. Но и осталось немало, в основном старики. Теперь уж померли все, один я остался.

– Тяжело, наверное?

– Ты о чем?

– Ну, лес вокруг мертвый, погибло все, мутанты, зомби да монолитовцы. Припять ведь рядом.

Отшельник усмехнулся.

– Думаешь, жизнь так легко убить? – неожиданно спросил он. – Это для тебя лес мертвый да опасный. А по мне – ничего страшного. Одни деревья погибли, другие выросли. Грибов да ягод в округе хватает. Зверье, конечно, не то пошло, согласен, но я до мяса и в молодости особо охоч не был. Пусть себе бегают.

Инок сделал еще глоток, посмотрел на нарезанный ломтями хлеб. Отшельник, перехватив его взгляд, кивнул:

– Ешь, не бойся. Я злаки в чистых местах собираю, где радиации нет.

Инок отломил кусок хлеба, попробовал. Приятный аромат щекотал ноздри. Опять пахнуло детством.

– А что до города и разных людей… Вы многого не понимаете. Бегаете, суетитесь. Страхов и желаний своих обуздать не можете, вот и тяжело вам, боязно. А я живу как жил. Зла никому не желаю, никуда не тороплюсь, вот меня природа и защищает.

– Какая же тут природа, дедушка?

Отшельник вновь усмехнулся.

– Погублена природа, согласен. Но не вся ведь. Вот ты по лесу почти бегом пробежал, много ли заметил?

Инок лишь пожал плечами.

– Природа – она тоже к человеку приспосабливается. Вот ты об этих, монолитовцах, говорил. Не люди они давно. Себя забыли, идолу механическому поклоняются, убивают, много зла приносят, а в лес и войти не могут.

– Это почему? – искренне удивился Инок.

– Так ржавые волосы их не пускают. Они же свой разум идолу отдали. А идол их не всесильный. Не может он команды в лесу передавать. Ржавые волосы мешают. Видал я бедолаг этих: как в лес войдут, так и все – останавливаются, что те истуканы, ни назад, ни вперед. Сядут под деревом, глаза пустые, железки свои уронят и сидят, пока зверье до них не доберется. Много уж так погибло.

Инок задумался.

Не верить отшельнику причин никаких. Выходит, что правду говорил Адепт в те редкие минуты, когда к нему возвращался рассудок. Бойцы «Монолита» постоянно находятся под внешним воздействием. Ими что-то управляет. Говорят, что Зона. А выходит – все не так. Разве ржавые волосы не порождение аномального пространства? Не часть Зоны Отчуждения? Вот и семена их от внешнего воздействия защищают, это сталкеры давно приметили. Но если рассуждать, исходя из того, что Зона – это единое явление, то выходит, для ее воздействий не должно быть препятствий или ограничений.

– Задумался?

Инок кивнул.

– Правильно. Не верь всему, что другие говорят. Своими глазами на все смотри. Свои выводы делай. Спокойнее будь. Попал сюда – так и живи. Смотри вокруг открытыми глазами – многое увидишь. А как разглядишь, так поймешь. Поймешь – легче, спокойнее тебе станет. Вот с тем и иди.

* * *

Инок покинул затерянный хутор в совершенно ином настроении. С одной стороны, вопросов еще больше прибавилось, а с другой – уже брезжили в сознании некоторые ответы на них. Зона стремительно теряла ореол мистицизма, все более проявляя угловатые, грубые черты человеческих поступков, их причин и следствий.

Не в первый раз Инок сталкивался с людьми, чья твердая, нехарактерная для большинства сталкеров позиция ломала привычные стереотипы. Ну как, спрашивается, Отшельник пережидает выбросы? Уходит в чащу ржавых волос?..

Жаль, не спросил его об этом.

А может он, как и Илья, попросту не боится катастрофических явлений, не падает ниц, не лезет под землю? Нет, тут что-то иное… Не понятое пока. Знал Инок бесстрашных сталкеров, которые тоже выбросам не кланялись, а ведь лишались рассудка.

В его догадках и рассуждениях не хватало какой-то малости, чтобы череда событий и явлений начала выстраиваться в обновленную картину понимания истинной сути происходящих в Зоне процессов.

* * *

К окраине Припяти Инок вышел за несколько часов до наступления сумерек.

Обойдя стороной постройки радиозавода «Юпитер», он, прежде чем двигаться дальше, остановился под защитой черного леса, клиньями врезающегося в городскую окраину. Впереди, согласно карте, проходила улица Леси Украинки, справа возвышались силуэты шестнадцатиэтажных новостроек, – отличная позиция для снайперов «Монолита», – слева в сумеречной дымке тонули контуры девятиэтажных зданий.

«Опасный участок. Здесь наверняка пристрелян и простреливается каждый метр открытого пространства, – подумал Инок, рассматривая старую спутниковую карту. – Хорошо бы обойти стороной, не ввязываясь в перестрелку…»

Переключив режим ПДА, он взглянул на появившиеся маркеры, и мысли о сложных и долгих обходных маневрах мгновенно улетучились. В зоне действия детектора он насчитал десяток маркеров от ПДА других сталкеров, но главное – он засек сигнал Гурона!

«Статичный сигнал…» – Тревога за судьбу напарника вспыхнула с новой силой.

Почему он не движется?

Инок сделал несколько переключений. Вот метка точки условной встречи. А вот в пятистах метрах слабый, мерцающий сигнал от персонального детектора Гурона. ПДА Штопора не просматривается. Что же произошло? Они по-прежнему под землей? Блокированы? Угодили в ловушку и не имеют возможности выбраться?

Неподалеку внезапно вспыхнули звуки яростной перестрелки.

Коммуникатор Инока, настроенный на стандартную частоту связи, принятую среди сталкеров, заработал, транслируя слабый, заглушенный помехами голос:

– Всем, кто меня слышит! Помогите! На связи Логист! Нас

наемники… – Окончание фразы потонуло в звуках автоматной стрельбы.

Инок отреагировал мгновенно.

– Кто на связи? – уточнил он, вспомнив разговор с Сидоровичем и переданную через торговца просьбу Сахарова. На ловца, как говорится, и зверь бежит.

– Логист!.. – Ответ вновь прозвучал на фоне коротких отрывистых выстрелов. – Помогите же! Нас убивают! Это наемники!

Инок уже послал запрос в сеть. Маркера, соответствующего нику «Логист», ПДА не фиксировал.

– Логист, не вижу тебя на карте!

– Мой ПДА поврежден!.. – Голос звучал все глуше, перестрелка, начавшаяся неподалеку, охватила несколько кварталов окраины Припяти и ширилась, разрастаясь в сторону центра.

– Логист, дай хотя бы название улицы! Табличку, номер дома, какой-нибудь ориентир – магазин, учреждение! – Инок чувствовал, что если сталкер не позиционирует себя, то помочь ему будет попросту невозможно.

– Сейчас!.. – В коммуникаторе плеснуло хриплое дыхание, нервно взвизгнул звук рикошета, затем вернулся голос: – Мы в жилой пятиэтажке! Заскочили в средний подъезд. По-моему, улица Курчатова! Номер дома не вижу… – Голос снова потонул в грохоте автоматных очередей, затем прозвучала отрывистая фраза: – Напротив видна школа!..

– Держитесь! – Инок уже сориентировался по карте. Либо тридцать третий, либо тридцать первый дом. Недалеко. Успеет.

Он коснулся сенсора ПДА, включающего усиленный маркер и одновременно запускающий командную последовательность, автоматически транслирующую в сталкерскую сеть сообщение:

На связи Инок. Нужна помощь!

* * *

Приняв решение двигаться на выручку Логисту, Инок ни на секунду не забывал о Гуроне, Штопоре и других группах сталкеров, блокированных в Припяти.

Вряд ли бойцы «Монолита», оборонявшие город и АЭС, зловещий контур которой четко выделялся у горизонта на фоне пепельно-серых облаков, были настолько беспечны, что не отслеживали данные, проходящие через сталкерскую сеть. Инок чувствовал, что рискует, транслируя в сеть свой маркер и выходя в эфир на открытой частоте. Нельзя недооценивать противника, тем более Логист ясно сообщил, что в данный момент ведет бой с группой наемников. Но что Иноку оставалось

делать, если все планы приходилось менять прямо на ходу? Он собирался дождаться темноты и незаметно пробраться в город, попытаться установить связь с Гуроном, а после – с какой-либо группой сталкеров, чтобы, объединившись, уже общими усилиями искать выживших и выводить их из города, пока сюда не прорвались военные.

Однако строптивая судьба рассудила иначе. Не мог же он проигнорировать призыв о помощи…

Забирая правее от цехов завода «Юпитер», он выскочил к пожарной части. Впереди возвышалось несколько обветшалых зданий – городское УВД, жилая пятиэтажка и две приземистые, огороженные высокими бетонными заборами постройки, за которыми виднелись нагромождения ржавых легковых автомобилей. Добежав до распахнутых ворот гаража, где стояло несколько пожарных машин, Инок проскочил внутрь.

– Сталкеры! Все, кто меня слышит! Говорит Инок. Через несколько часов к городу прорвутся военные! Я готов вывести всех известным мне безопасным маршрутом! Хватит отсиживаться по подвалам! Прорывайтесь к окраине Припяти! Точка сбора – автовокзал!

– Инок, на связи Донор, – откликнулся коммуникатор. – Со мной десять бойцов «Свободы». Ты просил помощи?

– Раненые есть? – Инок приоткрыл дверь, выходящую на улицу Леси Украинки. Впереди, за одноэтажными строениями, виднелось открытое пространство проезжей части и тротуаров, на другой стороне располагались три пятиэтажки, выстроенные под острым углом к дороге. Над потрескавшимся асфальтом змеилось марево аномалий.

– Есть, двое, – пришел ответ Донора.

– Выдели сопровождение, пусть выходят к точке сбора. Сам выдвигайся к школьному зданию в районе Курчатова. Карта есть?

– Есть. Все понял.

Через секунду откликнулась группа долговцев. Свободные сталкеры выходили на связь поодиночке, но Иноку стало не до переговоров – выстрел из электромагнитной гаусс-винтовки разнес в клочья металлическую дверь.

Не дожидаясь следующего выстрела, он выскочил в развороченный дверной проем, пробежал через двор, заваленный ржавыми кузовами машин, обогнул одноэтажное здание и, лавируя меж аномалиями, рванул что было сил к трем пятиэтажкам, которые архитектор, пытаясь разнообразить городской ландшафт, расположил под углом к улице.

Фонтаны асфальта и гравия взлетали в нескольких метрах от него – снайперы, засевшие на крышах и балконах высотных зданий,

промахнулись. Как он и рассчитывал, очаги аномальной активности исказили траектории полета пуль. В данный момент Зона хранила Инока, но ее лимит благосклонности не вечен, особенно при повторении таких откровенно прямолинейных маневров.

А что делать, когда в коммуникаторе продолжает биться призыв о помощи?

Заскочив в подъезд пятиэтажного дома на противоположной стороне улицы, он с трудом перевел дыхание.

Звуки ураганной перестрелки раздавались теперь по всему городу. Его призыв услышали и поняли – многие сталкеры, как из «Долга», так и из «Свободы», не говоря уж об одиночках, хорошо знали Инока. Он подарил им главное – надежду. Сейчас и речи быть не могло о прежних распрях между группировками. Блокированные в Припяти, они понимали, что путь через Радар перекрыт военными, уходить некуда, а тут, словно в ответ на мысленные мольбы о помощи, появляется сталкер, которому они, безусловно, доверяют, и предлагает безопасный маршрут отхода!

Инок не зря назвал в качестве точки сбора автовокзал – одно из крайних строений города, граничащее с лесным массивом. К тому же маркер Гурона поблескивал именно там.

Прорвемся…

Он вбежал в одну из разгромленных квартир, вышиб ногой раму, выскочил во двор и, низко пригибаясь, рванул в направлении пожелтевших пирамидальных тополей, за которыми виднелось типовое четырехэтажное здание школы.

Огонь монолитовских снайперов по нему прекратился. С крыш высоток хорошо простреливались улицы и площади, но не дворы.

Здание школы выглядело уныло: выбитые окна с истрепанными ветром, выцветшими обрывками занавесок; у входа – тоненькие, сбросившие листву березки, несколько чахлых кленов и кустарник, кое-где еще сохранивший багряную осеннюю листву. Асфальт на школьном дворе потрескался, в разломах желтели пучки травы.

Автоматные очереди звучали близко, эхо выстрелов гулко металось по дворам. Инок залез в ближайшее окно школьного здания, пересек класс, выскочил в рекреацию, быстро, по памяти сориентировался (он когда-то учился в такой же типовой школе) и метнулся к лестнице.

На ступенях ему попались два мертвых монолитовца и снорк, пытавшийся поживиться телами павших бойцов секты. Инок вскинул автомат, мысленно досадуя на встреченную тварь, – шум сейчас ни к чему, – но снорк, вопреки обыкновению, завидев сталкера, вдруг бросился

прочь.

Пуганный уже. Видать, бойцы «Монолита» особо с мутантами не церемонятся.

Преодолев несколько лестничных маршей, Инок добрался до выхода на крышу, сбил прикладом ржавый металлический замок и откинул скрипнувший люк.

Его безумный рывок под огнем снайперов полностью себя оправдал. С крыши здания открывался отличный сектор обстрела, охватывающий дворы двух блочных пятиэтажек, расположенных по улице Курчатова. Добежав до невысокого выступа, расположенного в торце крыши, он присел. ПДА, переведенный в режим пассивного приема, высветил сиротливый маркер незнакомого Иноку сталкера, спроецированный на контур противоположного здания.

А наемники действуют профессионально. Никаких опознавательных знаков, никакого шума в эфире.

Где же они?

Инок задействовал систему тепловидения.

Ага… Есть!..

Во дворе дома за различными укрытиями он насчитал семь фигур. Четыре уже остывающих тела валялись перед средним подъездом дома номер тридцать один. Старая спутниковая карта Припяти, закачанная в ПДА, здорово помогала ориентироваться на местности.

Так. Почему наемники сгруппировались во дворе? По стенам лазить не умеют? С их стороны логично было бы разбиться на группы и штурмовать квартиру, где засели сталкеры (Инок не забывал, что ПДА Логиста не работает и его маркера нет на карте), сразу с нескольких направлений. Например, двое ведут отвлекающий огонь по окнам, со стороны двора, остальные через соседние подъезды выбираются на крышу и затем, используя тросы, спускаются к балкону.

Ответ пришел в виде громкого хлопка выстрела из гаусс-винтовки и тела в серой экипировке наемников, рухнувшего во двор с крыши здания.

Снайперы «Монолита»! Они простреливают верхние этажи!.. Инок вновь сверился с картой. Где же их позиция? Ага, вот девятиэтажный жилой дом, расположенный по другую сторону улицы, чуть в глубине, во дворах пятиэтажек с четными номерами. Взглянув в том направлении, он убедился, что избранная им позиция находится вне сектора обстрела монолитовцев. Даже крыша девятиэтажки отсюда не видна.

– Логист, слышишь меня?

Ответ пришел мгновенно:

– Слышу! Ты далеко?

– Неважно. К окнам, выходящим на улицу, не подходите!

– Что нам делать?

– Ждать. Я начну первым. Тогда поддержите огнем.

Во время короткого разговора Инок наблюдал за реакцией наемников. Точно, слушают частоту! Фигуры зашевелились, пытаясь обнаружить новый источник опасности. Один из наемников жестами отдал приказ, отослав двух бойцов прикрыть фланги, а затем вдруг вышел на связь, используя частоту сталкеров:

– Логист, давай договоримся. Предлагаю в последний раз: отдай документы, и мы тебя не тронем. Хочешь денег – назови сумму. Заказчик у нас серьезный. Он заплатит.

– Я уничтожил документы, – раздался ответ.

– Ну и дурак. Тогда пеняй на себя. Теперь можешь к гадалке не ходить – предстоит тебе дальняя дорога и очень неприятный разговор…

Наемников Инок не любил, но справедливо считал, что противники они опасные. Вот только сейчас допустили ошибку: плотно обложили здание, а школу, расположенную во дворах, не прикрыли. Может, людей не хватило или времени. В любом случае – не их день.

Вычислить говорившего не составило особого труда. Вот он, метрах в пятидесяти, присел за вросшим в асфальт ржавым «Москвичом».

Инок плавно нажал на спуск, автомат в руках дернулся, плечо привычно приняло толчки отдачи, благо бронекостюм был оснащен специальной усиленной вставкой, избавляющей от синяков при постоянной стрельбе.

Командир группы наемников мешком осел на землю.

– Логист, прикрой! Начали!

Инок перекатился под прикрытием выступа кладки, с торца ограничивавшего плоскую крышу школьного здания. Снизу, кромсая проржавевшую жесть, кроша кирпич и выбивая куски рубероида, по нему било пять автоматов.

В окнах третьего этажа расположенного напротив блочного дома показались силуэты двух сталкеров. Раздались отрывистые одиночные выстрелы, вниз полетела граната. В ответ хлопнуло несколько подствольников, раздался предупреждающий вскрик, и одновременно на улице и в квартире полыхнули ослепительные вспышки. Инок, пользуясь моментом, привстал, дав несколько очередей по замеченным ранее позициям.

Попавшие под перекрестный огонь наемники не растерялись. Лишь

один, наименее опытный, вскочил и тут же поплатился, поймав пулю.

Перед подъездом рявкнул еще один гранатный разрыв, жалобно задребезжали, посыпались сверкающим крошевом остатки стекол, двое наемников упали, остальные, огрызаясь из автоматов, метнулись под стену здания. Инок разрядил им вслед остаток патронов из магазина, и, на бегу перезаряжая оружие, бросился назад, к люку.

Внизу, под короткой вертикальной лестницей, топтался снорк. Инок отпрянул, и когти твари лишь оставили глубокие борозды в ржавом металле верхней ступени.

Проклятье…

Он выхватил гранату и метнул ее в люк.

Секунда…

Вторая…

Третья…

От взрыва, казалось, вздрогнуло все здание. Немедля он спрыгнул вниз, приземлился на лестничную площадку, практически ничего не видя в дыму и пыли, располосовал пространство перед собой длинной очередью и ринулся вниз по лестнице, на ходу споткнувшись о труп разорванного взрывом мутанта.

* * *

– Инок! Наемники отступили!.. – раздался в коммуникаторе голос Логиста.

– Не обольщайся. Ты им нужен. Сиди на месте, удерживай позицию!

Перед выходом из школьного здания промелькнула, тут же рассеиваясь по укрытиям, группа сталкеров.

– Донор? Ты?

– Инок?

– Да! Маркера не видишь?

– Не вижу! Включи ПДА!

Инок отпрянул в простенок, коснулся сенсора.

– Теперь вижу.

– Донор, тут наемники. Осторожнее. Они затаились где-то рядом.

– Сняли мы троих.

Хорошая новость. Осталось двое. Наверняка самые опытные и обозленные до предела. Одно радует – Логист нужен им живым.

– Донор, давай ко мне! Занимайте здание школы! Оно снайперами «Монолита» не простреливается!

Через минуту семеро сталкеров ворвались в вестибюль.

– Инок, бродяга!

Они с Донором обнялись.

Вид сталкеров внушал ужас. Осунувшиеся лица с землистым оттенком кожи, глубоко запавшие глаза, изодранная, покрытая коростой крови и грязи экипировка.

– Ну что, прорвались к Исполнителю Желаний?

– Издеваешься?

– И не думаю.

– Никуда мы не прорвались. Тут, в Припяти, и увязли. Монолитовцы за каждый дом зубами держались. А потом военные десант в районе АЭС высадили, там такое творилось – вспоминать страшно. Не знаю, удалось им захватить станцию или нет, – к вечеру внеплановый выброс ударил. Мы по счастью вовремя приметы увидели, я по сети предупреждение скинул, большинство сталкеров успели в подвалах укрыться. Хотя, скажу тебе, долбануло так, что мало никому не показалось. Не понимаю, почему монолитовцы нас голыми руками не передушили, пока мы без сознания валялись. Потом, когда кое-как очухались, пришел сигнал от Москита, ты его должен знать, он вроде адъютантом у Воронина был. Короче, группа «Долга» попыталась отступить к своей базе, но в районе Радара их военные в оборот взяли. Они там десант высадили, видимо, решили последовательно сектора захватывать.

– Знаю. Был я на Радаре. Видел. «Монолит» и там, как ты выразился, зубами в землю вцепился, но долго они не продержатся.

– Значит, военные скоро в Припяти будут?

– Однозначно, – кивнул Инок. – После позавчерашнего выброса Зона километра на три по периметру расширилась. Такая волна пошла, что во всем мире, кто хоть что-то понимает, содрогнулись. Короче, расклад такой: если вояки Зону не вычистят и до Саркофага не дойдут, будет массированный удар по площадям.

– Ну ни хрена себе… – Донор присел. – А с нами-то что теперь?

– Есть выход, – обнадежил его Инок. – Мы с Гуроном сюда по заданию пришли. Степан Сидорович подсуетился. Ему ведь тоже Зона без сталкеров не нужна. Как и другим торговцам. В общем, от Припяти к Свалке ведет подземный тоннель. В одном месте он свежим обвалом блокирован, но это не проблема, верно?

– Раненых много, – покачал головой Донор. – Я с другими группами выживших постоянную связь держу.

– Сколько нас осталось? Без деления на группировки?

– Человек триста. Это те, кто в состоянии ходить. Еще по разным

данным до семидесяти тяжелораненых. Их на руках нести придется. Многие больше суток без медицинской помощи не протянут.

Инок задумался.

– Вот что, Донор. Последнего отрезка пути по подземельям до Припяти я своими глазами не видел. По нему Гурон шел. Нас обвалом разделило. Не знаю, жив ли он, но маркер ПДА работает. Может, там чисто, а может и нет. С ранеными рискованно идти.

– Так что ж нам делать? Схлестнемся с вояками?

– Нет смысла. Есть еще один путь. Через Черный Лес.

– Рехнулся? Там же места совершенно непроходимые!

– Я прошел, – лаконично ответил Инок. – Смотри. – Он включил электронную карту, на ходу меняя план действий. – Вот маршрут. Просека относительно безопасна, там только ржавые волосы, электры да жгучий пух. В глубь леса не суйтесь. Там логова мутантов. Увидите призраков – не дергайтесь, они не опасны, но внимательно смотрите по сторонам, вслед за ними могут появиться зомби. Я так уже нарвался.

– Погоди, Инок, а военные?

– Они Радар зачистят и начнут выдвигаться на Припять вот по этой дороге. – Палец Инока указал маршрут на карте. – В Мертвый Лес им нет резона соваться. Страшно, да и техника не пройдет. Врубаешься? Они двинутся по дороге на Припять, а вы тем временем по просеке дойдете до окрестностей Радара. Разминетесь с ними без единого выстрела. Вот тут, – он указал на маркер, – пробито перекрытие тоннеля. Туда сбитый вертолет рухнул. Спуститесь, а дальше путь под землей выведет вас к провалу в районе Свалки, неподалеку от блокпоста «Долга». По дороге мы только дважды с мутантами схлестнулись. Один раз с бюрерами, другой – со снорками. Но в три сотни стволов – отобьетесь. Главное, между собой не конфликтовать.

– Да какие конфликты. Нас Припять научила…

– Короче, Донор, мне некогда. Свяжись с остальными, пусть сюда, в район школы прорываются. Думаю, через час-полтора, к сумеркам, военные на окраину города начнут выходить, так что снайперам «Монолита» будет чем заняться. Это самый удачный момент, чтобы раненых вынести. Тут от школы до леса недалеко. Все запомнил?

Донор кивнул.

– Спасибо тебе, Инок. Никогда не забудем!..

– Ладно, потом, даст Зона, сочтемся. Ты о группе Беса что-нибудь слышал?

– Жив он. Вот только скольких людей потерял, не знаю.

– Привет ему от Сидоровича передай.

– Передам. А ты с нами не уходишь?

– Нет. Гурона надо отыскать. И дело еще есть незавершенное. Может, если все нормально сложится, еще догоним вас. Как выйдет. Ты с другими командирами групп договориться сумеешь?

– Договорюсь. Организуемся. Сам понимаешь, тут каждый уже не раз смерти в глаза посмотрел. Друг с другом собачиться – последнее дело. Жаль, что поздно до элементарных истин доходим.

– Ну, все тогда. – Инок выдернул из своего ПДА флешку. – На, держи, тут резервная копия данных по маршруту. На всякий случай.

– Инок…

– Потом. – Тот отрицательно покачал головой. – Все потом, Донор. Увидимся еще. Людей, главное, выведи. А вояки пусть хоть в Саркофаг лезут – их проблемы.

Они обменялись крепким рукопожатием.

– Ты сейчас куда?

– В соседнее здание. Затем Гурона искать пойду.

– Мои люди тебя проводят. Сам же сказал – наемники где-то рядом.

* * *

У подъезда блочной пятиэтажки Инок распрощался с эскортом. Наемники не появлялись – видно, потеряв командира группы и большинство бойцов, решили, что задача им уже не по зубам.

Поднявшись на третий этаж, он негромко произнес в коммуникатор:

– Логист, это Инок.

В квартире, выходящей окнами во двор, раздался шорох, кто-то слабо застонал, затем прозвучал хриплый голос:

– Медленно заходи. Дверь под прицелом.

Инок ничего другого и не ожидал.

– Только в руках себя держи, – предупредил он.

В прихожей царил хаос. Взрыв гранаты, выпущенной из подствольника, оставил подпалину на полу и множество отметин от осколков по стенам. В коротком коридоре свет, падающий из окна, мутным глянцем змеился по россыпям автоматных гильз.

Комната. Небогатая меблировка, оставшаяся еще от прежних хозяев квартиры, свалена в подобие баррикады. У окна – изрешеченное тело в серой экипировке наемника. Кровь, растекшаяся по выщербленному паркету, уже подсохла.

– Логист, ты где? – Инок поднял автомат стволом вверх.

За баррикадой вновь послышался шорох.

– Тут я.

Инок обошел нагромождение мебели и увидел двух сталкеров. Один, бледный как лист бумаги, сидел у стены, баюкая раненую руку, второй без движения распластался на полу лицом вниз.

– Логист? – Инок присел на корточки перед раненым сталкером, облаченным в защитный комбинезон «Сева» – такой вид экипировки можно было приобрести только на базе ученых у озера Янтарь.

– Рад видеть тебя, Инок… – слабым голосом ответил тот.

– Мы знакомы?

– Я тебя видел несколько раз на Янтаре. А напарник твой?.. Гурон, кажется?.. Где он?

– Обстоятельства нас временно разделили, – ответил Инок. – Что с рукой? Давай посмотрю. – Он уже отстегнул от пояса резервную армейскую аптечку.

– С рукой нормально. Вовремя жгут не успел наложить, крови потерял много. – Логист поморщился, пытаясь встать. – Сейчас, еще минут пять, и в норме буду. Спасибо, от смерти спас… – Он взглянул на Инока. – Тебя Сахаров прислал?

– Вообще-то я в Припяти по другим делам, – честно ответил Инок. – Но информация у меня была. Вернее, просьба профессора, переданная через торговца с Кордона.

– Какая просьба? – Логист все же встал, сделал пару неуверенных шагов, склонился над неподвижным телом сталкера, пытаясь нащупать пульс.

– Сахаров узнал, что мы идем в Припять, просил отыскать тебя и вывести из города, если жив.

– А если нет? – Логист напрягся.

– Тогда изъять любые найденные на твоем трупе бумаги и электронные носители информации и доставить их на базу «Янтарь». – Инок не имел привычки смягчать формулировки.

– Ну, я пока живой, как видишь… И он тоже. – Логист сел на пол. – Помоги, Инок. Контузило его…

Вместе они перевернули сталкера. Тот действительно был жив, только без сознания. Лицо все в крови, посечено мелкими осколками.

– У меня аптечка пустая. Все израсходовал. – Логист с надеждой посмотрел на Инока. – Поможешь?

Тот молча склонился над бессознательным телом.

– Скажи, а наемники тоже за информацией охотились?

– С чего ты решил?

– Логист, не надо со мной так. Наемники под огнем снайперов «Монолита» за твой порванный комбинезон и содержимое карманов в бой не полезут. И в Зону они ходят только по конкретным заданиям. Ты вообще сталкер или ученый? Что-то я тебя смутно припоминаю.

– Извини, Инок. Репутация у тебя хорошая. Знаю, что не отморозок. От смерти нас спас – тоже ценю. Но никаких документов я тебе не отдам. И разговаривать на эту тему не стану.

– Дело твое. – Инок и не собирался настаивать. – Сейчас твой напарник в чувство придет, и двигайтесь понемногу к школе, что во дворах. Там сталкеры из разных группировок под началом Донора собираются. Я им безопасный маршрут отхода из Припяти сообщил. Выйдешь с ними – останешься жив. Доберешься до Янтаря – привет от меня профессору передавай.

– А ты? Не уходишь? Почему?..

– Дела. Гурон где-то в подземельях застрял.

Сталкер, которому Инок только что сделал несколько инъекций, слабо застонал, приходя в сознание. С трудом открыв глаза, он попытался приподняться, потом все же сел, очумело посмотрел по сторонам и глухо выдавил:

– Где мы?..

– В Припяти. – Инок усмехнулся, затем обернулся к Логисту и добавил: – Ты тут не задерживайся. Никто никого ждать не станет. Скоро в город военные пожалуют. Я сейчас мимо школы пойду, скажу Донору, чтобы пару бойцов за вами прислал. Все, мужики, мне некогда.

– Инок, постой!

Тот обернулся, уже на пороге:

– Ну? В чем дело?

– Ты в подземелья идешь?

– Ну, допустим.

– Нас возьми. Прошу.

– Логист, тебя тоже контузило? – Инока начала раздражать ситуация. – Я тебе реальный выход указал. Что еще нужно? Какие подземелья? У меня друг там, а я тут с вами время теряю. Все. Разговор окончен.

– Инок, подожди. Извини, я был неправ. Наемники действительно охотились за собранной мной информацией. Она ценная, очень ценная, но пока неполная. – Логист побледнел еще больше. – Я узнал такое, что самому страшно.

– Логист, я же ясно сказал: мне некогда. Куда я вас возьму в таком

виде?

– Мы поможем тебе найти Гурона. А затем вы поможете нам. Я все тебе расскажу. Клянусь. И обузой не станем. – Он полез за пазуху, извлек упаковку со шприц-тюбиками. – Это препарат, разработанный в лабораториях «Янтаря». Боевой стимулятор. Подумай, он может пригодиться Гурону, если тот ранен.

– Что же ты сразу его не применил?

– Он еще не прошел всех испытаний – опытный образец, только на крайний случай. Мне нельзя уходить из Припяти. Объяснять долго. Ты прав, нет времени. – Логист сорвал защитный пластиковый колпачок и вогнал тоненькую иглу себе в предплечье. Затем склонился к контуженному сталкеру и сделал ему дополнительную инъекцию.

Инок лишь покачал головой, ожидая результата рискованного эксперимента. Должно быть, у Логиста действительно были веские причины, раз он пошел на заведомый риск, введя себе не апробированный на людях стимулятор.

Странный он. В среде сталкеров известен мало. Скорее всего из ученых. Если бы Логист хотя бы вскользь упомянул сейчас Исполнитель Желаний, Инок ушел бы. Не та ситуация сложилась в Зоне Отчуждения, чтобы рваться к мифическому счастью.

Тем временем действие препарата дало положительный эффект.

Щеки Логиста порозовели, он перестал морщиться, постоянно поддерживая простреленную навылет руку, его напарник достаточно энергично, а главное, самостоятельно поднялся на ноги и тут же приступил к поиску оружия.

– Опер, – скупо представился он, проходя мимо Инока. – Пригожусь, не сомневайся. Я родился в Припяти, город знаю. Отец у меня участковым тут был еще до первой катастрофы. – Он присел подле трупа наемника, без особого усилия перевернул его, быстро обшарил подсумки, извлек на свет две гранаты и пять снаряженных магазинов к ОЦ-14 «Гроза», затем отыскал и сам автоматно-гранатометный комплекс.

Логист тем временем перезарядил L85 – штурмовую винтовку производства Великобритании, чем вызвал неодобрительный взгляд Инока.

– Выкинь ты ее, – посоветовал он Логисту.

По многим параметрам данное оружие считалось безнадежным, в первую очередь в плане боевой эксплуатации. Чрезмерно смещенный назад центр тяжести являлся причиной сильного увода ствола вверх даже при стрельбе короткими очередями. К тому же недоработанная система боепитания приводила к частым отказам оружия и необходимости ручной

перезарядки в критические моменты боя.

– А с чем я пойду?

– У наемников еще одну «Грозу» возьмем. – Инок оценил действие разработанного Сахаровым боевого препарата: Логист, сам того не замечая, уже одинаково свободно владел обеими руками, забыв о ранении.

– Ну, ты решил? Возьмешь нас с собой?

– Возьму, но с соблюдением нескольких условий. Сначала мы выдвигаемся по координатам ПДА Гурона, затем, когда отыщем моего напарника, ты мне рассказываешь все, без утайки, и только после этого мы принимаем решение о дальнейших совместных действиях. Согласен?

– Да. – Логист аккуратно положил на пол L85. – Полагаюсь на твой опыт.

– Опер, сюда подойди. – Инок присел, вывел на экран ПДА электронную карту Припяти. – Вот смотри. Видишь мерцающий маркер?

– Ну?

– Подумай, как проложить маршрут, чтобы не подставляться под огонь монолитовских снайперов. Учитывай при этом, что нам необходимо найти спуск в подземелья.

Опер, посмотрев на карту, пожал плечами.

– Что тут думать? Маркер твоего напарника сейчас проецируется на старое бомбоубежище. Входы в него мне известны, но они-то как раз у снайперов как на ладони. Нам надо попасть вот сюда, – сталкер указал на участок лесопарковой зоны, сохраненной при строительстве городских кварталов. – Там находится несколько замаскированных выходов вентиляционных шахт. По ним и спустимся.

– Грамотно, – одобрил Инок. – Как себя чувствуешь?

– Нормально. К бою готов. – Опер прикоснулся тыльной стороной запястья к рассеченной осколками щеке. – Уроды. Теперь вся морда будет в шрамах.

– Логист, сколько длится действие препарата?

– Увы, не осведомлен. Но инъекции созданы на основе вытяжки из некоторых артефактов, так что их действие не только стимулирует организм, но и способствует быстрейшему процессу заживления ран.

– Ага… – Опер криво усмехнулся. – И успешному превращению нормального сталкера в какого-нибудь мутанта. Знаю я твоего Сахарова.

– Раньше надо было думать, – огрызнулся Логист.

– А я не просил инъекции мне делать!

– Время теряем! – Инок не собирался слушать их спор. – Что сделано, то сделано. В общем, действуем так: спускаемся во двор, ищем оружие для

Логиста, затем в темпе выдвигаемся в район бомбоубежища. Опер, ты ведешь, Логист следом, я – замыкающий.

Глава 7 Рухнувший миф

Окрестности Припяти

Военно-транспортный вертолет появился над Черным Лесом, вне зоны эффективного огня монолитовских снайперов. Высадив десант, он тут же развернулся, взяв курс на периферию Зоны.

В эфире прошел короткий сеанс связи. Оба передатчика, один, находящийся в Припяти, другой – в Мертвом Лесу, были оснащены шифрующими устройствами.

– На связи Дартс, вызываю Седого.

Секунда тишины.

– Седой убит. На связи Рихард.

– Докладывай.

– Я ранен. Группа уничтожена. Объект ушел.

– Как вы его упустили?!

– На помощь объекту пришел неизвестный сталкер. Сейчас они направляются к окраине города. Двигаюсь следом.

– Твои координаты засек. Есть еще новости?

– Устройство в бункере активировано. Агент задачу выполнил.

– Понял. Не упусти Логиста. Мы выдвигаемся. Будем минут через десять.

Завершив сеанс связи, командир вновь прибывшей группы наемников оглянулся и жестом отдал приказ двум десяткам подчиненных: «Начинаем движение. В темпе».

* * *

Инок, Логист и Опер пробирались дворами.

В другое время пробежка от улицы Курчатова до ядерного бомбоубежища заняла бы минут пять-семь, не более, но им приходилось двигаться крайне осторожно, часто выбирая обходные маршруты, чтобы не попасть под огонь снайперов «Монолита».

Перестрелка в городе понемногу стихала. Сталкеры, поодиночке и группами, прорвавшись через заслоны сектантов, собирались у школы. Донор не стал ожидать, пока появление военных отвлечет внимание засевших в высотных зданиях боевиков, – отобрав наиболее опытных бойцов, он послал несколько групп на зачистку близлежащих многоэтажек.

В квартале вновь вспыхнули яростные столкновения, а когда автоматный огонь пошел на убыль, из Припяти начали эвакуировать тяжелораненых.

– Недалеко уже. Метров двести осталось. – Опер вбежал в разгромленный магазин, и, переводя дыхание, присел под прикрытием облицованного кафелем прилавка мясного отдела.

Инок последовал его примеру, затем осторожно выглянул, осматриваясь. Сквозь выбитые проемы витрин были отчетливо видны угрюмые постройки градообразующего предприятия Припяти – Чернобыльской АЭС.

Отдышавшись, Опер пояснил:

– Под нами – перекрытие убежища. За магазином начинается лесопарковая зона. Наша цель – небольшое кирпичное строение. Высота – метра полтора, сбоку низкая металлическая дверь. Гранаты у меня есть, замок рванем.

– А дальше? – поинтересовался Логист.

– Внутри установлены насосы, воздуховоды, между ними – специальный отсек, где происходит фильтрация воздуха. В нем же в полу находится затвор вертикального вентиляционного ствола. Шахта заперта выпуклой металлической крышкой. Электроприводы наверняка не работают, но есть резервный механический штурвал отпирания. Главное – попасть внутрь ствола. Там уже никакое преследование не страшно. Заблокируемся изнутри. По вертикальной шахте скобы идут, спустимся без проблем, тем более что система принудительной вентиляции убежища давно не работает.

– Ты откуда все знаешь?

– Лазил в детстве. Входы в убежище охранялись, а вот вентиляционные шахты – нет. А нам интересно было, что там под землей. Пацаны все-таки…

– И не боялись через вентиляцию лезть?

– Конечно, боялись. Лазили на слабо. Отец потом узнал, ох всыпал мне… Ладно. Пошли.

За магазином действительно начались густые заросли кустарника, затем появились хвойные и лиственные деревья. Лесопарковую зону пересекали асфальтированные дорожки, кое-где сохранились скамейки и чугунные урны.

Сталкеры отбежали метров на пятьдесят от магазина, когда до

одноэтажного здания дохромал раненый в ногу наемник.

– Они углубились в лесопарковую зону, – сообщил он по связи. – Двигаются в направлении воздухообменника вентиляционной шахты бомбоубежища.

– Это та самая шахта?

– Да. Именно та, ведущая непосредственно к объекту. Мы, когда осуществляли контроль аппаратуры, заперли люк изнутри.

– Понял. В таком случае они сами лезут в ловушку. Окружаем, – пришел ответ.

Рихард поморщился. Неудачный рейд. Хорошо хоть вторая группа вовремя подошла, теперь беглецам не скрыться. Дурак этот Логист: отдал бы документы – умер бы быстро. А теперь его судьбе не позавидуешь.

Приземистое, будто вросшее в землю строение выглядело неприметно. Единственное, что могло привлечь к нему внимание – это часто расположенные по периметру круглые зарешеченные проемы без стекол.

– Для доступа воздуха, – пояснил Опер. – Основное устройство очистки расположено внутри и заглублено в грунт.

Инок чуть сбавил темп, оглядываясь по сторонам. Система тепловидения боевого шлема в дневных условиях работала плохо, но все же ему показалось, что за ближайшими зарослями кустарника промелькнули и исчезли термальные контуры человеческих фигур.

Он бросил мгновенный взгляд на ПДА. Никаких маркеров в округе. Лишь мерцает искорка радиомаяка Гурона.

Инок остановился, присел, уже тщательнее сканируя окрестности.

– Логист, у нас гости. – Он вскинул автомат, дав две короткие очереди по вновь промелькнувшим на пределе восприятия силуэтам.

Короткий болезненный вскрик, невнятные ругательства, сиплый вздох ответной очереди, вспоровшей землю в полуметре от сталкера, стали лишь подтверждением его догадки. Наемники снова вышли на след Логиста, и их численный состав явно пополнился. Кроме того, стреляли из автомата с интегрированным глушителем, а такое оружие в Зоне – редкость.

Не дожидаясь реальных неприятностей, Инок ринулся к приземистому зданию. Вокруг засвистели пули, перерубленные ветки кустарника посыпались на землю, несколько рикошетов чиркнуло по бронекостюму.

– Двери! Быстрее! – Инок упал на землю, огрызнулся из автомата, ушел в перекат, фиксируя все новые и новые тепловые контуры. – Нас

окружают!

Неподалеку ухнул гранатный разрыв, с характерным звуком ударили выстрелы «Грозы».

– Инок, резче давай! Прикрываем!

Он резанул по кустам длинной очередью и, вскочив, одним рывком достиг приземистой постройки. Логист и Опер, прижимаясь к стенам, вели непрерывный огонь по прилегающим кустарниковым зарослям. Несколько трассирующих пуль подожгли сухую траву, и окрестности вдруг начало заволакивать сизым, стелющимся вдоль земли дымом.

Массивная металлическая дверь, ведущая в помещение воздухообменника, после взрыва гранаты приоткрылась лишь сантиметров на двадцать. Опер, прекратив стрелять, ухватился за торец бронированной плиты, что есть сил потянув ее на себя. Протяжно скрипнули проржавевшие петли, дверь еще немного приоткрылась, затем ее снова заклинило.

– Внутрь! – Опер первым протиснулся в расширившуюся щель, а через несколько секунд его автомат ударил сквозь круглое зарешеченное окошко.

Логист успешно проскользнул внутрь, Инок, удерживавший позицию у входа, последним протиснулся в укрытие и тут же потянул на себя массивную дверь, по которой уже гулко барабанили пули.

– Патроны экономь! – крикнул он Оперу. – Одиночными бей! Логист, вниз, к люку! Открывай шахту!

Помещение, в котором оказались сталкеры, было намного более просторным, чем могло показаться снаружи. Посреди заглубленного в землю зала возвышались устройства принудительной вентиляции расположенного ниже бомбоубежища, между ними виднелся внушительных размеров короб, в котором исчезали рукава воздуховодов.

– Где люк? – Логист растерялся.

Опер выругался.

– Давай к окну! Я сам! – Он сбежал вниз по гулкой лестнице, отыскал на покрытых отслоившейся краской, тронутых ржавчиной металлических листах контур плотно пригнанного технического люка. Спецключа, открывающего доступ внутрь короба, где располагались фильтры воздуховодов, у него, естественно, не было, пришлось пустить в ход последнюю оставшуюся гранату.

– Пригнитесь!

Взрыв в замкнутом помещении прозвучал оглушительно.

Инок, защищенный боевым шлемом, лишь болезненно поморщился,

продолжая сдерживать окруживших приземистую постройку наемников. Перебегая по металлическому балкону от одного зарешеченного окошка к другому, он бил короткими очередями, экономя патроны.

– Логист, дверь заблокируй!

Оглушенный взрывом гранаты Опер поднялся с пола, держась рукой за стену, помотал головой, беззвучно шевеля губами, затем, пошатнувшись, шагнул в направлении сорванного квадратного люка и пролез в образовавшееся отверстие.

Внутри коробчатого помещения глохли звуки стрельбы. Восемь воздуховодов, врезанных в стены, оканчивались массивными фильтрующими элементами, в бетонированном полу располагался выпуклый, словно шляпка гриба, люк, запирающий вертикальный вентиляционный ствол. Система управления, основанная на электромоторах, не работала, но рядом, в полу, располагался штурвал ручного привода, и Опер, не теряя времени, схватился за него, попытался провернуть, но тщетно.

Заперто.

Он огляделся по сторонам, отыскал взглядом ржавый лом, схватил его, вставил в крестовину штурвала и налег на импровизированный рычаг. Его лицо побагровело от усилия, но механизм привода не сдвинулся ни на миллиметр.

Заблокировано изнутри…

Опер несколько секунд в немой ярости смотрел на плотно запертый люк, затем сплюнул на пол и полез обратно.

В помещении воздухообменника сизыми пластами плавал пороховой дым. Инок и Логист отстреливались, постоянно перемещаясь от одного окошка к другому, плотный ответный огонь крошил кирпичную кладку, пули высекали искры из металлических решеток, взвизгивая, рикошетили от стен.

Пригибаясь, чтобы не поймать шальную пулю, Опер взбежал по лестнице, присел в простенке между двумя окошками и проорал:

– Люк заблокирован изнутри!

Наемники, окружившие приземистую постройку, подбирались все ближе. Один из них, совершив рискованную перебежку, практически добрался до двери, которую Логист заблокировал толстым обрезком арматуры. Инок успел заметить наемника в последний момент, когда тому оставалось сделать всего пару шагов до мертвой зоны, куда не доставал автоматный огонь. В руках у него был брусок пластида со вставленным детонатором.

Очередь, выпущенная Иноком, ударила наемнику в бок, отшвырнула его на несколько метров от дверей. Тот упал, корчась, пятная кровью покрывшиеся пеплом холмики сгоревшей травы. Опер, на секунду выглянув в зарешеченное окошко, радостно взвыл:

– Пластид!

– Опер, не дури! Не смей!!!

Бесполезно. Сталкер уже вырвал кусок запиравшей дверь арматуры и налег на массивную плиту.

– Логист, прикрываем его!

«АКМ» и «Гроза» ударили одновременно, прошивая пространство перед открывающейся дверью расходящимися веером очередями. Горящие кусты, за которыми скрывались наемники, вздрогнули, принимая попадания, роняя срубленные пулями ветки, выбрасывая снопы искр.

«Гроза» Логиста выплюнула трассер и смолкла, Инок, не так бездумно расходовавший патроны, продолжал стрелять. Опер уже дополз до смертельно раненого наемника, выхватил из его ослабевших пальцев заряд пластичной взрывчатки и тут же совершил роковую ошибку: вместо того, чтобы вернуться ползком, под прикрытием огня сталкеров, он вскочил, решив рывком преодолеть несколько метров, отделявших его от двери, и тут же получил очередь в спину.

Нелепо взмахнув руками, он упал всего в двух шагах от приоткрытой двери.

Логист внезапно метнулся к выходу. Инок в этот момент перезаряжал «АКМ». Кричать на Логиста было бесполезно. Тот уже выскочил наружу, схватил смертельно раненого сталкера за плечи и поволок назад.

Инок делал все, что в человеческих силах. Автомат в его руках преданно вздрагивал, посылая по два-три патрона в каждую зафиксированную зрением цель, ствол оружия резко перемещался в разные стороны, отплевываясь короткими вспышками. Трое боевиков упали, остальные, не выдержав, сконцентрировали ответный огонь на очаге внезапного сопротивления, – пули крошили кирпич вокруг небольшого окошка, два попадания пришлось в переплет решетки, еще одно – в бронированное забрало боевого шлема. Инока сбило с ног, но даже оглушенный, он тут же вскочил, вновь подавшись к разбитой амбразуре.

Трое наемников бежали к приоткрытым дверям. Логист уже втащил бессознательное тело Опера внутрь укрытия и, хрипя, навалился на массивную плиту, возвращая ее на место.

Перезаряжать автомат было некогда, и Инок выхватил «АПС». Выстрелы «Стечкина» остановили двух боевиков, третий, не выдержав,

рванулся вбок, уходя с линии огня, и в этот момент протяжный металлический скрип возвестил о том, что дверь заперта изнутри.

Инок со стоном присел, вжимаясь в простенок между зарешеченными проемами, и сорвал боевой шлем. Забрало треснуло, в голове стоял гул, шейные позвонки болели так, словно по ним ударили железным прутом.

Только бы не потерять сознание…

Он подобрал автомат, сменил магазин, действуя словно в полусне, потом вдруг с ощущением режущей головной боли вернулась ясность мышления. Логист, втащивший тело Опера на промежуточную площадку металлической лестницы, вдруг пошатнулся, хватаясь за хлипкие перила. Грудные пластины его защитной экипировки были пробиты автоматной очередью.

– Инок… – сипло прошептал он, безвольно оседая на пол.

Наемники, ощутив паузу, снова поднялись на штурм.

* * *

Подземелья Припяти. Бомбоубежище. То же время

Гурон пришел в сознание от глухого толчка. Где-то наверху рванула граната…

Он лежал на боку, в лужице подсохшей крови. Воздух подземелья пах чем-то резким, неприятным. В голове шумело от кровопотери.

«Штопор… Сука…» – Мысли, тяжелые, вязкие, ворочались в рассудке, как огромные булыжники.

Со стоном перевернувшись на спину, он некоторое время лежал без сил. Хриплое дыхание отдавалось болью в груди, перед глазами плавали багряные пятна.

Вот он – истинный облик Зоны. Красное на черном…

Тьма понемногу расступалась, багрянца становилось все больше, мрачные своды подземелья принимали фактуру неба, на фоне которого скользили смутные, едва различимые тени. Взгляд Гурона, погрузившийся в ирреальное, полубредовое пространство, раздвигал границы восприятия, словно душа отделилась от израненного тела и воспарила ввысь.

Тени… Тени десятков, сотен тысяч трагедий, разыгрывавшихся тут на протяжении четверти века, скользили сейчас над полуразрушенными зданиями городских кварталов Припяти.

Шепот вечности кружил над землей. Миллионы едва слышных голосов возникали в рассудке сталкера, он не мог разобрать слов, но ясно воспринимал их отчаяние, боль, недоумение. Ему казалось, что багряно-

черное небо смотрит на него хмурым, испытующим, пристальным взглядом, спрашивая: а ты зачем пришел сюда, Гурон?

Ментальные волны накатывались, будто беснующийся прибой. Сознание тонуло. Он боролся, на миг всплывая на поверхность, жадно хватая воздух, но разум тут же захлестывала новая волна.

Зачем ты пришел?

И сумеешь ли дойти?

Что ты, ничтожный сталкер, противопоставишь реальности?

Ты не изменишь данность. Тебя убили. Предали. Ты больше не можешь НИЧЕГО.

Но Зона ошиблась.

Нельзя нашептывать на ухо: молчи, не возникай, я сильнее.

«Чего мне теперь страшиться?»

Гурон и Инок были разными, но в чем-то все же походили друг на друга. Они никогда не убивали за деньги, не предавали ради денег, не лгали друг другу, могли спорить, неуступчиво злиться, но у обоих был внутренний стержень, не позволяющий совершать определенные поступки.

Я ЕЩЕ НЕ УМЕР!..

Гурон с надрывным криком сел, отдав непомерному усилию всего себя.

Багряно-черное небо исчезло. Взгляд остановился на тускло сияющем экране ПДА. В центре пульсировал крохотный маркер.

Сигнал Инока… Он где-то рядом…

Мысль о том, что Инок жив, не погиб под завалом, а дошел до Припяти – дошел в том числе и ради него, – помогла Гурону собрать остаток сил. Дрожащей рукой он дотянулся до контейнера с артефактами, на ощупь отсчитал третью секцию, откинул крышку, и под окровавленными пальцами затрепетала душа.

Он медленно согнул руку, прижал артефакт к кровоточащей ране на груди и вновь провалился в забытье…

* * *

Вторично сознание вернулось к нему от леденящего ощущения: где-то в подземельях появился контролер. Ментальное воздействие твари едва коснулось разума сталкера, лишь потревожив его, заставив очнуться, – контролер находился еще слишком далеко, – но эманации чуждой воли приближались, медленно и неотвратимо.

«Я еще не умер…» – упрямо подумал Гурон.

Душа, плотно прижатая к ране, как будто сдулась, потеряла объем и

форму, исчезло ее слабое свечение, артефакт превратился в скользкую массу, но боль, парализовавшая мышцы, немного отпустила, стала глуше, кровотечение остановилось.

Гурон с трудом привстал, затем, опираясь на автомат, поднялся на одно колено, выпрямился и осмотрелся. В свете нескольких электр, беснующихся у границы пройденного лабиринта аномалий, он увидел приоткрытую дверь, ведущую в какой-то отсек, и несколько тел, лежащих в разных позах возле скругления стены. По положению трупов и оружия Гурон понял: схватка была короткой и длилась считанные секунды. Сталкеры, видимо, только прошли через аномалии, когда из дверей загадочного отсека выскочили четверо наемников. Наверняка они одновременно вскинули оружие, не оставив друг другу шансов.

Пошатываясь, едва переставляя ноги, он подошел ближе.

Тела не разложились, они лишь немного усохли. Воздух подземелья странным образом законсервировал их.

Четверо наемников. Их лица незнакомы. А вот черты сталкеров Гурон узнал.

Перед ним лежали Брокер, Карась и Глобус.

Гурон присмотрелся к ранам, превратившимся в темные пятна. Карась погиб сразу. Пуля попала ему в голову. Глобус отполз на несколько шагов, оставив за собой бурую полосу. Тоже не жилец. А вот Брокер сидел у стены. Пули пробили ему предплечье, ногу, задели бок, но ни одна рана не выглядела смертельной. Он просто истек кровью, брошенный тут на произвол судьбы.

Вот чего так страшился Штопор.

Он был четвертым в группе. Он мог вытащить Брокера, но не стал утруждать себя, мразь. Схватил пару артефактов и убежал. Значит, врал про тайник. Почему же он тогда твердил, что артефактов четыре?

Четыре сталкера, четыре наемника… Внезапная встреча, скоротечный бой…

Гурон, едва держась на ногах, по очереди осмотрел тела наемников. У двоих он обнаружил непонятные устройства, похожие на беспроводные гарнитуры для мобильных коммуникаторов. Протянув руку, он подобрал один из непонятных приборов.

Явно не артефакт. Что-то рукотворное, созданное людьми. Плод высоких технологий.

И все же… Гурон по-прежнему ощущал приближение контролера, так что особого выбора у него не было.

Взяв «артефакт», он надел его на ушную раковину, закрепив, будто

гарнитуру.

Сначала он не почувствовал ничего. Затем ощутил легкую, едва уловимую монотонно-ритмичную вибрацию, передающуюся через черепную кость.

Ощущение неприятное. Словно приложил ухо к старинным часам и слушаешь монотонное, сводящее с ума раскачивание маятника.

Еще несколько секунд, и неприятное ощущение исчезло.

Он как будто оглох. Вязкая тишина окутала разум. Он больше не ощущал эманаций ментальных волн контролера.

Вот, значит, как?

«Черный маятник» создан людьми? Но кто оснастил наемников уникальными устройствами? Зачем они спускались в подземелье, что искали в непонятном отсеке?

Гурон подобрал второй маятник», спрятал его в подсумок. Голова все еще кружилась, но общее состояние стало намного лучше. Душа не только остановила кровотечение. Она придала сил.

Гурон подошел к приоткрытой двери и заглянул внутрь загадочного помещения. Сразу у порога он увидел опрокинутое кресло и труп Штопора. На теле ветерана ни единой свежей царапины, кроме тех ссадин, что тот успел заработать по дороге, прорываясь через тоннель.

Что же его убило?

В помещении еще витал непонятный запах. Газ? Отравляющее вещество? Судя по ядовито-зеленым пятнам на щеках Штопора, выкаченным из орбит глазам и рукам, застывшим у горла, – он задохнулся.

Гурон переступил через труп. Перед ним высилось несколько компьютерных терминалов, тускло светили два монитора, на одном отображались непонятные графики, на другом застыли строки отчета:

Модуль взлома сервера «Монолит» инициализирован.
Попытка установки связи.
Статус – завершено.
Начало процесса взлома. Попытка перехвата управления.
Статус – 87 процентов завершено.

Под последней строкой подрагивал световой индикатор.

Гурон плохо понимал, что тут происходит. Но интуиция подсказывала: когда статус процесса достигнет ста процентов – ничего хорошего не случится.

«А это что такое?» – Его взгляд упал на серебристый чемоданчик,

закрепленный в специальном углублении. На передней панели чемоданчика отображался такой же световой индикатор и тлели, ритмично помаргивая, несколько крохотных разноцветных огоньков.

«Идет запись на жесткий диск», – догадался Гурон.

Протянув руку, он взялся за удобную ручку и потянул небольшой кейс на себя.

Раздался тревожный сигнал, и компьютерные комплексы внезапно дали сбой. На экране появилась тревожная надпись:

Потерян контакт с устройством записи. Процесс прерван. Аварийное отключение через 5… 4… 3… 2… 1…

Гурон инстинктивно подался назад, опасаясь, что сейчас произойдет очередная пакость.

Кейс так и остался у него в руках.

Где-то наверху раздавались глухие толчки, от которых вздрагивали стены подземелья.

* * *

– Логист! – Инок с трудом поднялся на ноги. В голове гудело, режущая боль, пронзившая мозг, не отпускала.

Логист не отвечал.

Несколько гранатных разрывов ударили снаружи, возле двери, но преграда устояла, хотя по кирпичной кладке пробежали трещины.

Инок с трудом добрался до двух распластавшихся на промежуточной площадке тел. Опер был мертв. Логист же на минуту пришел в сознание. Его мутный от боли взгляд остановился на Иноке. Рука потянулась к ране. Застонав, сталкер вытащил из под окровавленных грудных пластин защитной экипировки тонкую папку с какими-то бумагами, разбитый ПДА со вставленными в него двумя флешками и тонкую, пожелтевшую от времени школьную тетрадь, пробитую пулей.

– Инок… Здесь все… Забери… Прочти… Все поймешь… Оставь меня… Уходи…

– Лежи смирно. – Инок быстро вскрыл одну из ячеек контейнера с артефактами, достал душу, вложил ее в дрожащие, окровавленные пальцы Логиста и сказал: – К ране прижми.

Наемники уже подобрались к зарешеченным окошкам. Внутрь воздухообменника полетела граната. Инок схватил Логиста и что есть сил потащил вниз по лестнице, к открытому техническому люку, ведущему внутрь массивного короба, сваренного из толстых металлических листов.

Граната разорвалась на узком решетчатом балкончике, обрушив вниз

часть конструкций.

– Держись, Логист… Держись… – Инок затащил обмякшее тело внутрь укрытия, оставил его на бетонном полу рядом с запертым люком вертикальной вентиляционной шахты бомбоубежища, а сам, превозмогая боль и слабость, выглянул в помещение воздухообменника.

Очередной мощный взрыв все же вырвал металлическую дверь вместе с кусками удерживавшей ее кладки. Теперь там клубилась оранжевая пыль, сквозь которую смутно виднелась угловатая, щерящаяся обломками кирпича дыра.

Наемники действовали спокойно и методично. Они не стали врываться внутрь, а окружили приземистое строение, заняв позиции у зарешеченных зевов воздухозаборных отверстий. Из-за дыма и пыли, поднятых разрывами гранат, они не видели, что происходит внизу, у основания массивного короба, в стенах которого исчезали рукава воздуховодов.

Инок лег на спину и, удерживая под прицелом автомата покореженный решетчатый балкон верхнего яруса, слегка оттолкнулся ногами, продвинувшись с таким расчетом, чтобы иметь возможность вести огонь через квадратный технологический люк. Позиция удобная – любой, кто попытается сунуться в оставшуюся на месте двери дыру, получит пулю. Но строить иллюзии он не стал: наемники не столь глупы. Они будут ждать ошибки со стороны сталкера или, что выглядело более вероятным, закидают помещение гранатами. Толстый металл короба, конечно, выдержит попадания осколков, но отраженные от стен взрывные волны в конечном итоге погасят любые попытки к сопротивлению.

В глазах и без того уже плавала багряная пелена, сознание плыло, пытаясь ускользнуть в спасительную чернь небытия, но Инок сопротивлялся. Не надеясь на чудо, он понимал: помощи ждать неоткуда, но сдаться наемникам – значит обречь себя и Логиста на мучительную смерть. «Нет, буду держаться. Пока хватит патронов и сил…»

В наступившей тишине раздался отчетливый звук удара металла о бетон.

Взрыв…

Толстостенный короб загудел, как колокол, грохот обрушившихся металлоконструкций смешался с лязгом, затем все вновь стихло. Инок потряс головой.

«Нормально… – назло багряной вспышке боли, сжав зубы, подумал он. – Учитывая безвыходность ситуации – нормально. Наемники не дураки – поймут, что, швыряя гранаты с безопасной позиции, под глухую стену

металлического короба, вряд ли добьются быстрого результата, а время их поджимает. Скоро в город войдут военные…»

Он не ошибся. Секунд через тридцать в уродливом проломе стены возникла тень.

Автомат Инока огрызнулся огнем, несколько дымящихся гильз ударились о стену и покатились по полу. Тень исчезла, а еще через мгновенье на улице рявкнул взрыв.

Наемники тут же изменили тактику. Двое вжались в стену с наружной стороны пролома, еще один изготовился к броску гранаты. Короткий жест, и два автомата заработали по укрытию сталкера, не давая ему поднять головы. Противники стреляли не жалея патронов, практически не высовываясь, – Инок видел лишь дымную, разорванную вспышками мглу, застилающую пролом. Третий наемник, находившийся вне поля зрения сталкера, замахнулся, собираясь метнуть гранату под прикрытием шквального автоматного огня, но не сумел завершить начатого движения, – бронебойная пуля, выпущенная из снайперской винтовки, пробила ему затылок, взорвав багряно-серебристым фонтаном осколков выпуклое забрало боевого шлема. Он рухнул, уронив гранату, двое других метнулись в пролом, пытаясь укрыться от неминуемого взрыва, но их встретил автомат Инока.

В незаметно подкравшихся сумерках замельтешили тени. Опытные бойцы мгновенно сообразили, что произошло. На время оставив в покое Инока, они, безошибочно определив направление выстрела, тут же заняли укрытия, готовясь достойно встретить нового противника.

Подле полуразрушенного воздухообменника на минуту воцарилась напряженная, сторожкая тишина.

Таинственный снайпер, произведя единственный выстрел, не спешил обнаруживать свою позицию. Он выжидал, демонстрируя завидное хладнокровие. Наемники, потерявшие уже шестерых бойцов, напротив, заметно нервничали.

Сгущающиеся сумерки несли и иные признаки надвигающейся угрозы – на окраине Припяти внезапно вновь раздались звуки ураганной перестрелки, блеснуло несколько зарниц, басовитый, ритмичный рокот выдавал работу тяжелых крупнокалиберных пулеметов, затем серия яростных вспышек и ощутимые толчки засвидетельствовали появление штурмовых вертолетов – это военные, прорвав рубежи «Монолита» на Радаре, вышли к многострадальному городу-призраку.

Инок также не понимал, что происходит. Панические действия двух наемников, попытавшихся проскочить в пролом, и раздавшийся за

пределами здания гранатный разрыв плохо укладывались в предопределенность развития ситуации, а наступившая после тишина и подавно настораживала.

Кто-то ударил им в спину? Пожалуй, это единственное объяснение, но кто? Монолитовцы, привлеченные шумом боестолкновения? Вряд ли. Их не так много в городе. Снайперы секты сидят на позициях, им по определению нет никакого дела до локальной стычки между наемниками и сталкерами.

Может, Гурон?

Инок посмотрел на экран ПДА. Нет, маркер радиомаяка по-прежнему на том же месте. Прямо под перекрытием бомбоубежища, в подземелье…

Нет, это кто-то другой.

Донор послал кого-то на выручку?

«Нет», – мысленно отверг Инок очередной, пришедший на ум вариант. Сталкеры, измученные многодневными боями в Припяти, пережившие внезапный выброс, сейчас уже где-то на полпути к Радару. Ими движет желание уйти как можно дальше от того кошмара, что приготовила Зона охотникам за призрачным счастьем. Морально и физически опустошенные, едва держащиеся на ногах, они не способны сейчас к подобным подвигам. Припять для них теперь не просто таинственный город-призрак, она стала воплощением жуткого образа Зоны, и вряд ли в ближайшем будущем найдутся смельчаки, способные вернуться сюда.

Непонятная пауза затягивалась. Инок понимал: что-то происходит, и нужно использовать момент, действовать, – но как?

Пол помещения несколько раз содрогнулся, передавая глухие толчки.

Ракетный удар? Военные входят в Припять?

Новая серия толчков и отдаленные, приглушенные расстоянием звуки перестрелки подтвердили догадку, но не объяснили внезапного бездействия наемников. Чего они ждут? Наоборот, по логике, они должны сейчас усилить натиск, любой ценой подавить сопротивление сталкеров, чтобы добраться до документов, или на худой конец обыскать труп Логиста, а затем уходить, пока спецназ не прорвался через заслоны монолитовцев.

Инок, в отличие от наемников, медлить не собирался. Он слишком устал – ждать развязки, проявляя разумную осторожность, уже не хватало моральных сил.

Выбравшись из укрытия, он осмотрелся. Никого… Лишь звуки отдаленной перестрелки стали явственнее, резче.

За зарешеченными отверстиями царила тьма. Тепловизор шлема после

прямого попадания пули в бронированное забрало отключился.

Бесшумно ступая, Инок перебрался через груду битого кирпича. Секция ведущей наверх металлической лестницы опасно накренилась, ее крепления вырвало из стены, труп Опера, оставшийся лежать на промежуточной площадке, сполз к самому краю, зацепившись за шаткие перила. «Гроза» погибшего сталкера валялась внизу, под лестницей.

Инок поднял автоматно-гранатометный комплекс, проверил подствольник, убедившись, что тот заряжен, затем, аккуратно положив свой «АКМ» на груду битого кирпича, присел и, прицелившись, послал реактивную гранату в пролом стены.

Снаружи раздался предупреждающий вскрик, затем глухо рявкнул разрыв, в свете сверкнувшего пламени промелькнуло несколько метнувшихся прочь фигур, и вдруг… где-то неподалеку дважды ударил характерный звук выстрела «СВД».

Он не ошибся. Даже действуя на предел сил, скорее рефлекторно, чем обдумано, Инок избрал единственно верный тактический ход: выстрел из подствольного гранатомета заставил затаившихся наемников выдать себя, чем не преминул воспользоваться таинственный снайпер.

Схватив «АКМ», Инок перекатился по другую сторону груды кирпича, из которой торчал угол металлической двери.

Вовремя. Наемники, потеряв еще троих бойцов, окончательно озверели. Может, их командир и сохранил в эти роковые секунды хладнокровие, но его подчиненные, ощущая подсознательный страх перед снайпером, метнулись за стену полуразрушенного здания, уходя с линии огня невидимого стрелка. Оказавшись в относительной безопасности, они тут же вспомнили о засевшем внутри сталкере, открыв шквальный огонь через округлые отверстия, с которых гранатными разрывами сорвало решетки.

Пули крошили стену над головой Инока, выбивали фонтаны кирпичной крошки из оползня, за которым он укрылся, не давая возможности огрызнуться в ответ, – наемники, расстреляв боекомплект, тут же отскакивали в сторону, освобождая место у импровизированных бойниц своим товарищам. Несколько пуль ударили в бронекостюм, по руке потекло что-то горячее, затем на улице раздался оборвавшийся на окончании фразы крик:

– Прекратить огонь, болваны!..

Командир наемников рухнул как подкошенный, «СВД» еще трижды зло, ритмично ударила с фланга. Инок, невзирая на боль в левой руке, воспользовался наступившим замешательством, полоснув несколькими

очередями по дырам в стенах, через которые секунду назад по нему вели ураганный огонь «псы войны». На секунду все стихло, лишь под стеной приземистого строения дико, взахлеб кричал раненый боевик.

Инок чувствовал, что сознание вот-вот покинет его.

«Сейчас они ворвутся сюда…»

Левая рука едва слушалась, но он все же сумел откупорить крышку контейнера для артефактов. Зеленовато-призрачный свет черной души осветил исковерканные металлоконструкции, рухнувшие воздуховоды, изрешеченные пулями, зияющие дырами стены. Артефакт мгновенно воспарил, покачиваясь в воздухе, Инок прикладом автомата толкнул его в направлении пролома, образовавшегося на месте двери, здоровой рукой выхватил «стечкин» и, дождавшись, когда призрачный свет коснется ворвавшихся внутрь фигур наемников, произвел единственный выстрел, вложив в него остаток сил.

Черная душа, пробитая пулей, взорвалась, будто световая граната: изумрудное сияние полыхнуло с такой силой, что все предметы отбросили длинные тени. Застигнутые врасплох, невольно столпившиеся в проломе бойцы роняли оружие, инстинктивно закрывая руками лица, и тут же падали: из тьмы вновь начала бить беспощадная «СВД», на этот раз уже не оставляя никаких шансов на бегство или спасение.

Инок не видел, как упал последний из наемников. Вложив все силы в последний выстрел, он потерял сознание за доли секунд до роковой активации черной души.

* * *

Сознание вернулось к нему холодным, отрешенным спокойствием. Мир отдалился и выцвел. Подле него, опустившись на колени, застыла неподвижная фигура монолитовского снайпера.

Холод отрешенности сменился потрясением узнавания.

– Адепт?!

Тот посмотрел в глаза Иноку, кивнул и произнес:

– Извини. Я едва не опоздал.

В рассудке сталкера все смешалось в этот миг. Он ничего не понимал.

– Как ты вообще оказался тут?

– Илья послал меня вслед за вами. Ему не понравился Штопор, – пояснил бывший монолитовский снайпер. – Инок, ты должен найти силы и встать. Я плохо владею собой. Мы должны спуститься под землю, в убежище. Я ощущаю зов и начинаю поддаваться ему… Я не хочу возвращения прошлого существования… – Голос Адепта звучал все

глуше. – Помоги мне… Прошу…

Встать с груды битого кирпича стоило Иноку неимоверного усилия воли.

Зона играла людьми и судьбами, жестоко забавляясь, сплетая немыслимые узлы парадоксальных ситуаций. Если сейчас не помочь Адепту, он вновь попадет в полную зависимость от непонятной силы.

Как? Как сохранить его восстановленный по крохам рассудок?

Внезапно вспомнился образ Отшельника.

«Ржавые волосы!» – осенило Инока. Вот только где их взять? Не бежать же в самом деле до Черного Леса?

Зачем до леса? Вокруг полно мертвых деревьев!

Выбравшись из полуразрушенного здания, он прислушался к звукам разгорающегося на окраине Припяти боя, затем, преодолевая боль и непомерную усталость, направился через обугленный, а местами и вовсе выгоревший кустарник к ближайшей группе деревьев.

На фоне темного неба высились постройки атомной станции. Оттуда исходил слабый, зловещий, неживой свет, вызывающий непроизвольную дрожь, но в данный момент сияние бледных блуждающих огней, из которых как раз и состояло мистическое зарево, давало Иноку возможность, не включая фонарика, отыскать колонии ржавых волос, свисающих с ветвей погибших деревьев.

Перчатки предохранили его от ожогов. Инок с трудом оторвал несколько длинных косм и, не теряя времени, направился назад.

Тела наемников, распластавшиеся подле входа, он обошел стороной, затем вдруг услышал слабый стон, но все же не свернул, прошел мимо.

Адепт сидел на прежнем месте. «СВД», выпавшая из рук снайпера, валялась на груде битого кирпича.

Инок спустился по опасно накрененным металлическим конструкциям. Там, где космы ржавых волос касались не защищенного краской металла, тут же, прямо на глазах, проступали пятна коррозии.

– Адепт!

Снайпер не ответил. Он сидел, монотонно раскачиваясь из стороны в сторону, его губы беззвучно шевелились, но лицо не несло печати умиротворения. Он сопротивлялся, но долго так продолжаться не могло. Непонятная сила, удерживающая под контролем бойцов секты, по всей видимости действовала избирательно. Неужели загадочный «Монолит» помнит Адепта и знает, как вернуть заблудшего бойца в лоно страшной, непонятной, жестокой секты, защищающей центр Зоны от любых посягательств извне?

Мысли не мешали Иноку действовать. Сняв свой боевой шлем, он надел его на голову Адепта, испытывая при этом смешанные чувства. Опыт сталкера подсказывал, что бывшего монолитовца следует опасаться, но Инок сейчас не прислушивался к холодному голосу рассудка.

Он познал иную сторону жестокой реальности Зоны.

Адепт, к которому постепенно, на протяжении двух последних лет, по крохам возвращался рассудок, не мог не понимать, как сильно рискует, приближаясь к Припяти и АЭС. И, тем не менее, он вошел в город. Рискнул, чтобы попытаться спасти *друга*.

Вот против чего Зона практически бессильна. Ей не совладать с теми, кто жертвует, рискует собой ради других.

Застегнув крепления металлокомпозитного шлема, Инок обернул его ворсистыми, колючими нитями ржавых волос.

На немедленный эффект он не рассчитывал. Если Отшельник не ошибался, рассказывая о свойствах нового вида растений, то воздействие на разум Адепта уже прекратилось, но ему необходимо дать хотя бы немного времени, чтобы он смог придти в себя.

Инок едва держался на ногах. Рана кровоточила, пуля, застрявшая в мышце левой руки, причиняла резкую боль, практически парализующую любое движение. Единственную душу он отдал Логисту, ресурс автоматической аптечки израсходован, но если он не выдержит, потеряет сознание, то им уже никогда не выбраться отсюда.

Оставалось последнее средство. Боевые стимуляторы, разработанные профессором Сахаровым.

Спустившись еще ниже, Инок пролез в укрытие. Логист лежал в той же позе, в которой он оставил его четверть часа назад. Душа, прижатая к ране, медленно пульсировала, глаза сталкера были плотно закрыты, но на щеках, поверх смертельной бледности, уже проступил легкий лихорадочный румянец.

Выдержит ли?

Инок надеялся, что выдержит.

Ему вдруг как-то разом вспомнилось все – события двух суток, спрессованные в целую жизнь…

…Он вздрогнул, с усилием возвращая себе ощущение реальности. Снова, как и тогда, в момент внезапного выброса, казалось, что в глубочайшей, окутавшей сознание тишине слышится невнятный шепот миллионов голосов.

Он сорвал колпачок со шприц-тюбика, вогнал иглу в район раны, где пуля пробила бронекостюм, поморщился от режущей вспышки боли.

Через некоторое время сознание начало проясняться.

* * *

Вернувшись в помещение воздухообменника, Инок подошел к Адепту, сделал ему инъекцию боевого стимулятора, оставив в запасе две последние пластиковые капсулы с препаратом.

– Ты как?

Адепт осоловело посмотрел на сталкера, словно только что проснулся, вынырнул из омута кошмарных грез.

– Что ты сделал? – Его голос прозвучал едва слышно.

– Долго объяснять. Ржавые волосы блокируют воздействующее на тебя излучение. Не трогай их и будь осторожен.

Адепт медленно, с усилием поднялся с груды битого кирпича.

– Что дальше? – сипло спросил он.

– Спустись вниз, там увидишь тело сталкера. Вытаскивай его на улицу.

Адепт, не задавая лишних вопросов, подобрал «СВД» и стал спускаться в указанном Иноком направлении. Сталкер же тем временем поднялся наверх, обошел приземистую постройку в поисках раненого наемника.

Тот лежал подле обгоревшего куста. Несколько осколочных ранений уже не кровоточили. Наемник находился в сознании, но не мог пошевелиться из-за парализующей мышцы боли и слабости, вызванной обильной кровопотерей.

Инок присел возле него. Наемник мучительно скосил глаза. В них читалась смертельная тоска.

– Я не стану тебя добивать, – произнес Инок, поймав полный невыносимой муки взгляд. – Я даже готов оказать тебе посильную помощь. Без нее ты просто истечешь кровью. А так еще есть шанс, что отлежишься.

– Что… хочешь… взамен?.. – слабым голосом прошептал тот.

– Информацию, – ответил Инок. Взявшись за лямки разгрузки, он оттащил наемника вглубь зарослей кустарника на безопасное, по его мнению, расстояние от постройки, которую в ближайшие минуты ждало окончательное разрушение. Отыскав среди экипировки наемника набор препаратов первой помощи, он сделал ему обезболивающую и противошоковую инъекции. Дождавшись, пока взгляд бойца немного прояснится, Инок, не испытывая иллюзий относительно вероятной формы благодарности, достал «АПС» и приставил ствол пистолета ко лбу боевика.

– Ответишь честно – стрелять не буду. Мне твоя жизнь не нужна.

Только думай быстро, нет времени.

Тот кивнул, соглашаясь с выдвинутыми условиями.

– Кто вас нанял? Что за документы вы пытались забрать у Логиста? Почему не побоялись идти в Припять? Были ли еще задания, кроме изъятия информации?

Наемник некоторое время молчал, собираясь с мыслями, затем, стараясь не смотреть в глаза Иноку, ответил, уже более связно – сказывалось начавшееся действие противошоковой инъекции:

– По заказчику… вопрос не ко мне…

Инок и не ожидал ничего другого.

– Ладно. Пока оставим эту тему. Говори о том, что знаешь.

– Главная задача группы – изъять электронный блок… находящий в специально оборудованном помещении… ядерного убежища… Там что-то вроде… компьютерного… центра…

– Что за блок? Где расположено помещение?

– Помещение… оборудовано несколько лет… назад… Я принимал участие… в доставке аппаратуры… Главный компонент… похож на маленький… серебристый кейс… Акция должна была пройти… два года назад… – Наемник замолчал, переводя дыхание.

– Дальше! – потребовал Инок.

– Я слышал, что группа… контролировавшая комплекс… внезапно напоролась на сталкеров… Все наши погибли… Компонент исчез…

– Что изменилось с тех пор?

– Его нашли…

– Кого?

– Сталкера, укравшего главный блок… Заставили вернуться в Зону… Комплекс заработал несколько часов назад… Нас срочно перебросили вертолетом…

«Штопор!» – мгновенно догадался Инок. Вот зачем он вернулся в Зону и так рвался в расположенные под Припятью подземелья!

Тревога за Гурона вспыхнула с новой силой.

– Логист? Чем он вам помешал?

– Им занималась… другая группа… Нас перенацелили в последний момент… Мы должны были… убить его… Я слышал разговор… командира группы с другим наемником… Тот сказал: «Ученый с „Янтаря“ добрался до лабораторий… и что-то узнал…»

– О каких лабораториях шла речь?

– Точно не знаю… Старые… Расположены где-то тут, под землей…

– Еще один вопрос. – Инок видел, что наемник вновь теряет

сознание. – Что в кейсе? Зачем понадобилось монтировать под Припятью кибернетический комплекс?

– Я не в курсе… Слышал, что комплекс управляется со спутника… И еще… Наш командир… проговорился… В кейсе… власть… над… Монолитом…

Инок побледнел.

Наемнику нет никакого смысла лгать. Он спасает свою жизнь.

– Как проникнуть в комплекс?!

– Люк… Шахта вентиляции… Но его заперли… Изнутри… Больше… ничего… не знаю… – Наемник вдруг захрипел, его голова безвольно откинулась.

Инок коснулся его шеи, нашел пульсирую жилку. Жив. Просто потерял сознание.

Обыскав боевика, он изъял у него несколько брусков пластичной взрывчатки и детонаторы. Положил ему на грудь раскрытую аптечку.

– Повезет – выживешь.

Вернувшись к дыре, зияющей на месте входа в помещение воздухообменника, Инок застал там Адепта, вытащившего на поверхность бессознательное тело Логиста.

– Оттащи его подальше. Я взрываю люк вентиляционной шахты.

Адепт лишь молча кивнул в ответ.

* * *

Гурон то терял сознание, то вновь приходил в себя.

Он утратил ощущение времени. Разорванная периодами беспамятства реальность стала рыхлой, бессвязной. Цифры, притаившиеся в углу экрана ПДА, упрямо свидетельствовали, что прошло всего лишь десять часов с того момента, как внезапное обрушение перекрытия тоннеля разделило их с Иноком, но Гурон уже не верил показаниям прибора.

Он погружался в ирреальный мир полубредовых грез, лишь на короткие промежутки начиная вновь воспринимать данность.

Очередной раз он пришел в себя от оглушительного взрыва, заставившего вздрогнуть мощное перекрытие ядерного убежища. В небольшом, набитом электронной аппаратурой помещении раздался лязг, что-то с грохотом рухнуло в вертикальную вентиляционную шахту, раздавив кресло, видневшееся за приоткрытой бронированной дверью.

Гурон взглянул на экран ПДА и в очередной раз не поверил своим глазам. Маркер Инока двигался, словно тот спускался по вертикальному стволу магистрального воздуховода.

Через пару минут кто-то спрыгнул в отсек, Гурон с усилием поднял автомат, руки не слушались, ствол уводило в сторону, но он продолжал целиться, пока вдруг не услышал голос Инока:

– Адепт, осторожнее. Некоторые скобы шатаются. Спускайся. Я пошел искать Гурона!

Инок…

Сознание вновь начало гаснуть.

* * *

В очередной раз Гурон пришел в себя от ощущения пристального взгляда. Когда рассеялась багряная муть, он увидел, что рядом с ним, прислонившись спиной к стене, сидит монолитовец.

Внешне тот был похож на лешего из страшных детских сказок. Экипировка измазана в грязи, местами порвана, на голове – треснувший боевой шлем, поверх которого накручены космы ржавых волос…

Рука Гурона непроизвольно потянулась к оружию, но нашла лишь пустоту.

Монолитовец, заметив движение, повернул голову, в остальном не поменяв позы. Несколько секунд он пристально смотрел на пришедшего в сознание сталкера, затем произнес:

– Спокойно. Я Адепт. Помнишь холм на Кордоне?

Гурон с трудом сфокусировал взгляд на лице бывшего монолитовского снайпера, затем, действительно узнав его, с усилием кивнул:

– Помню… Где Инок?..

– Полез наверх. Решил на всякий случай заминировать шахту. В Припять вошли военные. Ты лежи, сейчас он вернется.

Гурон обессилено затих. Сил почти не осталось. Он даже не хотел думать о том, что будет дальше.

Через несколько минут в обманчивой тишине подземелья послышался шум, затем раздались шаги. Инок появился из полуоткрытых дверей, присел рядом с Адептом, взглянув на Гурона и Логиста.

– Как?

Адепт пожал плечами.

– Пока трудно сказать. Гурон только что приходил в себя. Спросил о тебе, потом опять отключился. Ты отдохнул бы, Инок. Я подежурю.

Сон. Несбыточная мечта последних суток.

Инок прислонился спиной к стене, прикрыл глаза, но не сумел даже задремать. Адское стимулирующее зелье профессора Сахарова не давало

расслабиться – стоило только отключить внимание от физических усилий и контроля окружающей обстановки, как тут же навалилось сонмище требующих ответа или анализа мыслей.

Глубоко вздохнув, Инок открыл глаза.

– В небе – ранние предвестники выброса, – сказал он, доставая из подсумка документы, переданные ему Логистом.

– Здесь нам ничего не грозит, – откликнулся Адепт.

«Странный он все же, – подумалось Иноку. – Сколько лет его знаю, а все не привыкну к ледяному хладнокровию бывшего монолитовца…»

Чувствуя, что уснуть не удастся, он развернул бумаги. В тонкой папке оказалась нарисованная от руки план-схема.

«Да это же подробная, хотя и самодельная карта подземной базы! – внезапно понял Инок, рассматривая изображение. – Вот тоннель, вот ответвления, а это что?» – Он обратил внимание на обведенные карандашом участки, где на фоне магистральных коммуникаций бункерной зоны были схематично набросаны планы множества помещений.

Несколько скупых поясняющих надписей были нанесены недавно, об этом свидетельствовали еще не выцветшие чернила шариковой авторучки. Обведенные карандашом сектора основного тоннеля и некоторых его боковых ответвлений явно совпадали с позднейшими усовершенствованиями подземных коммуникаций – Инок пришел к такому выводу, узнав на карте те самые лаборатории, которые он посетил лично.

Очерченных зон было четыре. Одна – в боковом ответвлении, за массивными металлическими воротами, куда как раз заходил Инок. Поясняющая надпись, нанесенная авторучкой, гласила: «Лаб. генет. вирус. модификат.». Вторая очерченная карандашом зона располагалась в бункерах под Радаром, рядом с ней стояла пометка, сделанная торопливым, неразборчивым почерком: «исслед. пси-энергий. Объект „Выжигатель“. От поясняющей надписи тянулась неровная черта к сектору, расположенному в основном тоннеле, непосредственно который граничил с ядерным убежищем Припяти. Неровная строка возле нее носила предположительный характер: „Лаб. физич. явлений?“. Линия на этом не обрывалась, она пересекала убежище и указывала на подземный уровень АЭС. Рядом опять предположительный маркер со знаком вопроса: „Второй компонент?“. Последний, четвертый сектор находился у самого края карты, в конце изгибающегося ответвления тоннеля. Подле него стояла пометка: „Уточнено: Вспомогательный приемник-ретранслятор пси-энергии“.

Судя по всему, поясняющие надписи наносил не кто иной, как Логист. Выходит, он успел побывать в разгромленных биологических

лабораториях, в подземельях «Чернобыля-2» и у таинственного приемника-ретранслятора, по всей видимости расположенного где-то в окрестностях озера Янтарь? Иного объяснения Инок не находил.

Непонятно, что подразумевается под термином «второй компонент» и почему его и Выжигатель соединяет линия?

Не найдя вразумительного ответа на массу возникших вопросов и подозрений, Инок временно отложил карту подземелий и взял в руки пробитую пулей, испачканную кровью Логиста тетрадь. Открыв ее, он увидел записи, сделанные карандашом. Почерк не совпадал с тем, которым были нанесены пометки на карте. Страницы тетради пожелтели, никаких заголовков или персональных данных Инок не заметил. Текст начинался с даты, без указания года:

18 октября.

…Около полуночи нас – группу ученых, захваченных либо завербованных в разное время и в разных уголках планеты, – привезли на некий перевалочный пункт. Путь был долгим. Со всеми обращаются одинаково. И с теми, кто работает за деньги, и с теми, кто запуган, у кого в заложниках остались семьи.

Мне страшно. Слишком тонок оказался налет цивилизованности. Сначала нас, каждого по отдельности, довели до животного состояния постоянными угрозами, публичными пытками и издевательствами. Кто-то не сумел вынести физической боли, иные, поначалу храбрившиеся, рассуждавшие о собственной значимости в научном мире, о спецслужбах, которые непременно вызволят их, сломались, потеряли надежду.

В Центральной Африке, на территории временного перевалочного пункта, где мы впервые увидели друг друга, многие воспряли духом. После длительного периода изоляции каждый почувствовал себя много лучше: нам, сломленным поодиночке, грезилось, что вместе мы сумеем придумать способ бежать или хотя бы дать знать о бедственном положении, в котором оказались.

Лагерь охраняют наемники. Они совершенно нелюдимы, но подчинены жестокой дисциплине. За любое нарушение – смерть.

Смотрю на них и думаю: наши правительства могли бы проводить иную политику. Вместо того чтобы вести мир к развалу и хаосу, тратить миллиарды на политические интриги и явные авантюры, следовало бы позаботиться об общем уровне благосостояния и образованности народов, населяющих Землю.

После того, что со мной сделали, подобные мысли не кажутся

наивными. Бессмысленные издевательства, которым я подвергся, не только уничтожили мою волю, но и стерли многие иллюзии. Мы обречены. Мир обречен. Не знаю, какие цели ставят перед собой захватившие нас нелюди, но они чувствуют себя абсолютными хозяевами ситуации. Пользуясь техническими достижениями цивилизации, они плевать хотели на любой из законов цивилизованного мира. Мне страшно. Грубая, звериная сила ломает тонкие перегородки сознания, уничтожает иллюзии, порождая стойкое чувство безысходности.

Я спрашиваю себя: почему и как это стало возможным?

Ответ прост и плавает на поверхности: полвека политики двойных стандартов и откровенного двурушничества породили иллюзию безнаказанности у многих группировок, действовавших под крылом правительств ряда стран. Мы сами вскормили новый штамм чумы. Чумы моральной. Особенно четко это видно отсюда – с самого дна бездны, куда пришлось упасть.

25 октября.

Веду дневник.

Мой прошлый ужас – ничто по сравнению с только что пережитым.

Наш план побега раскрыт. Оказывается, среди нас находились провокаторы. Всех выгнали из бараков, построили на пыльном плацу, затем совершенно озверевшие наемники по приказу бледного сухощавого «джентльмена» европейской наружности выгнали из строя каждого пятого.

Их расстреляли на наших глазах.

Мои руки дрожат. Я едва удерживаю в пальцах огрызок карандаша.

Их убивали без всякой жалости, зверски, с наслаждением. Тела так и остались валяться в пыли, через минуту над ними уже роились мухи.

Я больше не вынесу постоянного морального давления, изнуряющего страха. Единственная форма протеста, на которую я оказался способен, – эти записи. Если их найдут, меня непременно убьют. Становится жутко, порой стыжусь самого себя. Нет сил, чтобы достойно умереть, бросившись на охранника, – слишком велика терзающая рассудок жажда жить. Не понимаю, зачем им понадобился генетик? Всю свою жизнь я посвятил разработке генномодифицированных растений, только приступил к опытам над животными, прививая представителям редких, исчезающих видов некоторые не присущие им качества, которые должны были помочь им выжить в условиях стремительно изменяющейся биосферы Земли.

Мое сопротивление окончательно сломлено. Вот уже год, как продолжается непрерывный кошмар. Надежды больше нет.

14 ноября (приблизительно)

Нас куда-то везут. Транспортируют в грязном трюме старого, дышащего на ладан судна.

Условия нечеловеческие. Постоянная качка сводит с ума.

Непрерывные мучения наводят на мысль о самоистязании. Сколько лишений способен выдержать человек? Где та грань, за которой исчезнет страх, перестанет теплиться надежда на мифическое спасение?

Среди запертых в напоминающем выгребную яму трюме не вижу многих знакомых лиц. Постепенно приходит понимание: там, в лагере, нас фильтровали. Видимо, количество специалистов из разных областей знания было изначально избыточным. В процессе отсева уничтожали наиболее сильных духом, в назидание слабым.

Беспроигрышная тактика.

Никто уже не помышляет о сопротивлении. Многие впали в совершенную депрессию. Казалось бы, если наши мучители собираются использовать пленников для проведения научных разработок либо постановки экспериментов, нельзя доводить нас до состояния полнейшей апатии, безразличия к собственной судьбе.

Боюсь, что по прибытии к нам применят запрещенные препараты.

Только бы не наркотики.

Декабрь.

Наши мучения завершились.

Корабль достиг порта назначения. Где мы и куда нас станут переправлять дальше – абсолютная загадка. В трюм спустили пожарные шланги, нас раздели догола, отобрали одежду, превратившуюся в лохмотья, бросили куски мыла и включили воду, приказав привести себя в порядок.

После мытья несколько наемников выступили в роли парикмахеров. Нас обрили наголо, опять обращаясь, будто с животными.

Постепенно начинаю привыкать к состоянию существования. Вся прошлая жизнь превратилась в сон, она – бред воспаленного сознания.

Тюки с одеждой ждали нас на палубе.

Каждый выбирал себе вещи сам. Дул пронизывающий, холодный ветер, так что никого не пришлось понукать.

Одежда чистая, ношенная, но добротная. Я попытался посчитать,

сколько нас осталось. Вышло, что около сотни человек.

Сознание, отрезвленное ледяным ветром, снова заработало, выходя из состояния гибельной дремы.

Пытаюсь заговорить с другими, выяснить хоть что-нибудь. Информация весьма скудная и абсолютно безрадостная. Ходит упорный слух, что нас привезли в одну из стран бывшего Советского Союза. Я слышал несколько раз прозвучавшее мнение, что наш плен и все пережитые издевательства – происки КГБ.

Последнее показалось мне сомнительным. Каждый из нас тешит себя иллюзией о собственной гениальности, но если взглянуть здраво и беспристрастно, мы не более чем специалисты средней руки. Гениев среди нас нет. Хорошие исполнители с высоким уровнем узкоспециализированной подготовки, способные подхватить и успешно развить определенную идею. Не более того. Учитывая научный потенциал, рассеянный вихрем перестройки и лихолетьем девяностых по всему постсоветскому пространству, я прихожу к выводу, что мы-то точно не нужны местным спецслужбам.

Страшно подумать, но единственный плюс всех без исключения стран региона – практически полное безвластие. Здесь легко спрятать следы любой авантюры.

Скоро новый, 2000 год. Наступает миллениум. Неужели и правда грядет предсказанный конец света?

25 декабря (точно).

Нас посадили в автобусы.

Наемники не прячут оружия. Дорога, сначала асфальтированная, теперь напоминает проселок. Мы молча смотрим в окна. За ними унылые, серые пейзажи. Зима без снега. Мимо проплывают убогие деревушки.

На какое-то время меня сморило в сон.

Проснулся от ощущения тряски. За окнами автобуса в сумерках виден страшный, холодящий душу, ирреальный пейзаж: мертвый, покинутый людьми город. Наша колонна медленно движется по одной из улиц. Моего знания русского хватает, чтобы разобрать буквы на одной из вывесок.

Улица Героев Сталинграда.

С неба, медленно кружа, срываются редкие снежинки. Грязь замерзла, превратившись в ухабы. Я смотрю по сторонам и везде вижу признаки внезапно остановившейся жизни, словно на окно кто-то проецирует похожие друг на друга черно-белые фотографии: мрачные

дома с погашенным светом в окнах, не работающие уличные фонари, уже порядком проржавевшие автомобили со спущенными колесами, витрины магазинов, за которыми в свете автобусных фар видны полупустые прилавки с остатками товара, детские площадки, припорошенные снегом, скрипящие на ветру качели, забытая кем-то в песочнице кукла…

Автобус поднимается на взгорок. У горизонта смутно очерчиваются контуры каких-то фундаментальных построек.

Мой сосед, специалист в области кибернетики, внезапно наклоняется и шепчет мне на ухо:

– Это Чернобыльская АЭС. Я посещал ее еще до аварии. Мы сейчас движемся через Припять – мертвый, покинутый город энергетиков.

Его шепот обжигает.

Автобусы внезапно сворачивают и вдруг…

Мы едем по наклонному пандусу, ведущему под землю.

Меня охватывает липкий ужас.

Безвременье…

Я не знаю, сколько прошло месяцев или лет с тех пор, как нас привезли в старый, построенный еще в советские времена подземный ракетный комплекс. Бункерная зона, протянувшаяся на многие километры, стала узилищем для разума и тела, но я уже потерял счет времени и больше ни на что не надеюсь.

Мои надежды на спасение или побег истаяли по мере того, как стал ясен смысл проводимых тут экспериментов.

Те, кто нас захватил и держит под землей, ненавидят Человечество, презирают цивилизацию, вскормившую их. Они готовят апокалипсис. Виды разрабатываемого тут оружия превосходят самые бредовые и фантастичные идеи. Нас действительно используют как прилежных ремесленников. Каждому дан узкий фронт работ. Теперь я знаю, что занимаюсь развитием чужих идей, исследований, остановленных где-то на грани фола.

Генетические изменения, вносимые создаваемыми в лабораториях вирусами, не пощадят никого. Они служат для тотального уничтожения противника, но прежде чем погибнуть, люди и некоторые виды домашних животных, под которых конструируются штаммы генетических вирусов, будут наделены неординарными способностями и послужат оружием. Мир погибнет либо неузнаваемо изменится. Взять, к примеру, собак. Здесь, в подземельях бункерной зоны, уже доведены до стадии боевой готовности два вида вирусов, изменяющих сенсорику «друзей человека», наделяющих

собак необыкновенной живучестью и гипертрофированной яростью. Псевдособаки из-за вносимых изменений в структуру мозга проявляют способности ментального воздействия на низший подвид – так называемых слепых псов. Они могут управлять ими.

Мне уже не страшно.

Я стал соучастником не просто преступления, а подготовки массового геноцида человечества. Не понимаю, на что рассчитывают те, кто стоит за экспериментами. Неужели они настолько глупы или безумны, что надеются выжить? В других лабораториях я видел страшных существ, созданных на основе людей. Самое жуткое порождение экспериментов – это контролеры. Они способны влиять на психику других мутантов, собирая их в боевые группы.

Это БЕЗУМИЕ в его самом ужасающем и циничном виде.

Безвременье.

Недавно я получал реактивы со склада. В нескольких километрах от биологических лабораторий, оказывается, расположен сектор для физиков. Там я встретил старика. Он показался мне смутно знакомым, а когда мы перебросились с ним парой фраз, я с ужасом узнал молодого и несомненного талантливого ученого, которого встречал в той, прошлой жизни на одной из конференций, посвященной проблемам синергетики и формирования смежных отраслей знания, существующих на стыке различных наук. Он, похоже, не вспомнил меня. У него не осталось личности. Лишь жутковатый фанатизм исследователя. Он говорит неразборчиво, часто и невпопад сыплет непонятными терминами. Удивительно, как у меня хватило смелости и терпения общаться с ним.

Самое жуткое – я сумел понять, что он практически завершил работу над установкой, которая подавляет личность человека. Остаются лишь примитивные рефлексы. Он утверждает, что при помощи другого устройства, разработкой которого занимаются «смежники», вражеских солдат, чей разум будет подавлен, можно контролировать – правда, пока в радиусе десятка километров, не более. Они становятся послушны, но не воле человека или контролера. Они подпадают под воздействие второго излучателя, управляемого кибернетической системой.

Безвременье…

Я уже ничего не боюсь. Моя жизнь завершилась. Я умер морально, и физические страдания более не пугают.

Вспоминается мертвый город, через который мы ехали когда-то. Неужели вся Земля превратится в огромное кладбище, где будут царить

мутанты и руководимая кибернетическими комплексами нежить?

Я страдал, боялся, цеплялся за жизнь, извивался, как червяк. Теперь я умер. Мое последнее желание – сделать хоть что-то, предотвращающее грядущую катастрофу.

Пока не завершены все исследования, пока штаммы генетических вирусов не доведены до той степени стабильности, чтобы их можно было пустить в ход, рассчитывая на стопроцентный результат, пока еще не прошел последние испытания Выжигатель и его таинственный компонент, управляющий поведением людей, лишившихся собственного рассудка, я должен что-то сделать.

Я не смог достойно жить, но, наконец, нашел в себе силы умереть.

Выпускаю всех находящихся в лаборатории псевдособак и слепых псов. Возможно, смогу добраться до соседнего сектора и освободить нескольких контролеров.

Я слышал, что район зоны отчуждения вокруг Чернобыльской АЭС контролируется изоляционными силами одного из государств. Надеюсь, они не состоят в сговоре со стерегущими нас наемниками и их хозяевами. Собаки и раньше вырывались из клеток – поначалу никто особо не всполошится, а когда наемники поймут масштабы случившегося, будет поздно.

Надеюсь...

Инок перевернул последнюю страницу тетради. Сказать, что он был потрясен, – значит, не сказать ничего.

Мистический ореол, да и само восприятие Зоны как некоего единого, труднообъяснимого явления рухнул, рассыпаясь на отдельные, жуткие фрагменты человеческих поступков и их последствий.

Невольно вспомнился рассказ Бармена о том, что мутанты в Зоне Отчуждения появились задолго до Первого выброса, и его слова, оброненные вскользь: «Так что прав ты, Инок, никаких планетян не было. Людишки все…» Инок встал, не в силах сидеть на одном месте. В мыслях царил хаос. Как же так? Ну, допустим, мутанты – следствие экспериментов по созданию генетического оружия, Выжигатель – чудовищная разработка психотронного генератора, но все остальное?! Выбросы, аномалии, непонятная энергия, способная изменять физические процессы?..

Адепт, заметив или даже скорее почувствовав состояние Инока, повернул голову и спросил:

– Что случилось?

– На. – Инок дал ему тетрадь. – Прочти.

Его взгляд упал на карту. Маркер, нанесенный на схему подземных уровней АЭС и обозначенный как «второй компонент», располагался не далее чем в километре от ядерного убежища.

– Адепт, ты знаешь, где расположен Монолит?

Тот обернулся, посмотрел на карту и уверенно указал на таинственный маркер:

– Вот тут. Только почему его неправильно обозначили? Так бы и написали – Исполнитель Желаний.

У Инока перехватило дыхание от внезапной догадки.

Нет. Прежде чем идти туда, нужно привести в чувство Логиста и узнать: что стало известно ему?

Глава 8 Ноосфера

Бомбоубежище Припяти. Двумя часами позже

Открыв глаза, Логист некоторое время лежал неподвижно, не понимая, где находится.

Тишина пугала. Последнее, что он запомнил, был грохот автоматных выстрелов и дикая, нестерпимая, гасящая сознание боль в груди. Еще запомнилось чувство отчаянья, внезапной беспомощности – он хотел вдохнуть, но не мог, лишь кровавая пена пузырилась на губах.

А сейчас?

«Дышу…»

Противоречивые чувства раздирали рассудок. Хотелось закричать, почувствовать, что жив, но липкий страх внезапно вернулся, ударил жаркой испариной: а вдруг рядом затаились наемники? Почему что-то давит на грудь? Куда подевалась боль?

Взгляд, устремленный вверх, уперся в низкое, давящее шероховатое перекрытие, нависающее над головой.

«Где же я?»

По сводчатому потолку медленно скользили салатово-зеленые и сиреневые отсветы.

Не в силах выносить неопределенности, он чуть повернул голову. В нескольких метрах от него в пространстве длинного сумеречного помещения, уходя во мрак, протянулись ряды подпирающих свод неохватных бетонных колонн. Между ними затаились аномалии. Несколько пузырящихся лужиц студня да пара электр, лениво поигрывавших скользящими по поверхности колонн разрядами, как раз и являлись источниками неяркого света.

Логист не испугался, скорее испытал некоторое облегчение. Аномалии все же не самое страшное, с чем сталкиваешься в Зоне. Напротив, сейчас их вид внушил некоторое чувство защищенности: с той стороны уж точно не подберется никакая тварь…

А с другой?!

Он медленно повернул голову и едва не закричал, вздрогнув всем телом.

Вполоборота к нему сидел монолитовец!

Его экипировка, покрытая пятнами грязи, сливалась с сумраком

огромного помещения, бледное лицо с застывшими, будто навек высеченными из серого камня чертами несло неизгладимый отпечаток однажды случившихся со сталкером перемен, – он потерял свою личность, утратил индивидуальность, став одним из многих, таких же несчастных, но не осознающих случившейся с ними беды рабов Монолита.

В первый момент, потрясенный увиденным, Логист не заметил еще двух сталкеров, сидевших на полу у стены. Его парализовало страшное соседство. Если бы не это, он мог бы протянуть руку и дотронуться до монолитовца рукой.

«Он меня стережет?» – метнулась паническая мысль.

Присмотревшись к бойцу секты, Логист постепенно различил и иные детали. Что-то неправильное читалось в облике снайпера. Почему на нем обыкновенный комбинезон сталкера? Он сумасшедший? Взгляд скользнул по космам ржавых волос, закрученным поверх боевого шлема монолитовца.

Пока Логист боролся с ужасом и недоумением, тот вдруг негромко спросил:

– Ну что, Гурон, полегчало?

– Полегчало, – ответил смутно знакомый голос. – Ты не баси, Адепт, а то Инока разбудишь.

Инок? Он тут?!

Логист все же не выдержал. Открывшиеся его взгляду сцены дожали надломленную в момент смертельного ранения психику.

– Инок! – вскрикнул он.

Жуткий монолитовский снайпер резко повернулся к нему и вдруг приложил палец к губам.

– Тише ты!.. – прошипел он. – Разбудишь!

Логист уже плохо владел собой. Он бы вскочил и побежал, да тело не слушалось, мышцы стали будто ватные, отказываясь повиноваться.

– Уже разбудил, – раздался из сумрака голос Инока. Через пару секунд в призрачном свете возникла его фигура. – Ну, вот, наконец, и ты пришел в сознание. – Инок присел рядом. – Логист, ты успокойся. Здесь только друзья.

– Он тоже?

– Это Адепт. Он, между прочим, спас и тебя, и меня.

– Но он же…

– Адепт *бывший* монолитовец, – спокойно пояснил Инок. – Ты лучше скажи, как себя чувствуешь?

– Не знаю… – честно признался Логист. – Думал, что умер.

– Ага. – Гурон, поморщившись, встал, подсел поближе. – А Адепт, типа, тебя на том свете встречает? Специально ржавых волос на голову накрутил, чтобы страшнее было?

Потрескавшиеся губы Логиста невольно тронула улыбка. Жив. Теперь он точно понял, что жив!..

– Ладно. Давай я тебя осмотрю. – Инок взялся за замки защитного костюма, расстегнул их и начал осторожно снимать с Логиста экипировку.

Несколько деформированных, смятых автоматных пуль упало на сырой бетон подземелья.

– Смотри-ка, что душа вытолкнула! – удивился Гурон.

– Вытолкнуть-то вытолкнула, а вот раны кровоточат. – Инок осмотрел Логиста и добавил: – Адепт, доставай свою аптечку. Нужно раны обработать да перевязать.

– Сделаем. – Монолитовец встал, аккуратно отложил в сторону снайперскую винтовку и полез за бинтами. – Ты, Логист, только не переживай и не дергайся, ладно? – попросил он. – Будет больно – потерпи.

* * *

Через четверть часа они уже сидели возле перевернутого пластмассового ящика. Четыре банки тушенки, несколько галет из сухого пайка да фляжка с водкой, выданная Адептом, украшали импровизированный стол.

– Инок, расскажи, что случилось, после того как я… ну, отключился, в общем.

– Логист, давай нормально поедим. Иначе вообще с ног свалимся. Ты какие сутки на стимуляторах?

– Вторые или третьи. Не помню.

– Вот и мы с Гуроном вторые сутки без сна и еды.

– Опера жаль… – вздохнул Логист, принимая фляжку из рук Инока.

Он молча выпил, передал водку Адепту.

– Вы на базе «Янтарь» познакомились? – спросил Гурон.

Логист кивнул.

– Год назад. Я тогда только в Зону пришел, а он уже пару лет как на Сахарова работал.

Инок подцепил ложкой кусок тушенки.

– Сахаров… Что ты нам можешь о нем сказать? Он сам по себе или работает на кого?

– На науку. Энтузиаст. Таких, как он, редко встретишь.

– А ты? – Инок, в нарушение своего же предложения, пристально

посмотрел на него.

Логист поперхнулся.

– В смысле?

– Ты на кого работаешь?

– А если скажу, что работаю сам на себя – поверишь?

Инок кивнул.

– Поверю. Вообще-то разговор серьезный предстоит. Ты ешь.

Логист голода не испытывал. Потребность в пище притупилась еще сутки назад. Вот и сейчас, насилу проглотив несколько кусков тушенки, он отодвинул полупустую банку.

– Записи в тетради прочел? – спросил он.

– Прочел. – Инок исподлобья взглянул на Логиста. – Мы все прочли. И карту посмотрели. И еще много чего накопали. – Он кивнул в сторону приоткрытой бронированной двери. – Давай так: ты излагаешь нам свою версию, а мы ее дополним. В той части, где у тебя знаки вопроса стоят. Идет?

– Идет, – согласился Логист. – Мне все равно одному этой правды не вынести. Слишком тяжело…

– Ты сейчас о чем? – Гурон сделал глоток из фляги и передал ее Иноку.

– О своих исследованиях. И тех результатах, что удалось получить.

– Так значит, ты из ученых? – вступил в разговор Адепт.

Логист покосился на монолитовца, который, несмотря на поручительство Инока, по-прежнему внушал ему оторопь, но все же ответил:

– В Зоне нет ученых. Тут каждый невольно становится сталкером. Я попал к Сахарову по рекомендации, но его исследования – не мой профиль. – Он устроился поудобнее, понимая, что разговор действительно будет долгим. – Я быстро понял, что сидеть в стенах лаборатории не по мне, – продолжил он. – Попросил перевести меня на полевую работу. Сахаров согласился, даже с радостью. На базе «Янтарь» постоянный дефицит специалистов, готовых рисковать ради получения новых данных. Ко мне в качестве проводника и охранника прикрепили Опера. Мы с ним быстро подружились. Он получал приличные деньги от профессора, я же наконец смог продолжить исследования, ради которых, собственно, и решился прийти сюда, в Зону.

– Насколько я понимаю, ты не биолог? – уточнил Инок.

– По образованию я физик, – ответил Логист. – После института работал в одной большой и успешной корпорации.

– А в Зону зачем подался? – спросил Гурон.

– На работе случились неприятности. Техническую сторону появившихся проблем объяснять долго. Я не сумел справиться с возникшими трудностями, и в результате едва не закрылся один очень прибыльный коммерческий проект. Меня уволили, но не в этом суть. Я по инерции продолжал искать причину непонятных перебоев со связью, поставивших крест на моей успешно начинавшейся карьере. В итоге я заинтересовался учением Вернадского о ноосфере Земли, что в конечном итоге и привело меня сюда – в Зону Отчуждения.

– Ноосфера… – Гурон исподлобья взглянул на Логиста. – Я так часто в последнее время слышу это слово, но…

– Я объясню. Хотя предупреждаю, – Логист взглянул на Гурона, словно заранее приносил тому извинения, – вот так запросто понять мои слова будет трудно. Многому придется просто поверить, потому что результаты осуществленных мной в Зоне экспериментов – это в основном цифры и формулы.

– Лучше, конечно, обойтись без специальных терминов и цифр, – ответил Инок. – Излагай популярно.

– Хорошо. Я попробую, – кивнул Логист. – Сам термин «ноосфера» произошел от слияния двух греческих слов nous – разум и sphaira – шар.

– Да, я слышал подобное определение. – Во взгляде Инока промелькнула грусть, словно он вспомнил о чем-то давнем, уже утраченном. – Если мне не изменяет память, то, согласно Вернадскому, «в биосфере существует великая геологическая, быть может, космическая сила, планетное действие которой обычно не принимается во внимание в представлениях о космосе. Эта сила – есть разум человека, устремленная и организованная воля его как существа общественного…» – по памяти процитировал он.

– Разум человека? – переспросил сбитый с толку Гурон. – Что же мы – бюреры какие-то, чтоб мыслью влиять на природу?

– Мы не бюреры. – Инок помрачнел. – Но в отличие от других видов существ, живущих на Земле, человек созданными им техническими средствами с такой силой воздействует на природу, что кардинально меняет ее, а порой попросту уничтожает.

– А при чем тут Зона? – спросил Адепт, внимательно слушавший завязавшийся разговор.

– Попробую объяснить. – Логист потянулся было к фляге, но передумал пить. – Труды Вернадского послужили для меня толчком, направлением поиска. Великий мыслитель своего времени уловил главное,

но он жил в иной эпохе, и застал лишь зарождение техносферы, а не ее взрывообразное развитие.

– Техносфера?.. – Адепт старался понять смысл сказанного, но со специальной терминологией у него были определенные проблемы.

– Наша среда обитания резко изменилась за последние десятилетия, – вновь вступил в разговор Инок. – Если раньше мы говорили о биосфере – поверхности планеты, заселенной живыми организмами, – то теперь это понятие существенно расширилось. Мы живем в пространстве техносферы, созданной человеком, а природная биосфера постепенно гибнет под ее прессингом.

– При чем тут Зона? – повторил вопрос Гурон. – И вообще, попроще нельзя? – Он сделал глоток из фляги, вытер губы и взглянул на Логиста

– Нельзя. Нельзя упрощать сложное явление, уничтожая его суть.

– В Зоне все достаточно просто, – внезапно произнес Адепт. – Аномальная энергия – причина всех явлений. И не смотри так на меня, Инок. Да, я читал записи в тетради. Хорошо, пусть мутанты созданы в лабораториях. Но Выжигатель, аномалии, выбросы, воздействие Монолита – они иной природы. Я и сейчас чувствую, как *нечто* струится вокруг, что-то шепчет, пытается вновь меня изменить…

– А откуда берется аномальная энергия, ты не задумывался? – спросил Логист.

– Нет, – коротко ответил Адепт, опять замыкаясь в себе.

– Логист, давай вернемся к началу. Что за проблемы подтолкнули тебя к поискам? Ты говорил о каких-то сбоях в системе связи?

– Да. Некоторые энергии невозможно зафиксировать – не создано приборов для их регистрации. Но существуют и иные методы. Например, абстрактную силу можно определить по следам ее воздействия. Если упрощать, то человек в состоянии предположить, что в воду был брошен камень, наблюдая круги, расходящиеся после его падения, – пояснил он. – Так вот, в сферу моих обязанностей входило обеспечение круглосуточного бесперебойного доступа миллионов людей к нескольким очень популярным игровым серверам. Да, не удивляйтесь, я работал в службе технической поддержки крупной корпорации, занимающейся онлайн-играми. Сбои со связью возникали спорадически, вне зависимости от надежности канала передачи данных и количества игроков, находящихся в данный момент в пространстве виртуальной игровой вселенной. Я так и не сумел ничего сделать, но приобрел некоторый опыт, вывел ряд закономерностей. Я предположил, что одновременно с данными, проходящими через сеть, по тем же каналам передается некий вид энергии,

не регистрируемый приборами, но искажающий информационные пакеты своим воздействием. Отсюда сбои, вылеты – в общем, весь букет неприятностей. Меня высмеяли, обвинили в некомпетентности и уволили.

– И что ты сделал?

– Я начал поиск аналогий. И нашел их. Например, многочисленные сбои в блоках точной наводки «умных» боеприпасов. Они должны поражать точечные цели, спроектированы достаточно надежно, но существует множество примеров их промахов, когда разрушались здания, находившиеся за сотни километров от заданного объекта. В поисках новых и новых примеров влияния таинственной силы я, естественно, не мог проигнорировать явления, происходившие в Зоне Отчуждения, образованной вокруг Чернобыльской АЭС. И только оказавшись тут, проведя ряд экспериментов, я окончательно понял, что неуловимое глобальное воздействие, которое сталкеры называют «аномальной энергией», есть не что иное, как генерация человеческих эмоций, которую развитая техносфера передает по множеству информационных каналов, опутавших Землю, заполонивших околопланетное пространство.

Он замолчал, затем глухо продолжил:

– Собственно, я готов упрощать. Ноосфера радикально изменилась за последние десятилетия. Она трансформировалась в единое ментально-информационное поле Земли. Мы, люди, бесспорно доминирующий вид на планете. Наши мысли, особенно воплощенные в форму научных открытий и поступков, видоизменяют реальность. В начале прошлого века человечество начало формировать техносферу, которая, как правильно отметил Инок, постепенно поглощает жизненные пространства, медленно, но верно убивая все живое. Чуть позже, где-то в девяностых годах двадцатого столетия, ноосфера в свою очередь претерпела очередное изменение благодаря широкому распространению персональных компьютеров, подключенных к сети Интернет, развитию средств космической связи и телерадиокоммуникаций. С определенного времени пространство вокруг Земли переполнено информацией, но дальнейшее взрывообразное развитие технологий позволило проникнуть в единое информационное поле цивилизации существующему издревле, но новому для техносферы типу импульсов, – кроме данных, хранимых на серверах и передаваемых по различным сетям, в потоках информации появилась ментальная, эмоциональная составляющая.

– Что ты хочешь этим сказать? – поперхнулся Гурон.

– Ноосфера изменилась. Она реагирует на метальную энергию миллиардов людей, пропускает через себя все радости и невзгоды

бессчетного количества ситуаций, информация о которых попадает во всемирную сеть.

– Ты полагаешь, что ноосфера существует на базе компьютерных сетей? – усомнился Инок.

– Нет. Но она воспринимает информацию, передаваемую по коммуникационным каналам. Благодаря тому, что миллиарды людей ежеминутно общаются через сеть, разговаривают по мобильным телефонам, сидят перед экранами телевизоров, они непроизвольно встраивают свои мысли и эмоции в общее информационное поле. А теперь главное: во-первых, ноосфера уже не может существовать вне информационного поля цивилизации. Во-вторых, она еще находится в зачаточном состоянии развития собственного самосознания и не умеет отличать эмоции, вызванные ситуациями реальными, от эмоций, спровоцированных ситуациями вымышленными. Это означает лишь одно: она одинаково болезненно реагирует что на смерть человека в реальном мире, что на гибель игрока в виртуальном пространстве. А теперь давайте хотя бы попытаемся представить пропорцию добра и зла, позитивных и негативных переживаний, если соединить все происходящее в сотнях тысяч игровых вселенных, добавить сюда телевидение, радиостанции, сетевое общение, личные драмы, международные события?..

Не дождавшись комментариев, Логист продолжил:

– Ноосфера больна. Она, словно живой организм, отравлена токсинами ненависти, зла, множества иных человеческих пороков, порождающих негативный эмоциональный отклик. И как любой организм, она защищается, пытаясь вывести избыток пагубных для нее эмоций, потому что не в состоянии утилизировать все негативные ощущения, что отдают ей люди. Месть, ненависть, подлость, убийства, страх перед смертью, разоблачения, интриги, продажная любовь – я могу перечислять долго, но прошу заметить: все, я что сейчас привожу в пример, не свойственно простым, уравновешенным отношениям, царившим в живой природе до того, как человек примерил терновый венец эволюции. Ноосфера не в состоянии понять этих чувств, она больна ими, но на Земле не так много мест, куда эта негативная энергия, переполняющая информационное пространство, могла бы быть сброшена без риска причинить непоправимый вред всему живому.

Логист говорил, глядя в одну точку, словно подводил некий промежуточный итог многолетних размышлений:

– Теперь я понимаю: Зона – явление материально-психологическое. С одной стороны, она – плод проведенных тут экспериментов, породивших

мутантов и создавших установки пагубных искусственных воздействий на психику людей, а с другой – результат защитной реакции ноосферы, глобальная сублимация нежелательных, травмирующих и негативных чувств миллиардов людей в особый вид энергии, уже не несущей отпечатка индивидуальных переживаний, но способной вступать во взаимодействие с существами, объектами и физическими явлениями, воздействуя на них.

– В психологии процесс сублимации негативных переживаний рассматривают как эффективный вид защиты индивидуума от различных стрессов, – произнес Инок. – В нашем случае от стресса защищается ноосфера Земли? Выброс – защитный механизм ноосферы?

– Не совсем так. Выброс – лишь последствие. На самом деле воспринимая негативную энергию, облаченную в форму чувств, мыслей, поступков миллиардов людей, общее ментально-информационное поле Земли инстинктивно защищается, постоянно сбрасывая накопленный деструктивный потенциал, пытаясь таким образом сохранить некий, существовавший когда-то в природе, внутренний баланс. Зоной сброса излишней негативной энергии действительно являются отчужденные пространства вокруг Чернобыльской АЭС.

– Извини, Логист, я не совсем понимаю. Сброс энергии и наблюдаемые выбросы, на мой взгляд, – явления не идентичные, – подумав, заметил Инок.

– Ты прав. Путем многократных измерений мне удалось установить, что энергия, сброшенная ноосферой, не рассеивается, она концентрируется в недрах земной поверхности на глубине двух с половиной километров, где, если выражаться упрощенно, структура и химический состав локального участка материковых пород работает, как исполинский конденсатор.

– Это совпадение?

– Я пока не знаю, – покачал головой Логист. – Удалось лишь установить, что все события, происходящие на Земле, так или иначе влияют на периодичность переполнения конденсирующих слоев. Проще говоря, чем больше отрицательных эмоций получает ноосфера, тем чаще будут происходить выбросы.

– А твое личное мнение? Случайно ли точкой сброса выбрана Зона?

– Я думаю, что нет. При разряде конденсирующих слоев энергия выброса настолько сильна, что девяносто процентов накопленного потенциала уходит в космическое пространство и окончательно рассеивается в нем.

– А оставшиеся десять процентов? – хмуро уточнил Инок.

– Существует эпицентр, – ответил Логист. – Локальный участок

внутри Зоны, где сконденсированная энергия при выбросе проходит сквозь земную кору. Далее на границе двух сред происходит частичное рассеивание, утечка тех самых десяти процентов, из которых как раз и образуется вал аномальной энергии, сформированный по принципу ударной волны. Именно он влияет на людей и мутантов, нарушает естественное течение физических процессов. Но нельзя забывать: энергия выброса имеет ментальную основу, именно поэтому возникновение аномалий – очагов измененных физических явлений – чаще всего происходит там, где «ударная волна» встречает сопротивление в виде сильных человеческих эмоций.

– Выходит, мы формируем облик Зоны, а Зона в свою очередь влияет на нас? – потрясенно спросил Инок.

– Это очень сложный процесс. Но если говорить упрощенно – да. Взаимовлияние очевидно, – ответил Логист.

После его слов на некоторое время наступила тишина. Первым паузы не выдержал Гурон:

– По-твоему, выходит, что любой выброс…

– Есть квинтэссенция человеческих эмоций, накопленных ноосферой, – кивнул Логист. – Вы должны понять: в Зоне нет ничего, не созданного руками человека или человеческой мыслью!

– Вот только до тебя, Логист, это уже поняли другие, – вновь вступил в разговор долго молчавший Адепт. – Выжигатель, когда-то лишивший меня рассудка, оперировал той самой ментальной энергией, которая, по твоим словам, сбрасывается в Зону ноосферой. Не изучив ее свойств, ни один генетик не сумел бы создать существо типа контролера. И ни один кибернетик не создал бы программ управления личностью.

– Постой, Адепт, ты о чем? – Логист вздрогнул.

– О Монолите. Или, если угодно, Исполнителе Желаний.

– Ты… Ты видел его?

– Я жил под его контролем, – просто ответил Адепт. – Монолит и есть тот самый «второй компонент», о котором пишет ученый в найденном тобой дневнике.

– А… как это происходит?

– Больно… – прошептал бывший монолитовец. – Сталкеры, рвущиеся к Монолиту, не понимают одного: прежде чем их желания будут исполнены, должен погибнуть рассудок. Монолит – это боевой комплекс. В момент работы Выжигателя он считывает информацию из разума будущих бойцов секты и записывает ее. А затем… – Он глубоко вздохнул. – Затем ты начинаешь существовать в мире грез, там, где реализованы все твои

сокровенные желания. Только приходит момент, и ты просыпаешься, получая приказ убивать.

– Ты знаешь, где расположен Монолит? – Логист невольно подался вперед.

– Знаю, – ответил Адепт. – Но тебе туда не пройти.

– Жутко. – Логист поежился. – Наше счастье, что Первый выброс уничтожил всех этих уродов, не дав им довести до конца свои эксперименты.

– Не всех, – внезапно ответил Гурон.

– Не понял? – встрепенулся Инок.

– Сейчас поймешь. – Гурон встал, опираясь на автомат. – Во-первых, не нужно быть особо проницательным, чтобы понять: то самое уничтоженное Меченым «О-сознание», контролировавшее центр Зоны, – как раз и есть выжившие при первом выбросе. Они запустили установку Выжигателя, активировали Монолит, создав секту идеальных бойцов для собственной защиты. Вспомни, в 2006 году, после Первого выброса, военные пытались прорваться к АЭС, но их остановили, причем жестко. С тех пор и началась история современной Зоны с ее мифами. А во-вторых, кто-то в большом мире узнал о проводившихся тут экспериментальных разработках. Идите, я вам покажу. – Он извлек из-под кучи тряпья серебристый кейс.

* * *

В тесном помещении, до отказа забитом аппаратурой, едва хватило места для четверых сталкеров.

Гурон осторожно вставил принесенный Штопором «компонент» в предназначенное для него гнездо. Вновь, словно по мановению незримой силы, осветились два монитора, по компьютерным блокам побежали индикационные огни.

Модуль взлома сервера «Монолит» повторно инициализирован.

Попытка установки связи.

Статус – завершено.

Возобновление процесса взлома.

Статус – 87 процентов завершено.

– Прочли? – Гурон выдернул кейс из крепежного устройства, вновь саботируя работу комплекса.

– Этого нельзя допустить… – глухо произнес Логист. – Если Монолит будет взломан, а этот кейс с скопированными данными покинет пределы Зоны… – Его передернуло.

– Не покинет. – Гурон обернулся к Адепту. – Граната найдется?

Тот кивнул.

* * *

Когда смолкло эхо разрыва, в отсеке начался пожар. Едкий дым горящего пластика вытягивало наверх, через магистральный вентиляционный канал. К зеленоватому сиянию студней и фиолетовым сполохам электр добавились мечущиеся отсветы пламени, пожирающего компьютерные блоки.

Изможденные лица сталкеров говорили о наступившем пределе моральной и физической выносливости, но искорки, метавшиеся в их глазах, как будто свидетельствовали об обратном.

– Военные, наверное, уже заняли Припять. – Гурону было тяжело стоять, и он присел. – Что будем делать?

– Подведем итог. – Инок неотрывно смотрел на беснующееся в тесном отсеке пламя. – Выжигатель больше не заработает. Антенны «Чернобыля-2» разбиты ракетными ударами. Аппаратуру взлома и скопированные данные мы уничтожили. «О-сознание» тоже уже не в счет. С ним разобрался Меченый, и мы вряд ли узнаем правду, сколько их было и чем они в действительности занимались.

– Остался первоисточник. – Адепт выступил из тени в полосу света. – Боевой кибернетический комплекс «Монолит». Генератор грез, исполнитель любого желания рабов.

– Я пойду. – Гурон попытался встать.

– Вы с Логистом останетесь тут. – Инок обернулся. – У нас только два черных маятника, – пояснил он, глядя в глаза Гурону. – Мы с Адептом пойдем вдвоем.

Монолитовский снайпер мрачно кивнул.

– Идите… – Логист присел на край пластикового ящика. – Если военные захватят Монолит, то все окажется зря. Вся боль, все жертвы… – Он как будто разговаривал сам с собой.

Гурон некоторое время молчал, потом достал два маятника и протянул их Иноку.

– Мы будем ждать. Здесь.

– Логиста береги. Нам еще многое предстоит узнать о Зоне. – Инок обернулся. – Адепт, отдай им ржавые волосы. Не дай бог, контролер объявится поблизости.

– Мы справимся. – Гурону было тяжело, он не хотел отпускать Инока, но понимал, что станет лишь обузой. – Все. Не прощаемся.

Через минуту два силуэта растворились в сумеречном пространстве бомбоубежища.

– Они вернутся. – Логист схватил флягу, сделал жадный глоток, и тут же закашлялся. – Вот увидишь, Гурон. ОНИ ОБЯЗАТЕЛЬНО ВЕРНУТСЯ!

Гурон не ответил. Он неотрывно смотрел на экран ПДА, где медленно таял маркер Инока.

* * *

Бункерная зона АЭС

Адепт и Инок шли мрачными темными коридорами.

Здесь было пусто и тихо. Ни один мутант не встретился им по пути, все было тщательно вычищено патрулями бойцов «Монолита».

Несколько раз они видели промелькнувший вдали свет фонарика, но ввязываться в бой не спешили. Черные маятники надежно блокировали их рассудки, не позволяя обнаружить сталкеров на уровне сканирования ментальных энергий.

Постепенно, по мере продвижения в глубь мрачного лабиринта, стены подземелий начали передавать глухие, невнятные вибрации. Где-то наверху шел яростный бой.

Тишину, заполонившую заброшенные подземные уровни, нарушал лишь монотонный звук срывающихся капель воды, – возможно именно сейчас они шли где-то неподалеку от пруда-охладителя атомной станции, или это грунтовые воды начали просачиваться через трещины в бетонных стенах и сводах.

Адепт внезапно остановился, сделав предупреждающий жест.

В ватной тишине раздался громкий звук: скрипнула массивная дверь, затем в подземелье ворвался грохот автоматных очередей, крики, топот множества ног. Метрах в пятидесяти, дальше по коридору, из бокового прохода внезапно выскочили трое монолитовцев и тут же исчезли.

– Там лестница… – тихо произнес Адепт.

Звуки боя стремительно приближались, рассыпаясь по подземельям, то вспыхивая, то угасая.

– Далеко еще?

– Метров двадцать. Нам в правый проход. Там будет лестница.

– Давай, я прикрою.

Адепт кивнул, ринувшись вперед.

Едва он успел скрыться в боковом помещении, как в дальнем конце коридора появилась еще одна группа монолитовцев. Заметив сталкера, они

окрыли ураганный огонь.

Инок плашмя рухнул на сырой бетонный пол. Пули рикошетили от стен, нервно взвизгивая над самой головой, но уловка удалась – бойцы «Монолита», сочтя его мертвым, побежали дальше.

Он приподнял голову.

Никого.

Резко вскочив, он бросился вперед, свернул направо и вдруг увидел Адепта, схватившегося в рукопашную с другим монолитовцем.

В тесноте лестничной клетки гулко ударила короткая автоматная очередь, и противник Адепта внезапно обмяк, ослабив хватку. Снайпер, воспользовавшись моментом, перекинул его через перила.

– Наверх!

Прикрывая друг друга, они начали стремительный подъем.

Еще один боец секты внезапно выскочил им навстречу, но на этот раз застичь Адепта врасплох не удалось, – он мгновенно вскинул «СВД», произведя выстрел в упор.

Противника отбросило к стене.

Снизу в узкий зазор между лестничными маршами ударил автомат. Одна из пуль просвистела в нескольких сантиметрах от головы Инока, другая задела плечо Адепта, пробив слабенькую защиту стандартного сталкерского комбинезона. Не обращая внимания на ранение, тот лишь отпрянул к стене, жестом указывая Иноку: вверх и налево!

Еще один уровень.

Звуки ураганной перестрелки доносились теперь со всех сторон. Пол под ногами ощутимо вибрировал, будто при землетрясении.

– Куда? – Инок выглянул в очередной коридор, прошил его автоматной очередью.

Адепт молча рванулся вперед.

Несколько поворотов, опять короткий отрезок тоннеля, и они выбежали в просторный зал.

Теперь бой бушевал вокруг. Еще несколько минут, и спецназ ворвется в помещение бывшего вспомогательного поста управления.

Если бы проводником Инока был кто-то другой, то дойти до этого помещения было бы просто нереально. Адепт провел его наикратчайшим маршрутом, ни разу не сбившись с пути, при этом он умудрился обойти основные стационарные посты монолитовцев.

Теперь счет пошел на секунды.

Военные, по-видимому, приблизительно знали о месторасположении искомого бункера и рвались к нему, невзирая на яростное сопротивление

бойцов секты.

Адепт по инерции пробежал еще несколько метров и остановился. В его глазах читалась боль.

Антрацитово-черный параллелепипед, возвышающий в центре бункера, таинственно мерцал крохотными, тускло просвечивающими сквозь глянцевитую поверхность индикационными огоньками, похожими на вспыхивающие во тьме крохотные глаза потусторонних существ.

Первый порыв, толкающий к немедленному действию, внезапно иссяк.

Исполинский компьютерный комплекс.

Исполнитель Желаний. Генератор грез, дающий каждому потерявшему рассудок сталкеру абсолютное забвение.

Инок внезапно вспомнил лицо одного из снайперов секты, виденное на Радаре. Да, он действительно казался *счастливым,* – навек отрешившись от жестокого мира Зоны, он мыслями находился в иной реальности, куда тянулась его замерзшая, надломленная, однажды не выдержавшая предельно жестких испытаний душа.

С Адептом творилось что-то неладное. Он застыл, глядя на мерцающие огни, а рука уже тянулась к черному маятнику.

– Нет, Адепт! – Инок перехватил его руку. – Зона начинается и заканчивается не тут! Исполнитель Желаний не даст тебе ничего!

Бесполезно. Адепт ничего не слышал.

Инок бросил тщетные попытки вразумить напарника и, рванувшись к Монолиту, прилепил к глянцевитой поверхности два бруска пластичной взрывчатки, оставшейся еще после подрыва люка, ведущего в бомбоубежище.

– Назад! Уходим!

Адепт не шевельнулся. Сжимая в руке бесполезный теперь черный маятник, он по-прежнему стоял, будто изваяние.

Инок, собрав остаток сил, схватил его и поволок прочь.

Чудовищный взрыв грянул за спиной, рванул по коридорам, вышибая массивные двери. Автоматный огонь моментально стих, Инока и Адепта сбило с ног, осыпав мелкой бетонной крошкой.

Через некоторое время, придя в себя, монолитовский снайпер удивленно посмотрел по сторонам.

– Инок… – Он как будто проснулся от долгого кошмарного сна и теперь с неподдающимся описанию изумлением смотрел по сторонам. – Мы, что дошли до центра Зоны?!

Грохот вызванных взрывом обвалов постепенно стих.

Пол под ногами содрогался все сильнее. Где-то неподалеку слышался топот ног, но выстрелы больше не звучали: бойцы секты, не получая ментальных команд, прекратили сопротивление.

Инок взглянул вниз. Два лестничных пролета обрушились, перекрыв путь назад.

– Наверх! – Он схватил все еще не пришедшего в себя Адепта за лямку разгрузки, заставил того встать на ноги и подтолкнул к уцелевшему лестничному маршу.

Эпилог

Над АЭС висели низкие, хмурые облака.

Адепт и Инок вышли из подземелий неподалеку от пруда-охладителя.

Явные предвестники близящегося выброса ощущались в самом воздухе. Вдалеке несколько военно-транспортных вертолетов забирали на борт спецназ, завершивший зачистку доступных помещений станции.

Адепт без сил опустился на землю. Инок присел рядом, посмотрев вверх.

Мрачные небеса постепенно наливались багрянцем, все больше напоминая гигантский кровоподтек. Истерзанный ранами людских помыслов, кровоточащий сгусток *общечеловеческого сознания,* только зародившийся, но уже познавший боль, ужас, страх, готовился к очередному самоочищению.

Инок невольно притих. Исчезло желание бежать, спасаться, нестись куда-то, сломя голову. Он смотрел в глаза Зоны, а Зона смотрела на него.

Кто же мы – попавшие под удар ноосферы, выброс за выбросом обрушивавшей на нас квинтэссенцию негативных помыслов и чувств человеческих? Выжив в Зоне Отчуждения, мы сумеем теперь выжить везде, или внешний мир отныне закрыт для нас?

Инок теперь отчетливо понимал: пока на Земле идут войны, умирают от голода или ракетно-бомбовых ударов женщины, старики и дети, пока миллиарды людей поклоняются идолам денег и власти, забывая элементарные заповеди милосердия – Зона будет расширяться. Уничтожить единое информационно-ментальное поле человечества способна только глобальная техногенная катастрофа, а изменить его, установить баланс, избавив ноосферу от необходимости выбросов, способны лишь люди, верящие в иные жизненные идеалы…

Инок сейчас абсолютно трезво оценивал шансы человечества. Слишком мало осталось чистой, бескорыстной любви, людей, живущих категориями собственного достоинства и здравого смысла, уважения к себе и окружающим, чтобы уравновесить страх, подлость, ненависть, корысть, отчаяние…

Армии способны истребить мутантов, стереть с лица Земли последствия жутких экспериментов, но не более.

«Мы же в состоянии уничтожить Зону только внутри себя, ибо она – закономерный итог нашей психологии», – внезапно подумалось ему.

Хмурые облака неслись над головой, ветер скручивал их в тугие кольца, багряно-черные прожилки превращали небесную хмарь в подобие текучего мрамора.

Теперь он знал главное.

Либо Зона будет расширяться, пока не захватит всю земную поверхность, либо люди станут хоть немного иными, – третьего уже не дано.

Фиолетовая вспышка ветвистой молнии разорвала сумрак.

Решение принято. Он оставался тут.

Не ради артефактов, славы или денег. Ради тех, кто придет сюда завтра.

– Пойдем, Адепт. – Инок встал, протягивая руку.

– На что ты надеешься? – глухо спросил монолитовец.

– Я не надеюсь. Тут не место для тщетных иллюзий. Есть Зона и есть сталкеры. Я иду за Гуроном и Логистом. Потом к озеру Янтарь.

– Предложишь свои услуги Сахарову?

Инок пожал плечами.

– Кто-то ведь должен помочь *настоящим* ученым постичь смысл происходящего тут.

– Ты говоришь непонятно, Инок. Во что ты веришь теперь?

– Не важно, кто и во что верит. Главное, что делает каждый из нас.

– Близится выброс. – Адепт проследил, как одна за другой взлетели вертушки, и добавил: – Может, поищем укрытие?

Инок отрицательно покачал головой.

– Ты боишься, Адепт?

– Мне нечего бояться. Зона – моя стихия.

– Тогда давай присядем. – Он указал на холмик, поросший порыжевшей травой.

Тучи неслись все стремительнее, ниже, беззвучные молнии рвали багряно-черные небеса.

Два сталкера – такие разные, один – прошедший через жуткое таинство полного опустошения, однажды сгоревший в нем и вновь нашедший силы жить, вырвать сознание из абсолютной пустоты бездушия, второй – ищущий, только постигающий тайны новой реальности, – Адепт и Инок, завороженно смотрели на очередное перерождение Зоны.

Каждый думал о своем.

Адепт привычно оттолкнул данность, и зловещие краски померкли, принимая вид черно-белого карандашного наброска.

Инок же впитывал происходящее, впервые не испытывая ужаса.

Он думал. Думал о Зоне, вспоминал тех, кого встречал на нелегком пути, о настоящих Сталкерах, с большой буквы. Их огрубевшие, но твердые души, их скупое милосердие ненавязчиво изменили Инока, дав ему шанс выжить и понять многое.

«Все только начинается», – внезапно подумал он.

Теперь и Зона стала иной. В ней больше нет Выжигателя, Монолита и «О-сознания». Окружающее пространство вновь вернулась к состоянию чистой стихии.

Зона – генерация наших сознаний, воплощение поступков, беспощадное, но честное мерило душ всех, кто попадает сюда.

Он взглянул в направлении Припяти и не увидел мечущихся над призрачным городом теней.

Через мгновенье ударил выброс.

Шепот вечности струился над землей. Миллиарды тихих голосов сплетались в нем, в небо в километре от станции ударил столб призрачного света, облака вскипели, дождь из молний хлестал по земле, яркими вспышками формировались аномалии, а на месте исчезнувших словно бутоны огненных цветов возникали артефакты. Неистовый, тугой порыв ветра рванул вдоль земли расширяющейся кольцевой волной урагана, но там, где сидели Инок и Адепт, не шелохнулась ни одна травинка.

Через некоторое время, когда буйство стихии пошло на убыль, а мрак утратил зловещие багряные краски, Инок тронул Адепта за плечо и негромко произнес:

– Пойдем. У нас еще много дел.

notes

Примечания

1

Стой! Кто идет?! *(нем.)*

2

Выброс! *(нем.)*